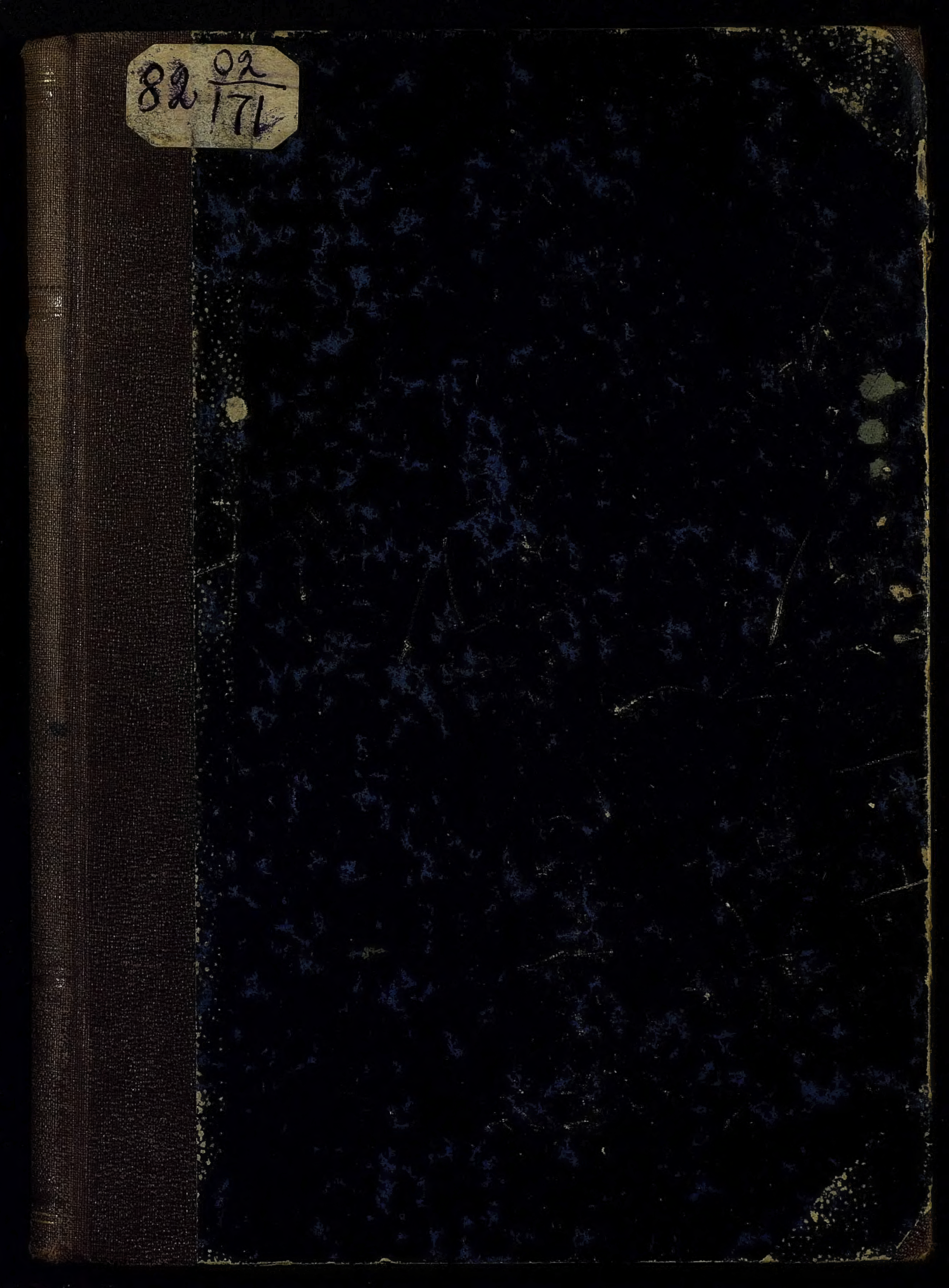
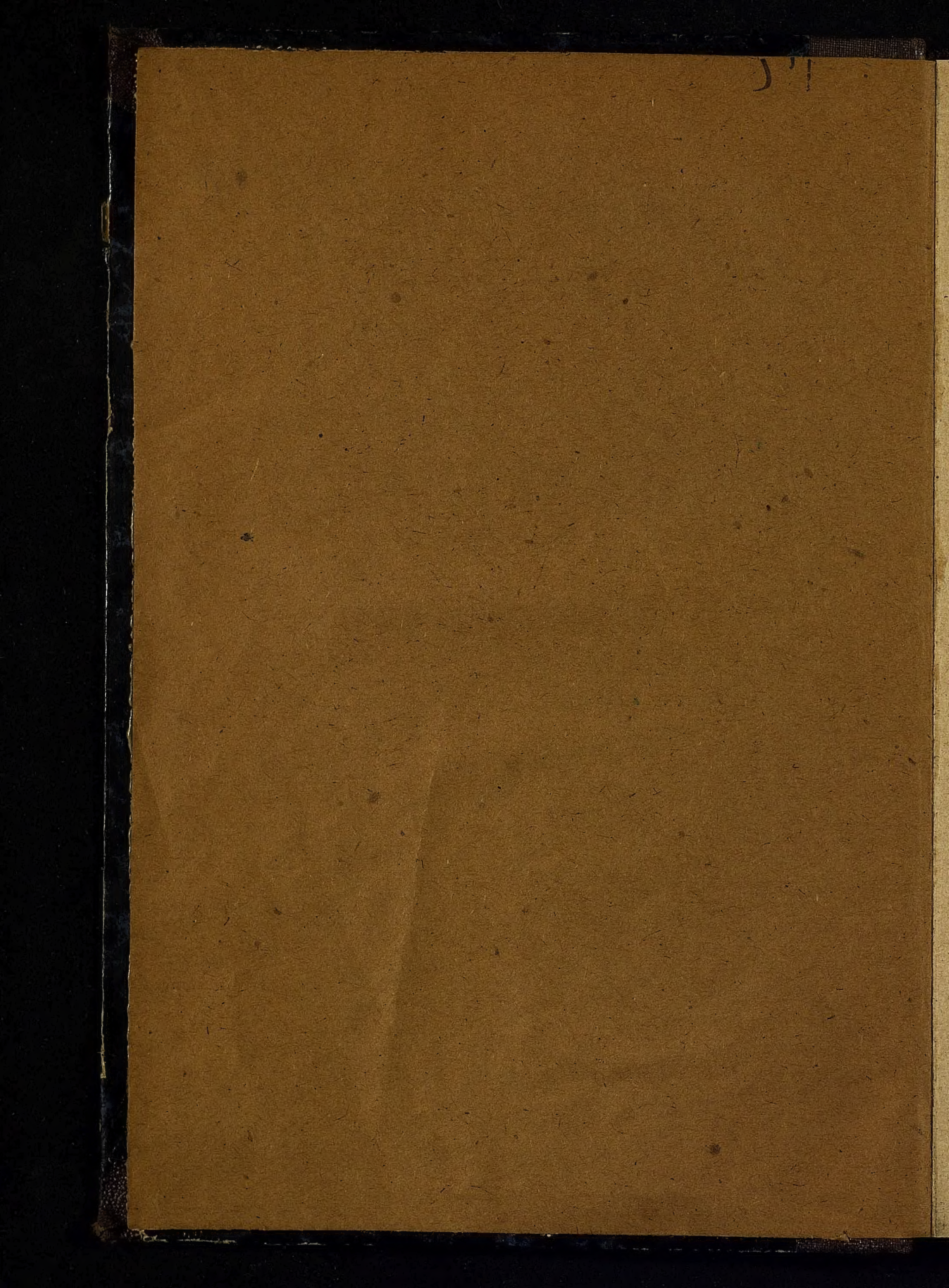

82 02/171

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ЗВУКОВЪ И ФОРМЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА

СЪ XI ПО XVI СТОЛѢТІЕ.

М. КОЛОСОВА.

ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА
на Мёдовой улицѣ, № 487.

1872.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ, *П. Лавровскій.*

Приступая къ нашему дѣлу, мы задались гораздо болѣе ограниченною цѣлью, чѣмъ та, какая опредѣляется настоящимъ заглавіемъ этого труда. Въ началѣ нашимъ намѣреніемъ было опредѣлить только особенности языка XV-го вѣка. Именно XV вѣкъ былъ избранъ нами потому, что относящіеся къ нему памятники менѣе сравнительно съ памятниками предъидущихъ столѣтій, разработаны филологическою критикою.

Что цѣль наша расширилась, тому причиной самый процессъ такого рода работы.

Характеръ нашей древней писменности таковъ, что, наблюдая памятники лишь одного, даннаго вѣка, можно представить *описаніе* ихъ, но не возможно сдѣлать никакихъ относящихся до нихъ *выводовъ*. Хотя и нельзя сказать, чтобы древняя наша письменность была совершенно чужда фонетическаго характера, но, въ большинствѣ случаевъ, преобладаетъ, однако, въ ней правописаніе историческое. Оно часто нарушается, но нерѣдко выдерживается довольно послѣдовательно и кладетъ отпечатокъ древности на произведенія сравнительно поздней поры.

Чтобы опредѣлить, поэтому, особенности языка даннаго вѣка, нужно знать, что совершилось въ языкѣ *до* этого вѣка. Для опредѣленія, въ частности, особенностей языка XV вѣка потребовалось

выяснить всѣ тѣ фонетическія и формальныя измѣненія, которыя представляются памятниками XI, XII, XIII и XIV вѣковъ.

Принявъ въ соображеніе при нашихъ выводахъ всю бывшую намъ доступной массу памятниковъ отъ начала письменности до XV вѣка включительно; сосредоточивъ на памятникахъ XI—XIV столѣтій столько же вниманія, какъ и на памятникахъ XV-го, — мы рѣшились отступить отъ прежде предположенной цѣли и задались болѣе широкой задачей: опредѣлить особенности звуковъ и формъ русскаго языка, изъ столѣтія въ столѣтіе, отъ первыхъ памятниковъ письменности до XVI вѣка.

Къ этому рѣшенію вынудило насъ, между прочимъ, и убѣжденіе, что такого рода трудъ можетъ быть не безполезенъ въ настоящее время.

Задачи исторіи языка слишкомъ обширны, чтобы можно было ожидать появленія исторіи русскаго языка — въ строгомъ смыслѣ этого слова—даже въ близкомъ будущемъ. Мы находимся еще въ періодѣ собиранія и предварительной разработки матеріала.

Но историческій очеркъ извѣстныхъ сторонъ жизни языка возможенъ, думаемъ, и въ наше время. Матеріала накопились уже такъ много сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлано для его разработки, что такой очеркъ можетъ быть явленіемъ и умѣстнымъ и даже желательнымъ. Если онъ представитъ только систематическій сводъ тѣхъ данныхъ, которыя разсѣяны во множествѣ изданныхъ памятниковъ, и тогда появленіе его не безцѣльно.

Мы озаботились въ нашемъ трудѣ какъ о такомъ сводѣ данныхъ, представляемыхъ памятниками, такъ и о посильномъ, гдѣ было это возможно, объясненіи ихъ.

Тѣ, кого неудовлетворятъ эти послѣднія, найдутъ, во всякомъ случаѣ, въ немъ довольно матеріала для собственныхъ соображеній

и выводовъ: описательная часть занимаетъ въ нашей книгѣ довольно видное мѣсто.

Цѣль, которою мы задались, условила для насъ необходимость коснуться очень многихъ вопросовъ и высказаться такъ или иначе по отношенію къ нимъ. Иногда однако же, подвергая сомнѣнію выводъ, сдѣланный другимъ, мы или не высказываемъ нашего собственнаго мнѣнія, или высказываемъ его предположительно, условно. Такъ поступали мы въ убѣжденіи, что сомнѣніе, основанное на доказательствахъ, въ наукѣ весьма важно, но далеко не всегда понимающій ошибку въ выводѣ другаго, въ состояніи на мѣсто отвергаемаго имъ мнѣнія поставить свое собственное. Нерѣшительность нѣкоторыхъ нашихъ выводовъ и замѣчаній можетъ, быть кромѣ того, объясняема и состояніемъ науки исторіи русскаго языка. Извѣстно каждому знакомому съ дѣломъ, что нашему труду предшествовали очень немногіе труды въ томъ же направленіи.

Первый опытъ историческаго обозрѣнія данныхъ языка по памятникамъ сдѣланъ былъ К. Аксаковымъ въ его магистерской диссертаціи: Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка. Москва 1846. Въ настоящее время, по отношенію къ вопросамъ о языкѣ, сочиненіе это не имѣетъ уже научной цѣнности.

Въ 1850 г. явились „Мысли объ исторіи русскаго языка" Срезневскаго,—трудъ, въ которомъ данныя русскаго языка впервые были обобщены и уяснены черезъ сравненіе съ соотвѣтствующими данными другихъ славянскихъ нарѣчій [1]).

Не менѣе важно было для развитія науки о русскомъ языкѣ со-

---

[1]) Разборъ этой книги сдѣланъ пр. Буслаевымъ. (Отеч. Зап. 1850 № 10).

чиненіе П. А. Лавровскаго „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей" Спб. 1852 г.

Книга эта даетъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько обѣщаетъ ея заглавіе. Ближайшій предметъ ея—новгородское нарѣчіе, но авторъ представляетъ въ ней довольно полный историческій очеркъ всего велико-русскаго языка. Полнота данныхъ, точность указаній и строгая систематичность въ изложеніи даютъ этому труду важное значеніе и въ настоящее время, не смотря на то, что уже 20 лѣтъ прошло со времени его появленія.

Въ теченіе этихъ 20 лѣтъ не было сдѣлано ни одного новаго опыта къ историческому обозрѣнію судебъ русскаго языка. Говоря такъ, мы вовсе не забываемъ объ Исторической грамматикѣ Буслаева [1]), которая, вмѣстѣ съ его же Историческою христоматіей, является капитальнымъ произведеніемъ, составляющимъ эпоху въ наукѣ о русскомъ языкѣ. Но, историческая грамматика, распредѣляющая данныя языка по грамматическимъ категоріямъ, не одно и тоже, что исторія языка, которой задача—прослѣдить хронологически послѣдовательно различныя совершавшіяся въ языкѣ, съ теченіемъ времени, измѣненія и дать имъ объясненія на исторической же почвѣ.

Отъ всѣхъ названныхъ трудовъ нашъ трудъ различается по объему задачи и по цѣли.

Объемъ его уже: 1) мы слѣдимъ за измѣненіями не всего русскаго языка, а только великорусскаго; 2) не за все время его исто-

---

[1]) Первое изданіе явилось въ 1858 году. Указаніе достоинствъ и недостатковъ этого труда въ ст. Лавровскаго (Зап. Ак. Н. т. VIII) и Гаттаны (Časop. mus. kral. českého 1872).—Нѣкоторыя цѣнныя по исторіи языка указанія можно, кромѣ упомянутыхъ трудовъ, найти въ ниже упоминаемыхъ статьяхъ г. Потебни.

рической жизни, а только по XVI столѣтіе; 3) не всѣ стороны жизни русскаго языка составляютъ для насъ предметъ наблюденія, а только его фонетика и формы.

Цѣлью нашею было—опредѣлить по памятникамъ фонетическія и формальныя особенности русскаго языка для *каждаго столѣтія* съ XI по XVI.

Выполненіе этой цѣли казались намъ и важнымъ и возможнымъ.

Важнымъ уже и потому, что принадлежность памятниковъ, не имѣющихъ на себѣ опредѣленнаго обозначенія года, къ тому или другому вѣку, у насъ большею частью опредѣляется не столько на основаніи филологическихъ, сколько палеографическихъ данныхъ; строго опредѣленныхъ звуковыхъ и формальныхъ признаковъ для даннаго вѣка нашей древней письменности мы не имѣемъ.

Можемъ ли имѣть ихъ? Думаемъ, что можемъ: нельзя, кажется намъ, допустить, чтобы въ живомъ, развивающемся языкѣ въ теченіи такаго промежутка времени, какъ столѣтіе, не сказалось хотя бы одной такой звуковой или формальной черты, которой не было раньше.

Нельзя также, по нашему мнѣнію, думать, чтобы выводы относительно фонетики и формъ даннаго вѣка, сдѣланные на основаніи цѣлаго ряда памятниковъ, могли быть разрушены открытіемъ новой рукописи, до того времени неизвѣстной. Хотя въ нашей древней письменности и господствуетъ историческое правописаніе, но почти въ каждомъ памятникѣ проявляется и фонетическое. Невозможно, поэтому, чтобы въ двухъ-трехъ десяткахъ памятниковъ не сказалось данной особенности, если она уже имѣла мѣсто въ живомъ языкѣ. Дьяконъ Григорій, переписчикъ Остромирова Евангелія, можетъ считаться образцемъ писцевъ—копировщиковъ, а и у него прорвались

и описки и свойственные живому языку того времени руссизмы. Начиная съ XII вѣка мы имѣемъ,—хотя, къ сожалѣнію, и не въ большомъ количествѣ,—и такіе памятники, на которыхъкнижное вліяніе сказалось мало, или не сказалось вовсе. Они то, конечно, и должны быть для насъ краеугольнымъ камнемъ при выводахъ относительно древней фонетики и формъ.

Само собою разумѣется, что, сообразно заданной нами цѣли, всѣ наши выводы основаны *исключительно* только на памятникахъ, дошедшихъ до насъ *въ подлинникахъ*. На копіи мы никогда не позволяли себѣ полагаться, и убѣждены, что, поступая такъ, поступали вѣрно.

Насъ могутъ упрекнуть въ томъ, что мы не коснулись многаго изъ того, чего должны были бы коснуться по характеру нашего труда. Такъ можно указать на то, что нами вовсе обойденъ важный въ исторіи русскаго языка вопросъ о времени раздѣленія его на два главныя нарѣчія. На это мы отвѣтимъ, что не считаемъ возможнымъ со стороны кого бы то ни было рѣшительно въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ же—мы имѣли въ виду только великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи.

Можно, далѣе, упрекнуть насъ за отсутствіе сравненія звуковъ и формъ русскаго языка съ звуками и формами другихъ славянскихъ нарѣчій и за отсутствіе такого же сравненія съ данными, представляемыми говорами современнаго нашего языка.

На послѣднее отвѣтимъ: 1) разработка народныхъ говоровъ у насъ еще въ зародышѣ; 2) древніе памятники почти ничего не даютъ для характеристики діалектическихъ различій русскаго языка; 3) мы и не видѣли особой пользы *для нашей цѣли* въ сопоставленіи фактовъ современнаго русскаго языка съ соотвѣтствующими факта-

ми древняго. Положимъ, напр., что форма *во лузяхъ*, какъ архаизмъ, можетъ служить указаніемъ на существовавшую нѣкогда переходную смягчаемость гортанныхъ; но и безъ такихъ указаній мы знаемъ *по памятникамъ*, что такое смягченіе существовало въ древне-русскомъ. Отъ настоящаго *можно* конечно заключать къ прошедшему, но *должно* лишь тогда, когда это прошедшее само не представляетъ намъ достаточно данныхъ для сужденія о немъ.

Что до сравненія съ славянскими языками, то оно не только полезно, но и необходимо въ исторіи русскаго языка, но нашъ трудъ не исторія русскаго языка, а только „*очеркъ исторіи его звуковъ и формъ* съ XI по XVI ст.“

Варшава, 1872 года.

Колосовъ.

Представляемъ перечень важнѣйшихъ источниковъ, изъ которыхъ заимствовованы данныя, приводимыя въ текстѣ нашей книги, а вмѣстѣ и объясненіе сокращеній употребленныхъ въ ней:

1) *О. Ев:* Остримирово Евангеліе, изданіе Востокова 1843 г.

2) *Оп. р. р. м:* Описаніе рукописей румянцевскаго музеума Востокова Спб. 1842 г.

3) *Оп. р. с. б:* Описаніе рукописей синодальной библіотеки Горскаго и Невоструева. Т. I. М. 1855 г. II 1857—59. III 1862 г.

4) *П. и ф. м:* Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи славянскихъ письменъ (юбилейное изданіе московскаго университета 1855 г.) Буслаева.

5) *И. Хр:* Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ—его же. М. 1861.

6) *Оп. 7 р.* Описаніе семи рукописей Императорской с.-петербургской публичной библіотеки П. А. Лавровскаго М. 1859 г.

7) *Оп. р:* Описаніе рукописей (евгеніевскихъ, норовскихъ и пр.) Востокова (Ученыя записки ак. наукъ кн. 2-я в. 2-й).

8) О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ Ламанскаго.

9) *Пам. XII в.:* Памятники XII вѣка Калайдовича М. 1821 г.

10) *І. Э, Б:* Іоаннъ Экзархъ Болгарскій—его же 1824 г.

11) *П. юс. п.:* Памятники юсоваго письма Срезневскаго Спб. 1868 г.

12) *Др. пам.:* Древніе памятники русскаго письма и языка Спб. 1863 г. Его же.

13) *Св. и зам.:* Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Его же (первые четыре выпуска въ отдѣльномъ оттискѣ Спб. 1867 г., пятый въ Зап. Академ. наукъ т. XX).

14) *С. сб:* (Сильверстовскій сборникъ) Житіе св. Бориса и Глѣба. Его же.

15) *Ж. Б. и Г:* Житіе Бориса и Глѣба по спискамъ XII и XIV в., изданные Бодянскимъ (Чтенія въ Общ. исторіи и древностей 1870 г. № 1).

16) *Ж. Ф:* Житіе Феодосія, написанное Несторомъ и изданное по списку XII в. Бодянскимъ (Чтенія 1858 г. III).

17) *Ап:* (Апокрифы) Памятники отреченной литературы Тихоправова I и II т. М. 1863 г.

18) *Сл. о п. Иг:* Слово о полку Игоревѣ въ изданіяхъ Дубенскаго (II ч. Русскихъ достопамятностей), Тихонравова и Пекарскаго.

19) *Р. П:* Русская Правда по списку Кормчей 1282 г. (I ч. Рус. Достопам. 1815 г.).

20) *С. I, С. II.* Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ т. I М. 1813 т. II 1819 г.

21) *А. И:* Акты историческіе, собранные и изданные Археографической коммиссіею Спб. 1841 г., т. I.

22) *Д. I:* Дополненія къ актамъ историческимъ т. I Спб. 1846 г.

23) *А. Э:* Акты археографической экспедиціи т. I Спб. 1836 г.

24) *А. юр.* Акты юридическія, изд. Археографическою коммисіею Спб. 1838 г.

25) *А. К.* Акты относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, изд. Арх. ком. подъ ред. Калачева, т. I и II Спб. 1857—46.

26) *А. З. Р.* Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, изд. Арх. ком. т. I Спб. 1846 г.

27) *Гр. Н.* Грамоты, касающіяся до сношеній юго-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Найдены въ рижскомъ Архивѣ Напьерскимъ и изданы Арх. ком. Спб. 1857.

28) Лаврентьевская лѣтопись I-е изд. (П. С. Р. Л. т. I.)
29) Лѣтопись по Ипатскому списку 2-е изд.
30) Троицкая лѣтопись въ П. С. Р. Л. т. I.
31) I новгородская лѣтопись въ III-мъ т. П. С. Р. Л. [1]).

---

[1]) Объясненіе другихъ сокращеній см. въ концѣ книги.

Тому, что составляетъ главное содержаніе нашего труда, считаемъ нужнымъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о звукахъ русскаго языка.

Извѣстно, что звуковыя особенности древне-русскаго языка, отличающія его отъ старо-славянскаго, опредѣлены были научнымъ образомъ впервые Востоковымъ въ его знаменитомъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ." [1]).

Онъ говоритъ въ немъ по этому поводу слѣдующее:

„Разность діалектовъ, существовавшая безъ сомнѣнія уже въ самой глубокой древности у разныхъ поколѣній славянскихъ, не касалась въ то время до склоненія, спряженія и другихъ грамматическихъ формъ, а существовала большею частію только въ различіи выговора и въ употребленіи нѣкоторыхъ особенныхъ словъ. Напр. русскіе славяне издревле говорили: волость вм. власть, городъ вм. градъ, берегъ вм. брѣгъ; и проч. [2]) щ въ словахъ нощь, пещь, вращати замѣняли они издревле буквою *ч*: ночь, печь, ворочати. Такимъ же образомъ ц-слав. *жд* замѣняется въ русскомъ одинакимъ *ж*: вожь, дажь, вм. вождь, даждь. . . . Русскіе не имѣли также звуковъ, выраженныхъ буквами Ѫ и Ѧ кириловской азбуки, а вмѣсто оныхъ выговаривали *у* и *іа* [3]). Особенныя

---

[1]) Напечатано въ Труд. Общ. Люб. Рус. Слов. 1820 г.; перепечатано въ Учен. Зап. Ак. Н. кн. II в. 2. 1856 г.

[2]) Разсужд. стр. 7.

[3]) Разсужд. стр. 8.

слова, коими отличался русскій діалектъ отъ церковно-славянскаго въ древнемъ періодѣ, были нѣкоторыя частицы, мѣстоименія, нарѣчія и т. п. оже-еже, аче-аще, ать-да, оли, олны-даже, до и пр.“ [1]).

Въ этихъ словахъ недостаетъ обобщенія, но факты подмѣчены очень вѣрно, и легко на основаніи ихъ формулировать болѣе строго звуковыя отличія древне-русскаго отъ старо-славянскаго:

а) въ гласныхъ звукахъ:

1) *о* вм. *е* въ началѣ словъ (*оже*—*еже*, какъ *олень*—*ѥлень* и т. п.); 2) замѣна юсовъ чистыми гласными: у—ѫ, ѧ—ѩ; 3) полногласіе, т. е. употребленіе—оро, оло, ере, еле, вм. ст.-слав. ра, ла, рѣ, лѣ;

б) въ согласныхъ звукахъ:

4) особенность въ смягченіи зубныхъ: *д* въ *ж* вм. ст.- слав. *жд*, *т* въ *ч* вм. ст.-слав. *шт*.

Къ этимъ указаннымъ Востоковымъ особенностямъ древне-русскаго языка прибавлены были въ послѣдствіи еще слѣдующія черты:

5) мягкость шипящихъ [2]), 6) постановка глухихъ передъ плавными, 7) близость ихъ къ гласнымъ чистымъ *о* и *е* [3]), 8) замѣна *и* передъ слѣдующимъ за нимъ гласнымъ звукомъ черезъ *ь* [4]). Изъ этихъ трехъ признаковъ два послѣдніе кажутся намъ несущественными: сокращеніе *и* въ *ь* имѣетъ мѣсто и въ памятникахъ не носящихъ на себѣ признаковъ русскаго письма (напр. въ Супр. рук.); на близость же *ъ* къ *о* и *ь* къ *е* нельзя, думаемъ, указывать какъ на отличіе русскаго отъ старо-славянскаго, такъ какъ мы не знаемъ, какую замѣну получили бы глухіе въ послѣднемъ, еслибы они изчезли въ немъ: быть можетъ туже, что и въ русскомъ.

Важнѣе кажутся намъ для характеристики звуковыхъ особенностей русскаго языка слѣдующія черты: 9) замѣна *ѣ* зерезъ *е*, 10) мѣна *у* и *в*, и 11) сравнительно позднее—измѣненіе *ы* на *о* (ый—ой) и *и* на *е* (ій—ей).

---

[1]) Разсужд ст. 8.

[2]) Срезневскій. Мысли объ исторіи русскаго языка.

[3]) Потебня. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, стр. 138.

[4]) П. Лавровскій. О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей, стр. 44.

И эти особенности *не исключительно* свойственны русскому языку, но они характеризуютъ его *сравнительно съ старо-славянскимъ*.

Исключительно русскому языку свойственны изъ обозначенныхъ признаковъ только: 1, 3, 4, 5 и 6.

Что обозначенныя звуковыя черты русскаго языка неодинаково древни—это извѣстно: нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ исторической порѣ, происхожденіе другихъ должно быть отнесено ко временамъ доисторическимъ. Къ послѣднимъ должны быть отнесены признаки: 1, 2, 3, 4, 6 и, быть можетъ, 5. Признаки: 9 и 10 встрѣчаются уже въ первомъ вѣкѣ нашей письменности; 11 представляетъ, какъ уже сказано, явленіе сравнительно позднее.

Коснемся хоть въ немногихъ словахъ каждой изъ обозначенныхъ особенностей.

---

1) *о—іе*.

Что древнѣе русское ли начальное *о* или старо-славянское начальное *іе*? Хотя *е* также какъ и *о* соотвѣтствуетъ исконному *а* [1]), но въ градаціи славянскихъ звуковъ *о* стоитъ ближе къ *а* чѣмъ *е*: первый изъ этихъ звуковъ составляетъ среднюю ступень между *а* и *е* [2]). Можно бы поэтому думать, что начальное русское *о* древнѣе начальнаго старо-слав. *е*; что послѣднее явилось изъ перваго или какъ результатъ ослабленія его (*а—о—е*), или какъ результатъ йотаціи (a—o—jo = e—je).

Но слѣдующія основанія заставляетъ отвергнуть это предположеніе и признать большую древность за старо-слав. начальнымъ *е*: 1) вмѣсто начальнаго исконнаго *а*, на мѣстѣ котораго стоитъ въ русскомъ *о*, а въ старо-слав. *іе*, уже въ литовскомъ встрѣчаемъ мы въ нѣкоторыхъ словахъ *е*: санск. âkhu = русс. ожь = старо-сл. іежь—въ литовскомъ: *e*žis; русское—*о*лень = старо-слав. *іе*лень—въ литовс.

---

1) Schleicher. Formenl.

2) ibid.

elnis [1]); 2) за исключеніемъ русскаго ни одно изъ другихъ славянскихъ нарѣчій не расходится въ этомъ случаѣ съ старославянскимъ; 3) слова съ начальнымъ *е*, заимствованныя изъ чужа, измѣняютъ въ русскомъ языкѣ этотъ звукъ на *о*: ελαιον—олѣи.

Послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что русское *о* вм. старо-слав. *іе* [2]) должно быть объясняемо изъ нелюбви русскаго языка начинать слова съ этого послѣдняго звука [3]).

---

2) *ър*, *ъл* и пр.

Прежде чѣмъ опредѣлить эту особенность, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о глухихъ въ древне-русскомъ языкѣ.

Что глухіе древне-русскому языку были свойственны, въ томъ нельзя сомнѣваться въ настоящее время [4]).

Вопросъ относительно этихъ звуковъ можетъ заключаться лишь въ томъ,—когда они изъ нашего языка изчезли.

---

[1]) Miklosich. Radices l. sl. v. d. 1845.

[2]) А можетъ быть *е*? т. е. можетъ быть русское начальное *о* предполагаетъ не *іе*, являющееся въ старо-слав., а *е*, которое могло быть нѣкогда обще-славянскимъ. И старо-слав. яз. не любитъ начальнаго *е*, но, стремясь избѣжать его, старо-сл. избралъ не тотъ путь, что русскій: первый йотируетъ *е*, второй превращаетъ его въ *о*.

[3]) Понятно, что это не есть еще окончательное объясненіе явленія. Возбуждаются вопросы: почему русскій языкъ превращаетъ *іе* именно въ *о* (или *е* въ *о* вм. *іе*)? Въ какомъ отношеніи эта любовь русскаго языка къ начальному *о* стоитъ къ другимъ его звуковымъ особенностямъ (а связь должна быть)? На эти вопросы мы отвѣтить не можемъ.

[4]) Хотя,—нельзя не упомянуть при этомъ,—нѣкоторые ученые въ томъ и сомнѣваются. Такъ пр. Гаттала въ своемъ сочиненіи: „O nosnih samoglasih u bugarštini u obće, i napose u novoj“ говоритъ: „osim stare i nove bugarštine i slovenštine neima u nijednom od ostalih slov. narječja takave sile, kojem negdanji puni samoglasi prije, nego će izginuti, oslabluji i to u staroj i novoj bugarštini u ъ i ь, u slovenštini păk barem u ъ“ (стр. 6 отд. оттиска). При этомъ онъ ссылается на Миклошича, который говоритъ, что глухіе „bilden eine hervorragende eigenthümlichkeit des

По этому вопросу мнѣнія нашихъ ученыхъ хотя и не одинаковы, но близки одно къ другому [1]). Наше собственное по этому вопросу мнѣніе видно будетъ изъ послѣдующаго. Теперь же замѣтимъ только, что какъ правильность употребленія глухихъ въ дан-

---

alt und neu slavenischen und des bulgarischen" (V. Gr. I. 268). Но вѣдь это значитъ только, что глухихъ *не имѣетъ теперь* ни одно изъ славянскихъ нарѣчій кромѣ старо и ново-словинскаго и болгарскаго; Миклошичъ приведенной цитатой вовсе не отрицаетъ того, что и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ *нѣкогда могли быть* глухіе звуки. Приведенная же выдержана изъ сочиненія Гатталы можетъ быть понята именно какъ такое отрицаніе. Что этотъ ученый не признаетъ глухихъ въ древне-русскомъ, видно и изъ слѣдующаго мѣста той же статьи его: „da se on (Миклошичъ) u tom (въ отрицаніи глухихъ для древне-русскаго языка) vara, toga ne bih ja još i onda dopustio, kad bi Bielowski i Wagilewicz dokazali bili da se zbilja još i danas ti samoglasi izgovaraju u maloruštini pomenutih krajeva (коломыйскаго и станиславовскаго округовъ, стр. 7 пр. 25). При этомъ Гаттала утверждаетъ, что Миклошичъ „izrično odriče *staroj* ruštini slabe samoglase odgavarajuće cir ъ i ь u Bugara i Slovenaca" (ibid.) Но на указанныхъ Гатталою страницахъ Vergl. Gram. Миклошича, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ этого труда его, нѣтъ рѣшительнаго отрицанія глухихъ для *древне*-русскага языка. Правда, онъ говоритъ: „man muss sich vor allem klar machen, dass altslov. ъ und ь von russ. ъ und ь sorgfältig zu scheiden: ъ und ь sind im altslov. buchstaben, im russischen zeichen" (V. Gr. I. 379). Но здѣсь старо-славянскому противопоставляется, какъ видно изъ послѣдующаго изложенія Миклошича, современный, а не древне-русскій языкъ. О глухихъ же въ послѣднемъ Миклошичъ говоритъ слѣдующее: „auch in einer gramata des Mstislav Davidovič findet man im auslaut *ъ* durch *o*, *ь* durch *e* ersetzt, was entweder *dem noch hörbaren laut'*, oder, was warscheinlicher, einer falschen analogie zuzuschreiben ist (ib. 381). Ясно, что и здѣсь нѣтъ отрицанія, а только сомнѣніе. Но и сомнѣніе невозможно относительно этого вопроса. Что глухіе были въ древнемъ русскомъ языкѣ, это было не разъ уже доказываемо. Въ настоящемъ трудѣ представлено будетъ изъ древне-русскихъ памятниковъ много данныхъ, подтверждающихъ общее мнѣніе.

[1]) Приводимъ главное изъ того, что высказано по этому вопросу:

Срезневскій: „въ русскомъ .. ихъ (глухіе) употребляли довольно правильно еще и въ XIV вѣкѣ" (Мысли объ ист. р. яз. стр. 50).

номъ памятникѣ не есть ручательство за то, что они въ языкѣ въ то время, къ которому этотъ памятникъ относится, еще существовали; такъ и опущеніе ихъ или замѣна чистыми не можетъ еще служить прямымъ доказательствомъ противнаго.

П. Лавровскій: „Отъ первыхъ памятниковъ гражданской письменности... до самого конца XIII ст. и первыхъ годовъ XIV... употребленіе ъ и ь представляется столько же правильнымъ, какъ и употребленіе другихъ буквъ русскаго алфавита" (О яз. сѣв. р. лѣт. стр. 31) „Употребленіе ихъ (глухихъ)... подъ исходъ XIV в. изчезаетъ вовсе" (ib. 32). „Съ началомъ второй половины XIV столѣтія можно положить приблизительно періодъ окончательной потери характера ъ, ь въ сознаніи народа русскаго" (ib.). „Съ послѣдними годами XIII в. ъ, ь въ письменности пропадаютъ почти вовсе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно былобы ожидать ихъ по требованію древней орфографіи, и гдѣ дѣйствительно находятся они въ памятникахъ XI—XII ст.; при *р*, *л* они продолжали еще писаться и при томъ постоянно и правильно до второй половины XIV" (ib. 35).

Потебня: „Памятники, подобные договору Мстислава съ Ригою и готскимъ берегомъ, убѣждаютъ, что въ XIII—XIV вѣкахъ глухіе въ срединѣ и на концѣ словъ произносились въ сѣверн., къ которому принадлежатъ эти памятники, какъ гласные звуки, составляющіе слогъ" (Два изсл. 55). „Въ южновел. и млр. можетъ быть въ XII в. или и раньше стерся конечный глухой звукъ (ib. 56). На основаніи словъ: черно-городцки (1578 г.) и гридуню (1556 г.), встрѣченныхъ имъ въ волынскихъ памятникахъ, онъ заключаетъ „что, вѣроятно, ъ въ этомъ мѣстѣ въ то время еще слышалось" (ib. 93). „На сѣверѣ Руси глухіе звуки на концѣ явственно произносились еще въ XIII ст." (ib. 108). „Въ южнорусскихъ памятникахъ XIII—XV в. и нерѣдка даже въ болѣе позднихъ, встрѣчаются такія ошибки въ правописаніи, которыя заставляетъ думать, что въ это время глухіе еще слышались внутри словъ, хотя и не вездѣ, гдѣ они должны быть въ древнерусскомъ и старо-славянскомъ" (Зам. о малор. нар. 11 стр.). „Есть основаніе думать, что въ этихъ говорахъ (южновел. и млр.) потеряны конечные глухіе звуки въ XII вѣкѣ или и раньше" (ib. 14). Прибавимъ къ этому еще, что по мнѣнію г. Потебни, которое нельзя нераздѣлить, свойственное малорусскому измѣненіе о, е—явленіе болѣе позднее въ этомъ нарѣчіи, чѣмъ изчезновеніе изъ него глухихъ (ib. 12).

Встрѣчая въ какомъ либо памятникѣ въ большей части случаевъ правильно выдержанное употребленіе еровъ, мы можемъ смотрѣть на это явленіе не какъ на отраженіе въ письменности особенности живаго языка, а какъ на установившійся и, благодаря старательности писца, послѣдовательно выдержанный пріемъ орфографическій. Наоборотъ: опущеніе ъ въ словѣ напр. *полкъ* (*плкъ* вм. пълкъ), еслибы оно встрѣтилось въ какомъ либо памятникѣ, какъ постоянное явленіе, могло бы скорѣе служить къ утвержденію, чѣмъ къ отрицанію существованія глухаго; опущеніе глухаго при другихъ согласныхъ можно объяснять какъ небрежность писца; замѣну глухихъ чистыми, если она не постоянна,—близостью первыхъ ко вторымъ и т. д. Болѣе вѣрнымъ ручательствомъ за существованіе или несуществованіе глухихъ въ данную эпоху могутъ, по нашему мнѣнію, служить группы согласныхъ и совершающіяся въ нихъ измѣненія.

Есть такія группы согласныхъ, которыя для языка рѣшительно невозможны и которыя однакоже, выдерживаются постоянно неизмѣненными въ древній періодъ письменности, являясь видоизмѣненными въ позднѣйшій. Существованіе такихъ группъ для данной эпохи есть указаніе на существованіе еровъ для той же эпохи. Если въ данномъ памятникѣ слова напр. *сердце*, *седмь*, (и другія, представляющія надобныя сочетанія согласныхъ) никогда не являются измѣненными, то нужно, думаемъ, допустить, что въ первомъ послѣ *д* слышились еще ь, во второмъ звучало конечное ь. Или, напр., пока въ словѣ *послю* (= посълѭ) *с* сохранялось, не переходя въ *ш*,

---

Буслаевъ: выраженіемъ: „уже въ древнюю пору русскіе произносили ъ и ь какъ о и е, потому писецъ О. Ев. по русскому выговору пишетъ: сотьникъ и пр. (Ист. Гр. § 27 с. 42 стр. 1. 3-е изд.), какъ будто отрицаетъ глухіе для древне-русскаго языка, такъ такъ утвержденіе, что ъ, ь произносились какъ о, е, равняется отрицанію гласности первыхъ. Но изъ слѣдующихъ строкъ того же мѣста, откуда заимствована приведенная цитата, видно, что онъ признаетъ глухіе для древне-русскаго, думая притомъ, что буквами ъ и ь обозначилась краткость звуковъ *о* и *е* (43). Времени исчезновенія глухихъ изъ русскаго языка пр. Буславъ въ своей Историч. Грам. не опредѣляетъ.

до тѣхъ поръ, слѣдуетъ думать, послѣ него слышался глухой, хотя бы онъ и не писался: j могло оказать смягчающее вліяніе на *с* через *л*, но не через *ъл*.

Конечно, и правильное сохраненіе группъ согласныхъ можетъ быть объясняемо, какъ результатъ старательности писца—копировщика, какъ пріобрѣтенный имъ навыкъ къ извѣстному способу писанія; но это объясненіе является, на нашъ взглядъ, рѣшительно непригоднымъ въ томъ случаѣ, если мы замѣчаемъ въ данной рукописи, и при томъ объемистой, *постоянное* сохраненіе невозможныхъ въ языкѣ сочетаній согласныхъ; наши старинные писцы не были этимологами и за нашимъ стариннымъ правописаніемъ нельзя отрицать фонетическаго характера.

Изъ послѣдующаго будетъ видно, что нѣкоторыя группы согласныхъ потерпѣли измѣненіе очень рано, другія сравнительно очень поздно. Въ этомъ можно видѣть указаніе на постепенное изчезновеніе глухихъ изъ языка. Извѣстно, что ни одно новое звуковое явленіе не охватываетъ сразу всей области языка, какъ не теряетъ сразу своей силы и отживающій свое время звуковой законъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о глухихъ, обратимся къ обозначеннымъ выше сочетаніямъ *ър*, *ъл* и пр.

Признавая ъ и ь за глухіе гласные въ древне-русскомъ языкѣ, мы думаемъ, что они сохраняютъ такое значеніе во всѣхъ случаяхъ, при всѣхъ согласныхъ; видимъ поэтому въ сочетаніяхъ—ър, ъл и пр.—сочетанія глухаго *гласнаго* съ плавнымъ *согласнымъ*.

Дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду того, что по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ въ сочетаніяхъ ър, ъл и пр. за гласные звуки должны быть приняты р, л. Такъ Миклошичъ признаетъ эти звуки за гласные въ старо-славянскомъ [1]), отрицая однако же гласность ихъ

---

[1]) V. gr. I 34—5.

въ русскомъ языкѣ [1]). П. А. Лавровскій признаетъ гласность р, л и для русскаго языка въ его древнѣйшую эпоху [2]).

Мы, съ своей стороны, не можемъ раздѣлить мнѣнія этихъ ученыхъ. Доводы Шлейхера противъ мнѣнія Миклошича [3]) кажутся намъ вполнѣ убѣдительными. Укажемъ еще на одно обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, стоитъ также въ противорѣчіи съ теорей послѣдняго о гласности плавныхъ въ старо-слав.

Допуская эту гласность, Миклошичъ долженъ былъ признать за *р* и *л* способность къ разнообразнымъ, исключающимъ возможность одно другаго, возвышеніямъ: *л* въ *ел*, *ол*, *ъл*, *ил*, *ал*; *р* въ *ер*, *ор*, *ър*, *ир*, *ар* [4]).

Не понятно, какимъ образомъ одинъ и тотъ же звукъ можетъ дать при своемъ усиленіи такіе различные результаты. Звукъ напр. *и* не сближается въ старо-слав. ни съ *о*, ни съ *а*, а между тѣмъ отъ *л* являются и *ил*, и *ал*, и *ил* и *ол*.

---

[1]) ibid. 40.

[2]) ор, ол и пр. въ полногласныхъ ор-о, ол-о и пр. онъ считаетъ за поднятіе р, л. См. О полногласіи: Матеріалы для сравн. и объясн. словаря и грамматики т. V, 1861. Замѣтимъ, что прежде этотъ ученый держался совершенно противоположнаго взгляда на р и л. Такъ въ сочиненіи своемъ: „О языкѣ сѣв. рус. лѣтоп." онъ по вопросу о гласности *р* и *л* рѣшительно становится на сторону Шлейхера противъ Миклошича (стр. 35). Онъ не только отрицаетъ гласность *р* и *л* въ старо-слав., но не считаетъ этихъ звуковъ за гласные и въ тѣхъ изъ живыхъ славянскихъ нарѣчій, за которыми они признаются: „глухіе... въ современныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ переходятъ въ различные гласные звуки, лишь иногда оставаясь глухими при *р* въ сербскомъ, при *р* и *л* въ чешскомъ и болгарскомъ" (34). Тоже мнѣніе высказано было и Срезневскимъ: ‚Звуки глухіе хотя *еще и сохраняются*, слившись въ одинъ (ъ) въ сербскомъ, чешскомъ, словацкомъ, но только въ тѣхъ словахъ, гдѣ ихъ выговору помагаютъ *р* и *л* (49).

[3]) Formenlere der alt-kirchen slavischen Sprache стр. 49. Ср. также у Шерцля: въ Сравнительной Грамматикѣ славянскихъ языковъ I § 71.

[4]) Miklosich. Vergl. gr. I, стр. 138 и сл.

Все это разнообразіе сдѣлается не только понятнымъ, но даже необходимымъ, какъ скоро вмѣсто выраженія: „усиленіе *р, л*", употребимъ болѣе правильное: „усиленіе глухаго, сопровождающаго плавный": *ъл*, напр. должно дать при усиленіи—*ол, ал* (вслѣдствіи близости твердаго глухаго къ *о, а*), *ьл*—*ел, ил, ѣл* (вслѣдствіи близости мягкаго глухаго къ *е, и, ѣ*).

Къ тому же заключенію приводитъ и позднѣйшая форма словъ, имѣвшихъ будто бы нѣкогда гласные *р, л*. Если *ъ* въ *плъкъ*, напр., есть только буква, не выражающая звука, и *плъкъ* = плкъ, то непонятно, почему въ русскомъ языкѣ это слово имѣетъ *о*, тогда какъ нѣкоторыя другія съ тѣмъ же гласнымъ *л* даютъ въ немъ *е*: слеза—сльза. Принявъ же, что въ приведенныхъ словахъ звучали глухіе, какъ и въ другихъ случаяхъ, мы въ *о* и *е* находимъ ихъ обычныя въ русскомъ языкѣ замѣны: ъ—о, ь—е.

Для того, кто признаетъ гласность р, л, вопросъ о мѣстѣ глухихъ при этихъ звукахъ, понятно лишенъ всякаго значенія; но онъ имѣетъ полное право на вниманіе тѣхъ, которые считаютъ р, л за согласные звуки. Постановку глухихъ передъ плавными мы считаемъ однимъ изъ характерныхъ звуковыхъ явленій русскаго языка. Мнѣніе это не всѣми раздѣляется.

Такъ П. А. Лавровскій, даже раньше чѣмъ сталъ на сторонѣ Миклошича по вопросу о *р* и *л*, не считалъ постановку глухихъ передъ этими звуками за характерную черту древне-русскаго языка. Колебаніе въ постановкѣ глухихъ при плавныхъ, замѣчаемое въ старинныхъ нашихъ памятникахъ, онъ объясняетъ неопредѣленностью ихъ звука [1]).

---

[1]) О яз. сѣв. р. лѣт. 34. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ трудовъ онъ признаетъ однако, что постановка ъ и ь передъ плавными составляетъ характерную черту русскаго правописанія (См. его Оп. 7 р. п. б. стр. 18, 34) и *даже языка*: „Буквы ъ и ь весьма обычны въ рукописи (Минея. XI—XII в.), хотя нельзя не замѣтить, при встрѣчѣ съ *р* и *л*, помѣщенія ихъ, *согласно съ выговоромъ русскимъ*, впереди, какъ: сьрдьце цьркве" и пр. (ibid. 37).

Срезневскій въ Мысляхъ объ исторіи русскаго языка держится, кажется, того же мнѣнія: въ текстѣ этой книги онъ хотя и невысказывается по этому вопросу, но въ одномъ изъ приложеній къ ней, именно въ реставраціи отрывка изъ лѣтописи Нестора, онъ допускаетъ и *ръ* и *ър*, и *лъ* и *ъл*: плъкома, прьвою, смрьче, по вълкъ [1]).

Буслаевъ объ этомъ звуковомъ явленіи выражается такъ: „русскіе писцы ставили ъ и ь передъ плавными: вълъкъ... или вълкъ..., слѣдуя въ этомъ случаѣ нашему выговору" [2]).

Потебня, признавая ър и пр. за особенность русскаго языка, употребляетъ такую оговорку: ъ, ь передъ плавными *въ большинствѣ случаевъ* [3])."

Что исключенія изъ правила постановки глухихъ передъ плавными въ нашихъ старинныхъ памятникахъ есть, —это несомнѣнно, но не ясно, какія исключенія разумѣетъ онъ: тѣ ли, которыя услояливаются корнями словъ и которыя слѣдовательно дѣйствительно принадлежали языку, или тѣ, которыя являются въ нашихъ старинныхъ памятникахъ лишь какъ слѣдствіе неустановившагося правописанія.

Вѣроятно, первыя, такъ какъ послѣднія непредставляютъ основанія для приведенной оговорки. Въ нерѣдко встрѣчающихся въ старинныхъ русскихъ памятникахъ сочетаніяхъ: плавный + глухой, на ряду съ обратнымъ, сказалось, безъ всякаго сомнѣнія, лишь вліяніе старо-славянскаго письма.

Въ тѣхъ словахъ русскихъ рукописей, въ которыхъ встрѣчается и *ър* и *ръ*, послѣднее есть тоже, что начальное *е* вм. *о*, *ра* вм. *оро*, *жд* вм. *ж* и прочіе часто старо-славянскіе признаки, нерѣдко встрѣчающіеся въ памятникахъ русскаго письма и вызванные подражаніемъ старо-славянскому. Въ большинствѣ случаевъ однако наши рукописи ставятъ глухіе при плавныхъ тамъ, гдѣ теперь стоятъ смѣнившіе ихъ чистые. Чѣмъ болѣе русскихъ особенностей въ данномъ

---

[1]) Мысли и пр. 181—93.

[2]) Ист. Гр. 3 изд. § 28 пр. 4 с. 46.

[3]) Два изслѣдованія. 138.

памятникѣ, тѣмъ постояннѣе выдерживается въ немъ и эта черта [1]). На оборотъ, въ памятникахъ не русскаго письма, каковы напр. Савина книга, Слуцкая Псалтирь, Супрасльская рукопись и др., выдерживается постоянно употребленіе глухаго послѣ плавныхъ [2]).

На постановку глухихъ передъ плавными г. Потебня смотритъ какъ на позднѣйшее явленіе [3]). Можетъ быть это и вѣрно относительно обще-славянскаго языка, но чтобы это было такъ относительно русскаго языка,—недоказано.

---

3) *Полногласіе.*

Если вѣрно, что уже въ доисторическую пору глухіе въ русскомъ языкѣ предшествовали плавнымъ; если т. е. *ър* и пр. на столько же характерныя звуковыя явленія русскаго языка, какъ *ръ* и пр. старо-славянскаго; и если, съ другой стороны, глухіе въ этомъ послѣднемъ имѣли такое же значеніе при плавныхъ, какъ и при другихъ согласныхъ, т. е. *р* и *л* въ немъ не были гласными; то указанную особенность въ постановкѣ глухихъ при плавныхъ въ рус-

---

[1]) Любовь къ сочетанію: гласный + плавный заставляетъ даже иногда древне-русскихъ писцевъ дѣлать перестановку звуковъ; глухой передъ плавнымъ встрѣчается по этому иногда въ русскихъ памятникахъ даже тамъ, гдѣ, по строенію слова, должно бы быть обратное сочетаніе. Такъ слово *заутрьнии* разлагается на—за + утр + ьн + ии, между тѣмъ въ О. Ев. (л. 10. б.) стоитъ форма заутьрнии. Встрѣчаемое въ Жит. Бориса и Глѣба по сп. XII в. (Чтен. 1870. I): бъ-здро вм. бръздо отъ бръзда могло явиться, думаемъ, только черезъ перестановку: изъ бързда вм. бръзда.

[2]) Тоже представляютъ и „Памятники юсоваго письма", напечатанные Срезневскимъ.

„Нельзя не замѣтить, говоритъ по этому поводу и онъ, что глухіе *ъ* и *ь* при *р* и *л* ставятся обыкновенно послѣ *р* и *л*. Въ очень немногихъ рукописяхъ . . . иногда не исполнено это правило." Пам. юс. письма 160.

[2]) Два изсл. 31—35.

скомъ языкѣ — мы рѣшились бы поставить въ связь съ самымъ характернымъ звуковымъ явленіемъ его—полногласіемъ.

Выяснимъ въ немногихъ положеніяхъ, какъ понимаемъ мы эту связь.

1) Въ старо-славянскомъ языкѣ гласный звукъ (гласный вообще, не глухой только) слѣдуетъ обыкновенно за плавнымъ; отсюда сочетанія:

ра, ла, рѣ, лѣ;

ръ, лъ, рь, ль.

Въ русскомъ языкѣ гласный звукъ предшествуетъ плавному, отсюда сочетанія:

ар, ал, ѣр, ѣл;

ър, ъл, ьр, ьл.

2) Но первыхъ четырехъ звуко-сочетаній русскій языкъ не знаетъ: вмѣсто нихъ находимъ въ немъ:

оро, оло, ере, еле.

Такъ какъ эти *оро* и пр. соотвѣтствуютъ старо-славянскимъ *ра* и пр., то получаются такія звуковыя отношенія:

ра, ла, рѣ, лѣ: оро, оло, ере, 'еле = ръ, лъ, рь, ль: ър, ъл, ьр, ьл.

3) Г. Лавровскимъ выведенъ чрезвычайно важный звуковый законъ, объясняющій русскія неполногласныя формы. Законъ этотъ формулируется имъ такъ: „полногласной формѣ русской соотвѣтствуетъ въ родственныхъ языкахъ форма сокращенная, но такъ, что гласный звукъ (чаще всего *а*) находится *впереди* звуковъ *р* и *л*, т. е. русскимъ *оло—оро—ере* равняются слоги *al—ar*; съ другой стороны, отсутствіе полногласія въ языкѣ отечественномъ, при сочетаніи *ра—ла, рѣ—лѣ* съ предъидущею согласною, сопровождается въ нихъ также помѣщеніемъ гласной *послѣ р, л*, т. е. русскимъ *ра—ла, рѣ—лѣ* — равны: *ra—la, re—lo, ri—li.*" [1]).

Этотъ законъ, кажется намъ, имѣетъ болѣе широкое приложеніе чѣмъ то, какое дано ему открывшимъ его: что сказано имъ объ

---

[1]) Матер. для ср. и объясн. сл. и грам. стр. 227.

ра (русскомъ), то, думаемъ, въ такой же мѣрѣ относится и къ *рѣ* въ его соотвѣтствіи съ *ѣр*.

Какъ есть въ русскомъ языкѣ *ра*, соотвѣтствующее старо-славянскому *ра*, такъ есть въ немъ и *рѣ*, соотвѣтствующій старо-сл. *рѣ*. Т. е. въ нѣкоторыхъ случаяхъ самымъ строеніемъ корня опредѣляется необходимость и для русскаго языка сочетанія *рѣ* и пр. вм. обычнаго *ѣр* и пр. (Таковы напр. слова: бръвь отъ бры,-с. bhrû, кръвь отъ кры,-с. krû, въ которыхъ *ѣ* не можетъ быть отдѣленъ отъ слѣдующаго за нимъ *в*: ъ и ь здѣсь составные элементы *ы*). При соотвѣтствіи старо-слав. *рѣ* такому же звуковому сочетанію въ русскомъ, въ родственныхъ языкахъ должна имѣть мѣсто таже постановка звуковъ, что и при старо-слав. *ра* равномъ русскому *ра*, т. е. гласный звукъ въ родственныхъ языкахъ долженъ слѣдовать *за* плавнымъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ сказанное: [1]).

блоха=блѣха—л blussa (лат. однако pulex)

брозда=брѣзда—л. brizgilas

бровь=брѣвь—с. bhrû

(по) глот-ити=глѣт-ити—л. de-gluttire

кровь=крѣвь—с. krû

грем-ѣть=грьм-ѣти—греч. βρονταν

плоть=плѣть—л. plutta.

На оборотъ, гдѣ въ русскомъ *ѣр* и пр. вм. старо-слав. *рѣ* и пр., тамъ въ родственныхъ языкахъ гласный долженъ предшествовать плавному:

верт-ѣть=вьрт-ѣти—л. vert-ere

верхъ=вьрх—л. viršune

горб-атъ=гърб-атъ—гр. κυρτος, но л. grubbus

солнце=сълньце—л. sol—с. sûr

полнъ=пълнъ—л. pilnos, но л. plenus, и проч.

Встрѣчается, какъ видимъ, колебаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но въ томъ или другомъ изъ родственныхъ языковъ, а ожидаемое соотвѣтствіе находится.

---

[1]) Сближенія заимствованны изъ Radices l. sl. v. d. Миклошича.

4) Послѣ этого понятно должно быть какой смыслъ придали мы вышеприведенной пропорціи. Если вѣрны установленныя при ней звуковыя отношенія, то изъ нея вытекаетъ и другой выводъ: въ тѣхъ корняхъ, отъ которыхъ являются слова съ *оро* и пр., должны быть, или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть и слова съ *ор*=*ър*, и—слѣдовательно—наоборотъ: отъ словъ съ *ър* возможна полногласная форма съ *оро*, но она невозможна отъ тѣхъ корней, въ которыхъ и въ русскомъ языкѣ встрѣчаемъ сочетаніе ро=ръ Представляемъ и здѣсь рядъ подтверждающихъ положеніе примѣровъ:

волга=вълга—вологa
желвакъ=жьлвакъ—голова
долбить=дълбити—долото
желтъ=жьлтъ—золото
толченіе=тълченіе—толочь
горбъ=гърбъ—коробить
мерзнуть=мьрзнути—морозъ
вертѣть=вьртѣти { ворота / веретено }
меркнуть=мьркнути—морокъ
сердце=сьрдьце—середа
терка=тьр....—тереть
смерть=съмьрть—мереть.

Добавляемъ къ этому еще три слова, въ которыхъ полногласная форма неисконна, а развилась уже въ историческое время [1]):

молнія=мълнія—молонья
солнце=сълньце—по-солонь
полный=пълн..—полонъ.

Этими указаніями на связь постановки глухихъ передъ плавными съ явленіемъ полногласія мы и ограничиваемъ наши замѣчанія о

---

[1]) Полногласіе въ этихъ словахъ обязано своимъ появленіемъ группѣ согласныхъ. Группа *лн* (не ln, а ĺn) на концѣ словъ и въ срединѣ передъ согласными нетерпима, и языкъ избѣгаетъ ее тѣмъ или другимъ образомъ: онъ или вставляетъ *о*: мол-о-нья, или выпускаетъ *л*: со(л)нце.

послѣднемъ. Не рѣшаемся коснуться ни сущности этого явленія, ни связанныхъ съ нимъ частныхъ вопросовъ; рѣшеніе этихъ вопросовъ возможно лишь на почвѣ сравнительнаго языкознанія, на которую мы стать не можемъ.

Замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, вопросъ о полногласіи не можетъ еще считаться окончательно порѣшеннымъ.

Исключительность этого явленія, свойственнаго одному только русскому языку, дала поводъ къ объясненію его чисто внѣшними причинами: такъ Добровскій объяснялъ полногласіе финскимъ вліяніемъ [1]); Востоковъ—климатическими условіями [2]). Какъ на звуковое явленіе впервые посмотрѣлъ на него Максимовичъ [3]). Честь обстоятельной разработки вопроса о полногласіи на почвѣ сравнительнаго языкознанія принадлежитъ П. А. Лавровскому. Его замѣчательная статья „О русскомъ полногласіи" [4]), составляетъ, безъ сомнѣнія, эпоху въ ходѣ разработки этого вопроса. Но ею не заканчивается еще литература о полногласіи. Два года спустя послѣ появленія труда Лавровскаго явилась статья о томъ же вопросѣ Потебни [5]), который даетъ полногласію объясненіе прямо противоположное тому, какое было предложено г. Лавровскимъ. Находя вполнѣ вѣрными

---

[1]) Entw. z. allg. sl. Etymol.

[2]) „Разсужденіе о слав. яз."

[3]) Исторія древней русской словесн.

[4]) Матеріалы для ср. и объсн. слов. и грам. т. V. 1862. Въ статьѣ этой изложенъ и послѣдовательный ходъ разработки вопроса о полногласіи. Дополняемъ представленный тамъ перечень трудовъ, авторы которыхъ касались вопроса о полногласіи: 1) ст. самаго г. Лавровскаго, напечатанная по поводу увлеченій Максимовича Изв. Ак. Наукъ 4. в. VIII т; 2) мнѣніе г. Буслаева, объясняющаго и въ 3 изданіи своей грамматики это явленіе просто *вставками* гласныхъ *о* и *е* предъ *р* и *л* (§ 29 стр. 50—52, § 30 стр. 54). О значеніи этихъ *вставокъ* г. Буслаевъ не говоритъ ни слова; 3) нижеупоминаемая статья г. Потебни; 4) мнѣніе г. Шерцля, высказанное имъ въ его Сравн. грам. слав. языковъ I. 336—45.

[5]) Фил. Зап. 1864. и отдѣльно въ книгѣ „Два изсл. о зв. рус. яз."

нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ имъ замѣчаній [1]) мы не можемъ однако принять сущности его объясненія.

Не говоря уже о томъ, что, какъ и самъ авторъ находитъ, „соотвѣтствіе между разложеніемъ *ѣ* (въ сербскомъ) и переходимъ *ра* въ *оро* (въ русскомъ) неполное“ [2]); для насъ понятно, съ одной стороны, разложеніе *сложнаго* по природѣ звука *ѣ* на *ије*; но, съ другой стороны, мы не понимаемъ, почему *простой* звукъ *а* долженъ разложиться на *о* + *о*, при томъ раздѣленные между собою плавнымъ, и почему разложеніе это имѣетъ мѣсто только при р, л, а не при другихъ согласныхъ.

---

4) *у* = ѫ, *а (я)* = ѧ, *а* = *ъг* (носовому).

Нельзя, думаемъ, рѣшить, были ли нѣкогда въ русскомъ языкѣ носовые звуки.

Срезневскій по этому вопросу выражается такъ: „въ русскомъ носовыхъ звуковъ не было, кажется, уже при самомъ началѣ его отдѣленія отъ нарѣчій западныхъ“ [3]).

Это значитъ, что никогда не было: по обще-принятому мнѣнію, русскій языкъ стоитъ ближе къ южно-славянскимъ нарѣчіямъ, чѣмъ къ западнымъ; слѣдовательно, не было времени, когда бы *онъ* отдѣ-

---

[1]) Такъ, вѣрно, безъ всякаго сомнѣнія, различаетъ онъ замѣну отъ усиленія, считая *о* въ *ол, ор* словъ, подобныхъ *волкъ, торгъ* за замѣну глухаго *ъ*, а не за усиленія, вопреки г. Лавровскому, который смотритъ на эти *ол, ор* какъ на усиленіе *л'* и *р'* (т. е., по нашему, *ъл, ър*). Раздѣляемъ также сомнѣніе г. Потебни относительно вѣрности высказаннаго г. Лавровскимъ взгляда на происхожденіе втораго *о* въ русскихъ полногласныхъ формахъ. Дѣйствительно, трудно допустить такое вліяніе фонетики одного изъ славянскихъ нарѣчій на фонетику другаго, какое предполагается мнѣніемъ г. Лавровскаго.

[2]) „Вост. серб. ё = юж. серб. је (одинъ слогъ), слѣдовало бы ожидать, что и сербское *рä* не разложится въ русскомъ на два слога *оро*, а останется въ видѣ *ра*; но мы видимъ противное“ (Два изсл. 44. пр).

[3]) Мысли и пр. 49.

лился отъ западныхъ. Цѣльный нѣкогда обще-славянскій языкъ раздѣлился на двѣ вѣтви: западную и южную; лишь въ послѣдствіи русскій языкъ развился изъ послѣдней [1]).

Лавровскій признаетъ ринезмъ за русскимъ языкомъ въ древнѣйшую пору его жизни [2]) и даже думаетъ, что „онъ сталъ неизвѣстенъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ русское государство" [3]).

Доказательство ринезма въ древне-русскомъ онъ видитъ: 1) въ слѣдахъ разложенія носовыхъ (время-времени), 2) въ малор. *мнясо* и под. Что до перваго явленія, то оно также мало можетъ служить къ доказательству ринезма, нѣкогда бывшаго въ русскомъ языкѣ, какъ *ов* изъ *у* къ доказательству нѣкогда бывшей въ немъ долготы этого послѣдняго звука. Можетъ быть, что *ен* явилось изъ нѣкогда существовавшаго въ русскомъ языкѣ ѧ, а можетъ быть есть только слѣдъ нѣкогда существовавшаго ринезма въ обще-славянскомъ языкѣ [4]).

---

[1]) Шлейхеръ: О доисторич. жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индогерманскихъ языковъ. Зап. Ак. Н. Егоже Kurzer Abriss der Gesch. der Slav. Sprachen. Beiträge I. Даничичъ тоже соединяетъ русскій языкъ въ одну группу съ южно-слав., выдѣляя только серб. языкъ, который по его мнѣнію, раньше другихъ славянскихъ отдѣлился отъ общаго корня. Rad jugosl. Ak. Kn. I. 1867.

[2]) О языкѣ сѣв. р. лѣт. 38—9.

[3]) ibid. 40.

[4]) Срезневскій, сказавши, что юсы замѣняются въ русскомъ языкѣ съ древнѣйшихъ временъ звуками *у*, *я*, замѣчаетъ: „и въ новомъ своемъ видѣ они сохраняютъ (въ русскомъ языкѣ) свою характерную особенность превращаться въ *н* и *м*, напр.: дути—дму, жати—жму". Мысли и пр. 24. Но, понятно, что въ такомъ превращеніи мы имѣемъ лишь слѣды доисторическаго разложенія: *м* и *н* въ приведенныхъ словахъ равняются *ън* и *ьн*. Звуки *я*, *у*, хотя бы и явившіеся изъ носоваго, не могутъ превращаться въ *м* и *н*. Упомянемъ при этомъ о явленіи, до нѣкоторой степени обратномъ тому, о чемъ рѣчь идетъ. По мнѣнію г. Гатталы (Čas. mus. kr. Česk. 1862. sv. I стр. 138—139), древне-русскій языкъ ставилъ *я* и *у* вм. an, am, in, im, un, um и под. въ словахъ, перешедшихъ въ него изъ

Несостоятельно и другое доказательство: одно изъ двухъ: или *мнясо* явилось изъ *мьнясо*, т. е. ѧ въ этомъ словѣ является разложеннымъ на *ьн*,—въ такомъ случаѣ непонятно *я* этого слова; или *я* слово *мнясо* есть замѣна ѧ,—въ такомъ случаѣ непонятно *н*. Можно бы сдѣлать еще третье предположеніе, именно: объяснять *мнясо* изъ *мянсо*, въ которомъ *ян* = ѧ, но этотъ послѣдній никогда при разложеніи не является въ такомъ видѣ, а даетъ или *ьн* (отъ котораго въ современномъ языкѣ остается только *н*) или *ен*, или *ин*.

Мы думаемъ, согласно съ г. Потебней, что *н* въ словѣ *мнясо* есть отвердѣвшее j [1]). Это *н* имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ *я* = *ja*, а не *а* съ мягкостью предъидущаго согласнаго; т. е. изъ формы *мясо* = *м'асо* никогда не могло бы явиться *мнясо*, предполагающее форму *мясо* = *мjасо*, форму дѣйствительно въ малорусскомъ существующую. Это малор. *н* стоитъ въ соотвѣтствіи съ обще-русскимъ *н* въ словахъ, подобныхъ: въ *н*его = въ jего, и съ обще-русскимъ же *л* въ земл*я* и под. [2]). Почему въ словѣ напр. *сьмя* нѣтъ *л* послѣ губнаго *м*, а въ *земля* является послѣ того же звука? Происхожденіе перваго *я* (изъ ѧ) въ данномъ случаѣ ничего не значитъ. Причина не смягченія *м* черезъ *л* въ первомъ словѣ—то, что въ немъ *я* не =, какъ во второмъ, j*a* [3]).

иностранныхъ языковъ безъ посредства старо-слав. Это странно, и, если это такъ, то здѣсь мы имѣемъ важный примѣръ органической силы и чутья языка. Въ нѣкоторыхъ приведенныхъ г. Гатталой примѣрахъ можно обяснять *у*, *а* вмѣсто *ин*, *ан* просто выпущеніемъ *n* (*н*) (пудъ—pfund, варягъ—Varang), но другіе не допускаютъ этого объясненія,—таковы: шелягъ—schilling, кролягъ—karoling, астягъ—asding.

[1]) Два изслѣдованія стр. 129.

[2]) Еще Срезневскій считалъ *н* въ *мнясо* и под. за отвердѣвшее *j*, сравнивая его съ *l* въ польскомъ ledwie = іедва (Мысли и пр. 60—63). Замѣтимъ, что измѣненіе *іедва* на *ледва* находится и въ русскомъ областномъ (см. Ист. Гр. Буслаева § 33 пр. 1, стр. 66).

[3]) Мнѣніе г. Лавровскаго о *н* слова *мнясо* раздѣляетъ изъ нашихъ ученыхъ г. Буслаевъ, который выражается объ этомъ такъ: „Какъ оста-

Въ старо-славянскомъ въ связи съ юсами стоитъ, такъ называемое, носовое *ы* [1]). Сомнительно, чтобы оно звучало, какъ носовой звукъ въ старо-славянскомъ, но весьма вѣроятно, что оно смѣнило собою юсъ, не равнявшійся ни ѫ, ни ѧ [2]).

Такъ какъ носовыхъ въ русскомъ языкѣ не было, по крайней мѣрѣ, въ историческое время, то не могло быть въ немъ, конечно, и *ы* носоваго характера; *ы*, соотвѣтствующее ѧ въ старо-славянскомъ, въ русскомъ, безъ сомнѣнія, равнялось всякому другому *ы*. Но замѣчательно, однако, что вмѣсто *ы*, соотвѣтствующаго ѧ, въ причастіяхъ дѣйствительныхъ наст. вр. въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ не *ы*, а *а*, т. е. ту же самую замѣну, какую даетъ и ѧ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдней смягчается предъидущій согласный звукъ:

мог*ы* : любѧ = мог*а* : любя (люб'я).

токъ носоваго произношенія буквы ѧ, особенно замѣчительна перестановка заключающагося въ этой буквѣ звука *н*, т. е. *нь* вм. *ьн*, именно въ малор. *мнясо мнякіи* вм. мѧсо, мѧкъсо (мьнсо, мьнкыи) и можетъ быть въ церковно-славянскомъ нъз-ити (русское *нзить, пронзить*) вм. ѩзити (=ьнз-ити) отъ ѩза или ѩз-іа (болѣзнь), откуда наше іазва" (Ист. Грам. § 47, стр. 99). Послѣднее можетъ быть и такъ (хотя Миклошичъ корень нъз сопоставляетъ съ сан. nah, а ѩз съ indh. См. его Radices (l. sl. v. d.): слово *зноб-ить* ср. съ *зяб-нуть* представляетъ съ этимъ анологію.

[1]) Такъ называетъ этотъ звукъ пр. Буслаевъ въ своей Истор. Грам. Гаттала въ рецензіи на эту книгу отрицаетъ носовое произношеніе, *ы*, но и не объясняетъ удовлетворительно причинъ его соотвѣтствія ѧ, (Čas. 1862 г. I. 139). Не даетъ положительнаго объясненія этому *ы* и Миклошичъ, считающій его позднѣйшимъ сравнительно съ соотвѣтствующимъ ему ѧ (V. Gr. I 64). Шлейхеръ, объясняя *ы* изъ *an*, *am*, видитъ въ этомъ явленіи аналогію съ измѣненіемъ ѫ на ъ (Formenl. 56).

Эту мысль мы имѣли случай развить въ „Замѣткахъ о звукахъ русскаго и старо-славянскаго языковъ" въ Филол. Зап. 1872 № IV, Прибавимъ здѣсь, что встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ памятникахъ особое начертаніе носоваго звука вм. носоваго *ы*, кажется, подтверждаетъ нашу мысль. Такъ въ Сав. кн. вм. *ы* въ причастныхъ формахъ стоитъ Δ: сΔи = сыи, живΔ = живы и пр. Знакъ этотъ въ Сав. кн. имѣ-

Обязано ли это *а* въ причастіяхъ аналогіи съ *я* = ѧ, и есть такимъ образомъ явленіе позднѣйшее, предполающее *ы*, или оно въ нашихъ причастіяхъ исконно." [1])

П. А Лавровскій ставитъ окончанія русскаго причастія на *а* въ связь съ окончаніемъ вин. пад. существ. именъ жен.рода на *а*, являющимся при неопредѣленномъ наклоненіи. По его мнѣнію, эта *а* въ томъ и другомъ случаѣ образовалась черезъ *ан* [2]).

Но если такъ, то является вопросъ: почему въ громадномъ большинствѣ случаевъ ѫ замѣнился черезъ *у* и только въ данномъ, исключительно при формахъ неопредѣленнаго наклоненія [3]), черезъ *а*? [3]).

П. А. Лавровскій видитъ въ этой формѣ на *а* архаизмъ глубокой древности. Но указанная и признанная имъ самимъ исключительность случая употребленія этой формы [4]) дѣлаетъ такое мнѣніе сомнительнымъ. Быть можетъ, поэтому, что объясненіе винитель-

---

етъ мѣсто только послѣ согласныхъ (См. Пам. юсов. письма, изд. Срезневскимъ стр. 15). Въ Слѣпч.' кн. вм. *ы* въ тѣхъ же случаяхъ встрѣчаемъ ѫ: с ѫи, мог ѫи живитї, ор ѫи, връх ѫи (ib. 115).

[1]) Слѣдъ такого окончанія причастія находимъ въ мало-русскомъ: мог*а*,—см. Миклошича Vergl. Gr. III 295. Изъ другихъ славянскихъ нарѣчій *а* въ этой формѣ находимъ въ чешскомъ: veza, nesa и т. п.—въ глаголахъ на согласную тему; въ глаголахъ на гласную этому *а*, вслѣдствіе перегласованія, соотвѣтствуетъ *е*, *je*: chvale, delaje.

[2]) Замѣчанія объ этимологическихъ особенностяхъ старпннаго языка польскаго. Стр. 19—20 отд. оттиска.

[3]) Въ русскомъ переводѣ XI вѣка словъ Григорія Богослова встрѣчается винительный падежъ именъ ж. р. на *а* и при глаголахъ изъявительнаго наклоненія: посѣтилъ іеси землiа (см. Будиловича: О языкѣ перевода XIII словъ Григорія Богослова—стр. 15). Но не есть ли это одинъ изъ случаевъ имѣющаго въ этомъ памятникѣ мѣсто употребленія ѧ вм. ѫ и замѣны перваго черезъ іа?

[4]) ...„Общій законъ. что именительный вмѣсто винительнаго бываетъ единственно при неопредѣленномъ наклоненіи." О яз. сѣв. р. лѣт. 124.

наго на *а* съ синтаксической точки зрѣнія, предложенное Катковымъ [1]), вѣроятнѣе.

Одно изъ двухъ можетъ быть предположено для объясненія: *а* въ нашихъ причастіяхъ: или *а* причастій позднѣйшее явленіе, предполагающее *ы*, или наоборотъ—*ы* въ существительныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно соотвѣтствуетъ ѧ, позднѣйшая замѣна *а*. Если допустить послѣднее предположеніе, то вмѣсто старо-слав. *рукы*, *землѩ*—въ род. пад. должно быть въ древнѣйшую пору: рука(н), земля(н). Но непонятно: чѣмъ могло быть вызвано такое измѣненіе *а* на *ы*: фонетически оно не объясняется, а аналогіи для него нѣтъ. Да и нельзя для отдаленной исторической поры предположить измѣненіе падежа вслѣдствіе смѣшенія окончаній и дѣйствія аналогіи. Необъяснима фонетически и смѣна *ы* на *а*, если принять первый изъ этихъ звуковъ въ окончаніи причастій древнѣйшимъ; но здѣсь, по крайней мѣрѣ, имѣемъ *возможность* аналогіи въ мягкомъ *а (я)* причастій отъ глаголовъ на гласную тему [2]).

Что касается до *ы*, какъ звуки категоріи *у*, то оно не вызываетъ особенныхъ замѣчаній [3]).

---

[1]) Объ элементахъ и формахъ сл.-рус. яз.

[2]) Пр. Буслаевъ въ причастіи на *а* видитъ дѣепричастіе: „въ древне-русскомъ съ самихъ раннихъ временъ стало употребляться дѣепричастіе (вмѣсто краткаго причастія) наст. вр. на *а* вм. *ы*: въ Изб. Св. 1073 г. дада вм. дады.“ (Ист. Грам. § 54, прим. 3). Никакъ не можемъ раздѣлить такого мнѣнія: въ XI в. нѣтъ еще и слѣдовъ того, что называется дѣепричастіемъ.

[3]) О произношеніи *ы* въ древности см. Гатталы Zvukoslovi jaz, staro i novo—česk a slov. 56 и Шерцля Сравн. Грам. сл. и др. родств. яз. I 200. Наше несогласіе съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ мы заявили въ ст.: „Звукъ *ы* въ его отношеніяхъ къ *оу* въ старо-слав. яз.“ Фил. Зап. 1872 г. I—II. Замѣтимъ, что разъ употребленное въ Сав. кн. *оі* вм. *ы* (Срезневскій. Пам. юс. п.15), имѣющее мѣсто и въ Изб. 1073 (ib. 180) не можетъ служить указаніемъ на произношеніе *ы*: думаемъ, что, здѣсь *о* поставлено вм. ъ

5) *у — в.*

Мѣну звуковъ *у* и *в*, т. е. краткость перваго можно считать въ числѣ характерныхъ признаковъ русскаго языка сравнительно въ старо-славянскомъ потому, что послѣднему краткое *у* было несвойственно [1]). Такъ какъ эта особенность имѣетъ мѣсто уже въ памятникахъ XI в. [2]), то появленіе ея въ русскомъ языкѣ должно быть слѣдовательно отнесено къ порѣ еще доисторической.

Былъ ли нѣкогда въ русскомъ языкѣ дифтонгъ *оу* — рѣшить нельзя: сочетанія *ов* и *ав*, являющіяся въ русскомъ языкѣ изъ *у* какъ гуна и вриди, могутъ быть объясняемы какъ слѣды нѣкогда бывшаго общеславянскимъ, а не въ частности русскому языку принадлежавшимъ дифтонгомъ *оу*.

---

6) *ѣ.*

Нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни одного звука въ старо-славянскомъ языкѣ до такой степени не яснаго, какъ *ѣ*. Но это указываетъ уже разнообразіе существующихъ о немъ въ наукѣ мнѣній, въ разное время высказанныхъ разными учеными [3]). Ни одно изъ этихъ

одной изъ составныхъ частей начертанія ы,—замѣна нерѣдкая и въ другихъ памятникахъ.

[1]) Въ *оу* Кириловскаго алфавита и Боппъ (Vergl gram. I) и Миклошичъ (V. gram. I), видятъ выраженіе жившаго въ языкѣ дифтонга.

[2]) Говоря о мѣнѣ звуковъ *у* и *в* пр. Буслаевъ указываетъ въ своей Истор. грам. (§ 24 пр. 2), на житіе Феодосія—памятникъ XII вѣка, но мѣна это имѣетъ мѣсто уже въ Сб. 1073. (см. ниже).

[3]) Перечисленіе этихъ мнѣній и сводъ тѣхъ случаевъ, которыми можетъ характеризоваться *ѣ* какъ звукъ стар. сл. яз. сдѣлано нами въ „Замѣткахъ о зв. русскаго и старосл. яз.“ Фил. Зап. 1872. IV. Добавляемъ къ обозначеннымъ тамъ, еще слѣдующее мнѣніе г. Срезневскаго:... *ѣ*, по крайней мѣрѣ нѣкоторою частью тѣхъ, кѣмъ и для кого писались трерассматриваемыя рукописи (юсоваго письма) выговаривалось какъ *а*, требовавшее смягченія предъидущей согласной (Пам. юсов. письма стр. 158).

мнѣній не можетъ быть признано рѣшающимъ вопросъ о *ѣ*. Какъ *ѣ* звучало, это остается неизвѣстнымъ [1]).

Что русскому языку уже въ XI ст. звукъ этотъ сдѣлался чуждъ, то доказывается памятниками [2]).

Изчезнувъ въ русскомъ языкѣ еще въ началѣ его исторіи, *ѣ* оставило въ немъ слѣдующія замѣны: въ малорусскомъ *і*, въ великорусскомъ *е*, за исключеніемъ новгородскаго, гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, какъ и въ малорусскомъ, *и* [3]).

Что *ѣ* нѣкогда было свойственно и русскому языку, это несомнѣнно. Доказывать это можно не тѣмъ, что въ немъ сочетанія oj, aj находятся къ *ѣ* въ такомъ же отношеніи, что и въ старо-славянскомъ (это можетъ указывать только на существовавшее нѣкогда обще славянское *ѣ*), а тѣмъ, что замѣны *ѣ* въ русскомъ не тожественны съ замѣнами его въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, изъ которыхъ почти каждое представляетъ въ этомъ случаѣ свою особенность [4]),—указаніе на то, что *ѣ* было свойственно каждому изъ нихъ, въ его отдѣльной жизни.

---

[1]) Если принять въ разсчетъ происхожденіе *ѣ* (*aі*= въ старосл. *oі*), разложеніе (oj изъ oі), усиленіе (aj, предполагающее oj изъ oі), то можно бы допустить, что характеръ этого звука опредѣляется сочетаніемъ звуковыхъ элементовъ *oі*; т. е. что это былъ какой то неизвѣстный намъ звукъ образовавшійся изъ *oі*; какъ звучалъ онъ—этотъ вопросъ все таки остается безъ отвѣта.

[2]) Пр. Буслаевъ говоритъ, что *уже памятники XII и XIII вѣка*, представляютъ случаи замѣны *ѣ* черезъ *е*, при чемъ указываетъ на Мст. Ев. въ которомъ встрѣчается слово *время*, Гал. Ев., гдѣ находятся: *древо*; *требую*, Парам. 1271: *вредъ* (Ист. Гр. § 27 пр. 10). П. А. Лавровскій, замѣтивъ, что „различіе между *ѣ* и *е* изчезло въ древнемъ русскомъ языкѣ очень рано“ (О яз. и пр. 46), добавляетъ: „*уже въ первой половинѣ XIII стол.* мы встрѣчаемъ несоблюденіе правильнаго употребленія *ѣ*“ (ib.). Увидимъ, что несоблюденіе это встрѣчается гораздо раньше.

[3]) Вм. *ѣ* является *и* въ сравн. степени прил. им. въ сѣв. великорусскомъ см. Два изсл.

[4]) Въ слов.: ê; въ новоболг. ea; въ сербскомъ: je, ије, и; въ чещ-

Но какъ понимать различіе замѣнъ *ѣ* въ русскомъ языкѣ? т. е. указываетъ ли малор. *i* вм. *ѣ* на какую либо нѣкогда существовавшую обще русскую замѣну, не тожественную съ современнымъ великорусскимъ *е*; или оно предполагаетъ это послѣднее; или, наконецъ, оно, какъ и это послѣднее, самостоятельно явилось изъ *ѣ*?

Если послѣднее, то нужно было бы признать, что малорусское уже въ доисторическое время выдѣлилось изъ обще-русскаго этимъ признакомъ. Такому признанію противорѣчатъ однако два обстоятельства: 1) въ малор. есть слова, имѣющіе *е* изъ *ѣ* [1]); 2) въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ мы не встрѣчаемъ случаевъ замѣны *ѣ* черезъ *и* [2]).

Принявъ второе предположеніе, не поймемъ, почему только *е* изъ *ѣ* обратились въ *i*, а не всякое *е*.

Остается первое предположеніе, принятое и г. Потебней въ его статьяхъ о малорусскомъ нарѣчіи. Мнѣніе свое о происхожденіи малорусскаго *i* = *ѣ* онъ выражаетъ такъ: „Ступени, черезъ которыя проходило *ѣ* въ украинскомъ, слѣдующія: *е* (по выговору близкое къ теперешнему *е*, но отличавшееся отъ него долготой), *ѥ* (можетъ быть даже ие), *ѥи*, наконецъ *i*, въ которомъ *j* уже поглотилось слѣдующимъ острымъ *и*" [3]) „Для всѣхъ малорусскихъ говоровъ исходною точкой (появленія *i* изъ *ѣ*) было произношеніе *ѣ* близкое къ *е*, притомъ не въ доисторическую пору полнаго единства русскаго языка, а не задолго до того времени, когда съ одной стороны потеряны

скомъ ě, i; въ польскомъ: ia, e, ie, o съ мягк. предъид. согл.; въ в. луж.: ě (=i); въ н. луж: e, a, o съ смягч. предъид. согл. зв. Mikl. Vergl. Gram I.

[1]) Потебня. Два изслѣдованія 110 и слѣд. Его же: Замѣтки о малор. нар. стр. 41 и сл.

[2]) Г. Потебня приводитъ изъ Сборн. 1073 г. слово: смотривъше, Два изсл. 112, но въ древнихъ памятникахъ и сѣвернаго письма встрѣчаемъ—смотрити, а не смотрѣти.

[3]) Два изсл. 112.

были глухіе звуки на концѣ словъ и обнаружилось вліяніе качества слога, а съ другой стороны—появилось вліяніе ударенія на качественное измѣненіе *ѣ*" [1]).

Если это такъ, если дѣйствительно современное малорус. *і* изъ *ѣ* явилось только въ сравнительно позднее историческое время [2]) и предполагаетъ обще-русскій звукъ, близкій къ *е*, но не тожественный съ нимъ, то, слѣдовательно, *е* на мѣстѣ *ѣ*, въ древне-русскихъ памятникахъ XI—XII вѣковъ, есть только приблизительное, а не точное выраженіе звука.

Не было ли этимъ предполагаемымъ обще русскимъ звукомъ, смѣнившимъ *ѣ*,—*іе*? Допущеніемъ такого посредствующаго звука можно было бы въ равной степени объяснить какъ великорусское *е* такъ и малорусское *і* [3]). Послѣднее могло развиться въ малорусскомъ вслѣдствіе преобладанія въ вокализмѣ этого нарѣчія небнаго элемента.

Замѣтимъ однако, что на основаніи памятниковъ доказать сдѣланное предположеніе невозможно: въ нихъ на мѣстѣ *ѣ* является или *ѣ* или *е* или *и*, но никогда *іе*.

---

7) *ей — ій, ой — ый.*

Позднѣйшая по времени особенность русскаго языка, отличающая его отъ старо-славянскаго, есть измѣненіе *и* на *е* (*ей* вм. *ій*) и *ы* на *о* (*ой* вм. *ый*).

---

1) Замѣтки о малорос. нар. 46.

2) Опредѣлить точно это время г. Потебня не находитъ возможнымъ; онъ замѣчаетъ только по этому поводу, что, „тамъ гдѣ оно (ѣ) есть теперь, оно было уже несомнѣнно въ концѣ XVI в. и вѣроятно уже въ XIV даже въ XIII." (Два изсл. 112). Ниже будутъ приведены встрѣтившіеся намъ случаи употребленія *и* вм. *ѣ* въ древнихъ памятникахъ.

3) Такъ и въ чешскомъ *іе* является посредствующею ступенью между древнѣйшимъ *ѣ* и современными его замѣнами *і*, *е*, см. Гатталы: Zvakoslovi стр. 69. Ср. также мнѣніе Бодуэна de Куртенэ, объясняюща-

Время перехода *ій* въ *ей* Срезневскій не опредѣляетъ, замѣчая только, что „этотъ переходъ въ нарѣчіи великорусскомъ необходимъ въ имен. пад. существ. и прилагательныхъ муж. рода и въ повелительномъ наклоненіи глаголовъ, если въ слѣдъ за *и* будетъ *й*" [1]). Время перехода *ый* въ *ой* опредѣляется имъ только приблизительно [2]).

Еще неопредѣленнѣе выражаются объ этомъ звуковомъ явленіи Лавровскій [3]) и Буславъ [4]), неопредѣляющіе даже и приблизительно времени появленія его.

Г. Потебня утверждаетъ, что „въ началѣ XIII в. въ сѣверно-русскомъ встрѣчаемъ уже случаи измѣненія *ій*, *ія*, *ію* въ *ей*, *ея*, *ею*" [5]).

го двойную замѣну *ѣ* въ польскомъ (*е* и *а*) изъ предположеннаго Шлейхеромъ (Beiträge I) произношенія *ѣ* какъ дифтонга *еа*. (О древне-польскомъ языкѣ, стр. 76).

[1]) Мысли и пр. 55.

[2]) „Очень издавна, по крайней мѣрѣ съ XIII—XIV в. мѣсто его (*ы*) заступаетъ *о* въ прилагательныхъ муж. р. им. пад. и въ неопр. и повелительномъ наклоненіи глаголовъ на *ы-ти*" (Мысли, стр. 52).

[3]) „*Не такъ скоро* совершился переходъ *ы* въ *о* и *и* въ *е*. Оба звука поддерживались правильно и долго въ древности." (О языкѣ сѣв. р. л. 46).

[4]) „Что кажется им. пад. ед. числа, то онъ кромѣ общаго съ церковно-слав. языкомъ окончанія *ый* или *ій*, *ая* или *яя*, *ое* или *ее*, произносимыхъ такъ и теперь, *весьма рано* сталъ измѣнять въ муж. р. *ыи* и *ій* на *ой* и *ей*." Истор. грам. § 99 пр. 3 стр. 258). Примѣры, приведенные при этомъ, заимствованы изъ актовъ XIV ст.

[5]) Два изслѣдованія стр. 57. Приведены примѣры: іеремея, людей. Но откуда эти примѣры заимствованы,—неизвѣстно. Перечисливъ въ случаи, въ которыхъ является *ей* изъ *ій* въ современномъ русскомъ языкѣ и замѣтивъ, что два изъ этихъ случаевъ (*ей* изъ *ій* въ им. ед. сущ. м. р. и въ род. мн. всѣхъ родовъ) общи великор. и малор., онъ приходитъ къ заключенію, что „эти измѣненія древнѣе раздѣленія русскаго языка" (Два изсл. 58). Замѣтимъ при этомъ, что такъ какъ въ малор. нѣтъ случаевъ измѣненія *ый* на *ой*, то значитъ оно отъ великорусскаго отдѣ-

Измѣненіе *ый* на *ой* онъ справедливо считаетъ явленіемъ позднѣйшимъ сравнительно съ измѣненіемъ *ій* на *ей* [1]). Что это такъ, въ томъ удостовѣряютъ памятники. Замѣтимъ при этомъ, что въ древне-русскихъ памятникахъ встрѣчается измѣненіе *ы* на *о* только въ окончаніи *ый*; въ корняхъ же словъ лишь одно *нонѣ* вм. *нынѣ* представляетъ случай такого измѣненія; между тѣмъ *е* вм. *и* встрѣчается очень нерѣдко не только въ окончаніи *ій*, но и вмѣсто конечнаго и кореннаго *и*.

Зародышъ такой наклонности къ измѣненію *и* въ *е*, быть можетъ, уже относится къ XI в.; *ей* вм. *ій* стало являться не раньше конца XII в. или начали XIII; *ой* изъ *ый* въ XIII или въ началѣ XIV. Примѣры будутъ представлены ниже.

Теперь же считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу одного памятника, который по видимому разрушаетъ только что высказанное мнѣніе о времени появленія *ей*, *ой* изъ *ій*, *ый*.

Памятникъ этотъ есть такъ называется Евгеніевская Псалтирь, которую обыкновенно относятъ къ XI вѣку [2]). Въ ней является нерѣдко въ окончаніяхъ прилагательныхъ и существительныхъ *ой* вм. *ый* и *ей* вм. *ій*. Количество относящихся сюда случаевъ [3]) не допускаетъ и мысли объ опискахъ: *ей* и *ой* видимо ставились потому, что жили въ говорѣ писца. Что же это за говоръ? Евгеніевская Пс. носитъ на себѣ признаки русскаго письма,—слѣдуетъ ли

лилось раньше, чѣмъ началось такое измѣненіе въ послѣднемъ. Быть можетъ, отсутствіе такого измѣненія въ малорусскомъ стоитъ въ связи съ потерей съ немъ твердости *ы*. Если такъ, то потеря эта совершилась въ малорусск. въ отдаленныя времени, во всякомъ случаѣ раньше начала XIV стол.

[1]) Ibid. 58—9.

[2]) Срезневскій относитъ ее къ XI в. безъ всякаго колебанія (см. „Пам. юс. письма“ и „Древнее пам. русскаго письма и языка“), но Востоковъ дѣлаетъ оговорку, говоря, что рукопись относится къ XI *или много XII в.*“ В-въ. Описаніе рукописей Уч. Зап. Ак. н. кн. 2, в. 2.

[3]) Относящіеся сюда случаи см. у Срезневскаго въ Памятникахъ юсов. письма I, 183.

отсюда, что въ данномъ случаѣ сказалась особенность русскаго языка, что этому языку уже въ XI в. было свойственно такое звуковое измѣненіе?

То обстоятельство, что ни въ одномъ изъ памятниковъ не только XI, но даже и XII в. особенность эта не встрѣчается, въ памятникахъ же XIII столѣтія является лишь изрѣдка, даетъ, по нашему мнѣнію, полное основаніе отвѣтить рѣшительнымъ отрицаніемъ на поставленный вопросъ [1]).

И Востоковъ [2]), и Срезневскій [3]) смотрятъ на *ой*, *ей* Евгеніев-

---

[1]) Пр. Ламанскій приводитъ изъ Изб. 1073 г. формы: *же*тіе, *кръвей*. (О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, стр. 40). Однакоже ни въ Исторической христоматіи Буслаева, ни въ Древнихъ памятникахъ Срезневскаго, гдѣ напечатаны отрывки изъ этого памятника, мы не нашли подобныхъ звуковыхъ измѣненій. Не указываютъ ни начто подобное—ни Буслаевъ въ „Палеогр. и филологическихъ матеріалахъ,“ ни Горскій и Невоструевъ въ „Описаніи рукописей Синодальной библіотеки“; не замѣтили мы ни одного случая измѣненія *и* въ *е* и въ тѣхъ выпискахъ, которыя ими приведены изъ этого сборника. Г. Ламанскій говоритъ, что Сборникъ 1073 г. ему извѣстенъ по „превосходной копіи Румянцевскаго Музея“ (ib. 2). На копію, какъ бы она хороша ни была, мы не полагаемся. Весьма быть можетъ, что приведенныя имъ формы ничто иное какъ описки копировщика. Замѣтимъ, что копія сдѣлана *въ 1819 г.* (См. Опис рук. Рум. Муз. Востокова N CCCLVI). Въ памятникахъ, относимыхъ къ XI вѣку, мы нашли только въ одномъ и только одинъ случай измѣненія *и* на *е*: это слово: владчеца въ Минеѣ 1096 — 97. (см. Др. памятники Срезневскаго). Можетъ быть это и описка. Что касается до случаевъ употребленія *е* вм. *и* въ О. Ев: на небесе (и), о отрочѧте (и), на жрѣбѧте (и), то ихъ слѣдуетъ объяснять не фонетически, а начавшимся смѣшеніемъ формъ, примѣры котораго представляютъ и формы обратныя,— съ *и* вм. *е*: кръви (е) О. Ев., Сав. кн., имени (е) Сб. 1073 отъ небес*и* Сл. Гр. Б.

[2]) Ученыя Зап. Ак. Н. кн. 2, в. 2.

[3]) Въ Евг. Пс. „есть признаки смѣшенія различныхъ нарѣчій“ и въ числѣ этихъ признаковъ ой, ей. Пам. юс. п. 183.

ской Псалтыри какъ на діалектическую особенность, не опредѣляя только, какой именно діалектъ нужно разумѣть здѣсь.

Само собою разумѣется, что на это опредѣленіе тѣмъ менѣе можемъ рѣшиться мы; почему и ограничиваемся только заявленіемъ нашего полнаго убѣжденія, что особенность, о которой рѣчь идетъ, *не русская* [1]).

Являясь, однако, хотя и въ болѣе позднее время въ русскомъ языкѣ, она, конечно, вызываетъ на объясненіе.

Объясненіе это предложено было г. Потебнею, который по этому поводу говоритъ слѣдующее: „Миклошичъ находитъ вѣроятнымъ что *е* въ словѣ *иней* есть такое же ослабленіе кореннаго *и* какъ и *ъ* въ словѣ *судъя* (V. gr. I. 329). Врядъ ли это справедливо. Явленіе это очень сходно съ измѣненіемъ *ъ*, *ь* въ *о*, *е* въ среднихъ слогахъ и изчезновеніемъ ихъ въ прямыхъ, какъ *сон*, *вес'* (сън, вьс') относится къ *сна*, *вся* (изъ съ-на, вь-ся) такъ *воробей*, *свиней*,

---

[1]) Миклошичъ о формѣ *ей* говоритъ слѣдующее: „die formen auf *ей* beruhen auf der auch in cisdanubianischen quellen späterer zeit überhand nehmenden (sogar sup. bietet 298. 20. хоуждеи für хоуждии) verwandlung der sylbé *ий* in *ей*“ (Vergl. Gram. II, 80) „*ej* entspricht (въ новоболгарскомъ) dem alt slav *ий*, daher inej (pruina), zmej (draco). Die alt slov. Schreibung *еи* für *ии* *ist daher nicht nothwendig russischen Ursprungs*" (ib. I, 265). Пр. Ламанскій приводитъ изъ Синакс. 1330 г. *сербскаго* письма и изъ сербскаго же Еванг. к. XII или начала XIII вѣка формы: дѣтей (см. О нѣкоторыхъ рукописяхъ стр. 24), свиней (ib. 4) и проч. Въ пам. XII—XIII вѣковъ *не русскаго* письма встрѣчается не рѣдко *ой* вм. *ый* и *ей* вм. *ій*. Таковы: Парам. Григоровича XII—XIII в. Охридск. и Слѣпченская кн. Апост. чт. XII в., Болонск. Псалт. XII вѣка, (см. Памятн. юсов. письма Срезневскаго). Замѣтимъ еще, что встрѣчающаяся иногда въ пам. XI в. форма *ого* вм. *аго* для р. пад. пр. им. не указываетъ, по нашему мнѣнію, на *ой* вм. *ый* им. п.: въ русскихъ пам. XII в. *ого* сдѣлалось уже обычнымъ окончаніемъ, между тѣмъ *ой* вм. *ый* въ им. п. въ этомъ вѣкѣ еще не встрѣчается. Форму на *ого* находимъ мы въ Сав. книгѣ, (Срезневскій Пам. юсов. письма I, 18). Миклошичъ слѣд. не правъ, утверждая, что „ого für aаго kommt wohl *nur in den späteren aus russland stammenden quellen vor*.“ (Vergl. gr. III, 79).

лей (изъ —*ии*) относятся къ *воробья* (изъ —*бија*), *свинья* (изъ —*нија*), *бью* (изъ —*бију*). Если *о*, *е* въ словахъ: сонъ, весь, назовемъ фонетическимъ усиленіемъ глухихъ, происшедшимъ между прочимъ отъ вліянія средняго слога, какъ бы позиціи, то и *е* въ упомянутыхъ случаяхъ мы должны считать за фонетическое усиленіе, по отношенію къ замѣнѣ глухаго *ь* въ *ј* (бью = бју изъ бију" [1]). И измѣненіе *ы* въ *о* есть усиленіе въ томъ же смыслѣ, какъ и *е* изъ *и*" [2]).

Ничего не имѣемъ сказать противъ представленной г. Потебней и приведенной нами пропорціи. Дѣйствительно, бѣглое *о* и бѣглое *е* современнаго русскаго языка при тѣхъ же условіяхъ появляются и изчезаютъ, что и *е* изъ *и* передъ *й* (*ей* изъ *ій*), а быть можетъ и *ы* передъ *й* (*ой—ый*), если только принять догадку г. Потебни, что „сначала *и* и *ы* измѣнились въ *е*, *о* въ слогахъ среднихъ подъ вліяніемъ позиціи, а потомъ уже стали измѣняться и въ прямыхъ" [3]).

Но все сказанное имъ нисколько не поясняетъ самаго характера превращенія *ы* въ *о* и *и* въ *е*.

Причина этого превращенія и для насъ остается неясною. Думаемъ, что ея нельзя видѣть въ строѣ звуковъ древне-русскаго языка, что изъ этого строя она неизбѣжно не вытекаетъ, что причина явленія, слѣд., не фонетическая.

Если въ словѣ *сон* напр. появляется на мѣстѣ *ъ*—*о*, то причиной тому: 1) изчезновеніе изъ языка глухихъ зв., 2) близость твердаго глухаго къ *о*. Если въ словѣ напр. *Михайло* явилось *о* на мѣстѣ конечнаго *ъ*, а въ другой формѣ того же слова *Михаил* это конечное *ъ* изчезло безслѣдно, то дѣйствующею здѣсь причиной является обнаруживающееся нерѣдко въ языкѣ стремленіе къ удержанію, такъ сказать, *равновѣсія* въ словахъ: Миха*йло* : Михаил (ъ) = русское вѣтер : старо-сл. вѣтръ: въ первыхъ двухъ словахъ по три сло-

---

1) Два изслѣд. 58.
2) Ibid. 59.
3) Ibid.

га, во вторыхъ по два. Если въ словѣ *завтра* является *в* на мѣстѣ *у*, то это объясняется близостью этихъ двухъ звуковъ и одноорганностью ихъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ звуковыя измѣненія условливаются, какъ видимъ, самою фонетикою языка. Не то находимъ въ мѣнѣ *ы* на *о*, и *и* на *е*.

Ни въ старо-славянскомъ, ни въ русскомъ въ его древнѣйшую эпоху звуки эти между собою не сближаются. Правда, для каждой пары этихъ четырехъ звуковъ возможно одно и тоже начало—глухой твердой или мягкій:

ъ—о и *ъ—ы*, *ь—е* и *ь—и*;

но тѣмъ не менѣе *о* въ *ы* или *е* въ *и* и наоборотъ никогда не переходятъ. Нельзя сказать, что о сильнѣе или слабѣе ы (и наоборотъ) какъ нельзя сказать, что е > или < и), и наоборотъ):

о : ы = ъ : ъ, е : и = ь : ь.

Конечно, отношенія гласныхъ звуковъ въ древне-русскомъ языкѣ, даже въ XI ст., не могутъ быть названы вполнѣ тожественными съ отношеніями ихъ къ старо-славянскомъ; такъ какъ не всѣ звуки этого послѣдняго имѣли въ первомъ тѣже самыя свойства: въ немъ не было дифтонга *оу*, *ѣ* смѣшалось съ *е* и т. д.

Для русскаго языка въ историческую пору его жизни лишено, поэтому, реальнаго смысла утвержденіе, что въ немъ *и* переходитъ при возвышеніи въ *ѣ*; если *ѣ* = *е*, то этотъ послѣдній звукъ, а не несуществующее *ѣ* должно быть признано возвышеніемъ *и* въ русскомъ языкѣ. Но это, конечно, не даетъ еще никакого права утверждать, что *е* въ немъ количественно сильнѣе *и* : *е* является возвышеніемъ *и* не вслѣдствіе большей количественной силы своей, а вслѣдствіе лишь того только, что оно смѣнило собою *ѣ*, которое составляло нѣкогда возвышеніе *и*. Такъ — вздохнуть и вздыхать не указываютъ на большую силу *ы* сравнительно съ *о*; такъ въ сухъ сравнительно съ сохнуть—*у* не есть возвышеніе *о*. Нельзя поэтому въ измѣненіи *ій* на *ей*, а тѣмъ болѣе въ измѣненіи *ый* на *ой* видѣть явленіе усиленія или ослабленія, хотя бы то и фонетическаго только.

Кажется, что въ этихъ измѣненіяхъ мы имѣемъ передъ собою

такого рода звуковое явленіе, которое должно быть объясняемо не изъ фонетики языка, а изъ причинъ внѣшнихъ.

Быть можетъ, ничто иное какъ климатическія условія нарушили въ этомъ случаѣ строй древней фонетики, образовавъ въ говорѣ великорусскаго племени наклонность къ измѣненію *ы* въ *о* и *и* въ *е*. Физіологически эти звуки стоятъ одинъ къ другому (т. е. *ы* къ *о* и *и* къ *е*) въ одинакомъ отношеніи.

Если же необходимо непремѣнно фонетическое объясненіе этого явленія, то наиболѣе вѣроятнымъ кажется намъ, что здѣсь сказалось стремленіе языка къ диссимиляціи звуковъ. По крайней мѣрѣ такъ можно объяснять *еи* изъ *ии* = *ей* изъ *ій* (но однако же не *е* изъ *и*), что касается до *ой* изъ *ый*, то, быть можетъ, это видоизмѣненіе вызвано аналогіей съ первымъ.

---

8) *dj* = *ж*, *тj* = *ч*.

Самою рѣзкою отличительною чертою русскаго языка сравнительно съ старо-славянскимъ въ согласныхъ звукахъ является свойственная ему особенность въ смягченіи зубныхъ: *д* и *т*. Двоякаго рода смягчаемость бываетъ въ согласныхъ звукахъ: или непосредственная, когда согласный, смягчаясь при сочетаніи его съ мягкимъ гласнымъ, не переходитъ въ другой звукъ; или посредственная,— когда согласный звукъ переходитъ въ согласный другаго органа.

Группы *жд* и *шт* изъ *дj* и *тj* въ старо-славянскомъ не представляютъ ни того ни другаго: извѣстно, что *жд* явилось изъ *дж* = *дj*, *шт* изъ *тш* + *тj*. [1]).

Здѣсь мы имѣемъ только отвердѣніе йота, видоизмѣняющееся по свойству предъидущаго согласнаго: жд: д=шт: т=дj: тj, т. е. йотъ, отвердѣвая, переходитъ въ шипящій звукъ, при звучномъ *д* въ звучное шипящее *ж*, при отзвучномъ *т* въ отзвучное шипящее *ш*; самые же звуки *д* и *т* остаются неизмѣнными.

---

[1]) Шлейхеръ. Formenl.

Но въ русскомъ языкѣ въ томъ же случаѣ мы встрѣчаемъ полное изчезновеніе *д* и *т*: вмѣсто нихъ являются *ж* и *ч*, какъ являются они вмѣсто *г* и *к*. Какъ понимать такое превращеніе? Являются ли эти *ж* и *ч* непосредственно изъ *д* и *т* или нужно предположить особое звукосочетаніе, какъ переходную ступень отъ *dj* и *тj* къ *ж* и *ч*, и, если послѣднее, то какое же именно звукосочетаніе должно быть предположено? Принимаютъ, и, конечно, справедливо, послѣднее [1]) Появленіе *ж* и *ч* изъ *д* и *т* объясняется такъ: д + j, т + j = дj, тj— древнѣйшая форма; вторичная: *дж* и *тш*. Изъ послѣдняго звуковаго сочетанія является *ч*, изъ перваго (черезъ асимиляцію: *дж* = *жж* = *ж*) *ж*. Слѣдовательно русскій языкъ въ настоящемъ случаѣ различается отъ старо-славянскаго лишь тѣмъ, что онъ не переставилъ какъ послѣдній, въ группахъ *дж* и *тш* ихъ составныхъ элементовъ.

Остатки древняго сочетанія *дж* живутъ и до сихъ поръ въ русскомъ языкѣ [2]), *тш* не встрѣчается.

Появленіе *ж* и *ч* изъ *д* и *т* слѣдуетъ признать одновременнымъ; однако же въ то время какъ въ древнихъ памятникахъ первый звукъ составляетъ обыкновенное явленіе, встрѣчаясь въ огромной массѣ словъ; второй попадается лишь очень рѣдко: въ памятникахъ XI вѣка на мѣстѣ *ч* почти постоянно *щ*. Что это—обычай ли писанія или указаніе на существовавшій тогда выговоръ *тj* какъ *щ* = *тч*? [3]). Если

---

[1]) Гаттала Zvukoslov: 87 — 8. Даничичъ: ћ i ђ u istorij slovenskih jezika. Rad jugosl. Akad. 1. 1867. Leskien: Sprachwissenschaftliche arbeiten im „Rad jugosl. Ak." Потебня: Два изслѣд. стр. 124.

[2]) Буслаевъ: Истор. Грам. § 36 пр. 1 Потебня: Два изслѣд. 71 и 124. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи 62.

[3]) Буслаевъ отожествляетъ *шт* и *щ* Ист. грам. § 36 стр. 70; однако же изъ слѣдующихъ его словъ можно видѣть, что и для русскаго языка въ древнѣйшую его эпоху онъ признаетъ смягченіе *т* въ *щ*: „Замѣчательный *остатокъ* смягченія *т* въ *щ* въ древне-русскомъ языкѣ предлагаютъ формы: *вещій* (эпитетъ князя Олега и пѣвца Бояна въ Сл. о п. иг.) и *провѣщать*—въ былинахъ—*провѣщиться* (проговорить) „ib. § 36 стр. 71. Признаетъ онъ по видимому и смягченіе *д* въ *жд* для русскаго языка,

послѣднее, то непонятно, какъ изъ тј могло явиться такое звуковое сочетаніе [1]).

Если *щ=шч* [2]), а *ч=тш*, то *щ=штш*,— сочетаніе, въ которомъ первый звукъ не объяснимъ. Съ другой стороны, если *тј* давало *штш*, то, по аналогіи съ этимъ, *дј* должно бы дать *ждж*, сочетаніе, котораго намъ древніе памятники не представляютъ [3]).

что видно изъ слѣдующаго выраженія: „смягченіе *д* въ *жд*, свойственное церк.-сл. яз., *уцѣлѣло* въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ русскаго. Такъ въ архапг. урождап и пр. § 36 пр. 6. Потебня о *щ* замѣчаетъ только, что „русскіе писцы, заимствуя изъ старо-славянскаго *шт*, *жд*, измѣняли *шт* на щ.“ (Два изсл. 82 пр.). Но что же значитъ это измѣненіе?

[1]) Изъ *щ=шч* могло явиться ч черезъ уподобленіе перваго элемента группы второму: свѣща=свѣшча=свѣчча= свѣча. Но требуется впрочемъ еще доказать, что *ш* предшествующее *ч*, ассимилируется съ этимъ послѣднимъ.

[2]) Мнѣніе Бетлинга. См. Грамм. изслѣдованія о русскомъ языкѣ. Уч. Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд. т. I. 75. Катковъ смотрѣлъ на щ, какъ на цѣльный звукъ. См. Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка (98). Замѣтимъ , что въ нѣкоторыхъ памятникахъ, какъ въ словахъ Гр. Богослова, нерѣдко *употребляется шч вм. щ*: отвѣ*шч*а, а*шч*ели см. Изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ Будиловича стр. 24.

[3]) Что это сочетаніе не чуждо, однако, русскому языку доказывается современнымъ велико и малорусскимъ (см. Потебни: Замѣтки и пр. 81). Да и древне-русскій языкъ представляетъ *указанія* на эту группу: г. Потебня совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, замѣчаетъ по поводу *жч*, встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ (Гал. Ев. 1144, Пс. 1296, Вол. списокъ поуч. Ефрема Сирина 1288) на мѣстѣ *ждж* и *жд*=русскому *ж*: „есть ли это *жч* точное изображеніе звука, или только графическая замѣна вовсе невстрѣчающагося въ этихъ памятникахъ *ждж* во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствуетъ о свойственности русскому языку этого послѣдняго сочетанія“ (ib. 82). Но группу *ждж* онъ признаетъ не за результатъ смягченія *д* (dj) а выводитъ ее только изъ смягченія *зд* и *зг* и изъ стеченія *з* и *ж* (ib. 81). Не видимъ причинъ такому ограниченію: если это сочетаніе было свойственно русскому языку, то оно могло имѣть мѣсто и при *dj*. Думать такъ тѣмъ естественнѣе, что въ числѣ примѣровъ, приведенныхъ г. Потебней изъ названныхъ памятниковъ, въ од-

Русское *ч* является не только вмѣсто старо-слав. *шт* изъ *тj*, но и вмѣсто старо-славянскаго *шт* изъ группъ *гт*, *кт*, *хт*. Здѣсь однако не два отдѣльныхъ случая, какъ принимали до сихъ поръ [1]), а одинъ и тотъ же, какъ доказываетъ Даничичъ [2]), который если и не порѣшилъ окончательно вопроса, то все же, думаемъ, предложилъ мнѣніе наиболѣе вѣроятное изъ всего высказаннаго по этому вопросу прежде [3]).

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, въ которыхъ въ старо-славянскомъ имѣетъ мѣсто *шт*, въ русскомъ является *щ*.

номъ, какъ онъ и самъ замѣчаетъ, *жч* стоитъ на мѣстѣ старо-слав. *жд*: ту*жч*ими. Впрочемъ если и признать, что *щ* древне-русскихъ памятниковъ было выраженіемъ существовавшаго въ языкѣ сочетанія *шч* = ст. сл. *шт* и что, съ другой стороны, древне-русскому была свойственна соотвѣтствующая этому *шч* (= *штш*) группа *жджж* изъ *dj*, то все же послѣдніе звуковые элементы этихъ группъ останутся необъяснимы. Можно бы ихъ объяснять черезъ вторичное смягченіе *д* и *т* группъ *жд шт*, но нѣтъ причины для такого смягченія.

¹) Schleicher. Formenlere. Его же Compendium d. vergl. gram. Гаттала: De contiguarum consonantium mutatione. Шерцель: Сравнительная грам. слав. и др. родств. яз. I.

²) Въ упомянутой уже выше статьѣ въ 1 кн. Rad. jugosl. Ak. 1867 г.

³) Исходя изъ того, что *гт*, *кт* и *хт* даютъ тотъ же результатъ, что и *тj*, онъ принимаетъ, что группы эти должны были превратиться именно въ такое звуковое сочетаніе. Возможность такого превращенія онъ подтверждаетъ указаніемъ на аналогичныя явленія въ родственныхъ языкахъ. Группа: гортанный звукъ + *т* дала, по его мнѣнію, въ славянскомъ языкѣ, черезъ ассимиляцію,—*тт*, а отпаденіе одного изъ *т* вознаградилось йотомъ, откуда *тj*. Leskien не удовлетворяется мнѣніемъ Даничича (см. вышеупомянутую статью его въ Beiträge 1872. 7. B. 2 H.) и находитъ болѣе вѣроятнымъ мнѣніе Ebel'а по которому „aus *kt*, *gt* wie *st* (denn das ist die grundlage von *cht*) zunächst die mittelform *cht* entsteht, aus *st* direct, aus *gt* durch das nothwendig daraus werdende *kt*, aus diesem durch die vielfach vorkommende verwandlung der laute *k, p, t* vor *t* zu spiranten; *cht* aber kann zu *jt* werden, dies umgestellt zu *tj*" (Beiträge. 132). Хотя Leskien и говоритъ: „Weiss ich die mittelstufe von *cht* (хт) zu *it*, *jt* durch

Эти случаи слѣдующіе:

1) *Ст* + *j* = въ старо-слав. *стш* = (черезъ перестановку) *сшт* = (вслѣдствіе ассимиляціи *с* съ *ш*) *шшт* = *шт;* въ русскомъ: *стй* = *сч* = (вслѣдствіе неполной ассимиляціи, сказавшейся въ переходѣ свистящаго въ шипящій) *шч* = *щ.*

2) *Ск* + *j* = въ старо-слав. *сч,* но такъ какъ эта группа не терпима языкомъ, то вмѣсто нея *шт* (Ср. *жд* изъ *зж,* что представетъ съ даннымъ случаемъ полнѣйшую аналогію); въ русскомъ: *ск* + *j* = *сч* = *шч* (вслѣдствіе неполной ассимиляціи) = *щ.*

Согласно съ этимъ и стеченіе звуковъ *сч* даетъ въ старо-слав. *шт,* въ русскомъ *щ* = *шч.*

Въ аналогіи съ этими измѣненіями *ст* и *ск* находятся измѣненія группъ: *зд* и *зг*:

1) *Зд* + *j* = въ старо-слав. *здж* = *зжд* (вслѣдствіе перестановки звуковъ) = *жжд* (вслѣдствіе ассимиляціи) = *жд;* въ русскомъ: *зд* + *j* = *здж* = *зжж* = *зж* = *жж.*

2) *Зг* + *j* = въ старо-слав. *зж* = *жд* (по выше указанной причинѣ); въ русскомъ: = *зж* = *жж.*

Согласно съ этимъ и сочетаніе *зж* = въ старо-слав. *жд,* въ русскомъ *жж.*

9) *Мягкость шипящихъ и ц.*

Судя потому, что Срезневскій въ реставраціи текста отрывка

---

slavisch beispille nicht zu illustrieren" (ib. 134); однакоже это не мѣшаетъ ему заявить: „halte ich Ebels erklärung für die warscheinlichste bis jetzt vorgebrachte" (ib.) Противъ мнѣнія Даничича онъ приводитъ такое возраженіе: „das voraussetzende *tt,* wo es sonst vorkommt, nur zu einfachem *t* wird ohne jeden ersatz in *greti, teti* aus gretti, tetti für greb-ti, tepti.... Nach Daničić annahme müssten hier nothwendig auch gretji und s. w entstehen" (ib. 132). Но вознагражденіе отпавшаго звука йотомъ не составляетъ непремѣннаго правила и въ романскихъ языкахъ, на которые ссылается Даничичъ. Онъ не говоритъ, что оно неизбѣжно, а что „pošto jedno *t* otpadne *često* se naknadja glasom i" (119 стр.). Что часто, а не всегда, это доказываютъ и приводимыя имъ примѣры, какъ *fait* изъ factus но contrat изъ contractus и под.

изъ лѣтописи Нестора [1]) вмѣсто *жа, ча, ша* и под. употребляетъ *жя, чя, шя* и пр., можно думать, что онъ считаетъ сочетанія шипящихъ и *ц* съ мягкими одною изъ характерныхъ чертъ древне-русскаго языка. Того же мнѣнія и П. А. Лавровскій, который опредѣлительно говоритъ, что „онѣ (ж, ч, ш, щ, ц) въ первыхъ памятникахъ письменности никогда не соединялись съ гласными широкими, требуя послѣ себя постоянно звуковъ *и, я, ю, ь* [2]).

Эта особенность древне-русскаго языка вызываетъ со стороны П. А. Лавровскаго слѣдующее замѣчаніе: „такой характеръ шипящихъ, совершенно оправдываясь ихъ природою, *далеко не вполнѣ былъ выдержанъ* и въ самомъ правильномъ по фонетикѣ и формамъ языкѣ старо-славянскомъ. Въ немъ эти согласные не терпѣли послѣ себя *о, ѣ* и *ъ*, легко сочетаясь съ *а* и *у*" [3]).

Въ такомъ сочетаніи шипящихъ съ *а* и *у* въ старо-славянскомъ мы видимъ строжайшую послѣдовательность въ проведеніи того свойственнаго ему фонетическаго закона, по которому йотированный гласный звукъ не возможенъ при шипящемъ, уже заключающемъ въ себѣ йотъ: *гјa = жа*, потому что *г + ј = ж*, *дјa = жда*, потому что *жд = дј* и т. д. Йотъ не можетъ оставаться при гласномъ звукѣ, когда онъ слился уже съ предъидущимъ согласнымъ, превративъ его въ звукъ другаго органа. Но дѣйствіе йота на гласный звукъ двояко. Йотъ, сочетаясь съ гласнымъ, или образуетъ цѣлый слогъ, въ которомъ ясно различаются обѣ составныя части: *ја, ју*, и т. п. какъ *ба, бу*, и т. д. Это соединеніе, такъ сказать, механическое. Другаго рода соединеніе йота съ гласнымъ звукомъ можно уподобить соединенію химическому: йотъ, соединяясь съ гласнымъ, обращаетъ его изъ твердаго въ мягкій, при чемъ само исчезаетъ; на мѣстѣ двухъ производящихъ элементовъ мы получаемъ нѣчто третье, новое, не похожее ни на одинъ изъ нихъ: јо = е, јъ = ь, јы = и.

---

[1]) Приложенія къ „Мыслямъ объ исторіи р. яз."
[2]) О языкѣ сѣв. р. лѣтописей, 42.
[3]) Ibid.

Съ такими мягкими гласными, хотя и обязанными своимъ происхожденіемъ йоту, но не заключающими уже его въ себѣ, шипящіе и *ц* въ старо-славянскомъ соединяются, естественно, не измѣняя ихъ. Сочетанія, свойственныя русскому языку—*жя*, *чя* и пр.. не могутъ поэтому равняться сочетаньямъ *жја*, *чја* и пр. Вѣроятно ими обозначалась только большая мягкость древне-русскихъ шипящихъ и *ц*, такъ что слово напр. *свѣчя* должно быть понято какъ *свѣч'а*, а не *свѣчја*.

Потерю мягкости шипящихъ и *ц*, П. А. Лавровскій относитъ къ XV в., замѣчая, что новое свойство шипящихъ—ихъ способность соединяться съ твердыми—,,прежде всего обнаружились на *ж*, *ш*, *щ*, а потомъ перешло и къ остальнымъ звукамъ: *ч* и *ц*" [1]).

10) *Гортанные звуки*.

Современный русскій языкъ представляетъ два звучныхъ гортанныхъ звука, соотвѣтственно двумъ отзвучнымъ: г—к, һ—х. Первое свойственно большинству великорусскихъ говоровъ, второе малорусскому нарѣчію.

Существовали ли оба эти звука въ древнемъ обще-русскомъ, или только одинъ изъ нихъ, и—если послѣднее—то какой именно?

Срезневскій говоритъ, что ,,оба звука для славянскаго языка одинаково древни, также какъ одинаково древни два подобные звука—*к* и *х*" [2]). Вѣроятно подъ славянскимъ языкомъ, онъ разумѣетъ здѣсь обще-славянскій пра-языкъ, а не старо-славянскій, что можно заключить изъ слѣдующихъ его словъ: ,,также древни *дж*, *дз* и *з* какъ *тш* = *ч* и *ш*, *тс* = *ц* и *с*, потому что въ лѣстницѣ звуковъ *дж* и *дз*: *г* (g), а *ж* и *з*: *һ* = *тш* (= ч) и *тс* (= ц): *к*, а *ш* и *с*: *х*" [3]).

---

[1]) Ibid. 42—3. Нашъ выводъ о времени потери мягкости шипящихъ и *ц* см. ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что сочетаніе шипящихъ съ мягкими встрѣчается изрѣдка и въ нѣкоторыхъ памятникахъ нерусскаго письма: Сав. книга, Огласительныя поученія Кирилла Іерусал. (въ послѣднемъ встрѣчаемъ: члв*чю*, но ib. даже—причасти*цы*.

[2]) Мысли и пр. 58.

[3]) Ibid.

Если, слѣдов., старо-славян. языкъ представляетъ въ случаяхъ смягченія *г* только *з* и *ж*, а не *дз* и *дж*, то въ немъ *г* = лат. *h*, а не *g*. Такой выводъ и сдѣланъ былъ позже Бетлингомъ, который въ тоже время призналъ, что „въ русскомъ языкѣ *г* образовалось изъ *h* только въ новѣйшее время“ [1]).

Однакоже изслѣдованія старо-славянскихъ памятниковъ доказали, что въ немъ отъ звука *г* было и смягченіе *дз*. Еще Григоровичъ высказалъ мысль, что *з* изъ *г* имѣло особое начертаніе [2]). Шафарикъ также предполагалъ, что ѕ и *з* не выражали тожественнаго звука и что первымъ обозначалось *дз* [3]). Рѣшительнѣе высказался по этому вопросу Миклошичъ [4]). По его изслѣдованіямъ *з* въ старославянскомъ изъ *г* предполагаетъ посредствующую ступень *дз*, какъ *ж* изъ того же звука посредствующую ступень *дж*. Послѣднее слово по этому вопросу принадлежитъ Leskien'у [5]), по мнѣнію котораго въ старо-славянскомъ было и *дз* и *з* изъ *г*. Первое въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ на славянской почвѣ *з* не чередуется съ *г*; послѣднее въ тѣхъ, гдѣ *г* и *з* въ разныхъ формахъ взаимно мѣняются. Древніе памятники представляетъ однако, какъ онъ замѣчаетъ, и противорѣчіе такому мнѣнію. Слѣдовательно, вопросъ—были ли въ старо-славянскомъ оба звука—g и h, или только одинъ первый, изъ результата смягченія котораго—*дз* осталось съ теченіемъ времени одно *з* (какъ изъ *дж* одно *ж*),—остается все еще не рѣшеннымъ.

---

[1]) Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ. Учен. Зап. Ак. н. по 1 и 3 отд. т. I 1853 г., стр. 76. Замѣтимъ, что Бетлингъ вм. *h* употребляетъ особое начертаніе, думая, что древнее *г* одинаково звучало съ буквою *g* въ словахъ: Wagen, Wogen, Jugend (ib. 74).

[2]) Изв. Акад. н. т. I. 1852. ст. „О древнихъ памятникахъ церковно-славянскихъ“. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ Востоковъ заявилъ свое несогласіе съ мнѣніемъ Григоровича.

[3]) Pam. hlag. pis.

[4]) Rad. jugosl. Ak. kn. IX.

[5]) Beiträge. 7-er B. 2-es H. 1872. стр. 140—145.

Еще труднѣе дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ относительно русскаго языка. Выше приведено было мнѣніе по этому вопросу ак. Бетлинга. Заявлялись однако въ наукѣ и мнѣнія, этому прямо противо-положныя. Такъ г. Потебня рѣшительно высказывается за большую древность *г* (= g) [1].

Мысль его не обставлена впрочемъ убѣдительными доказательствами. Замѣтимъ, что малорусскія формы словъ, подобныхъ: *дз*ерно, *дз*верь, *дз*вонъ, *дз*еркало и пр. онъ считаетъ позднѣйшими сравнительно съ *з*ерно, *з*вѣрь и пр. [2]), лишая себя такимъ образомъ одного изъ важныхъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія о старшинствѣ *г* (=g) предъ *h*. Впрочемъ онъ оговаривается по этому поводу, замѣчая, что, „основательное рѣшеніе этого вопроса требуетъ этимологическаго разслѣдованія всѣхъ какъ туземныхъ, такъ и заимствованныхъ малорусскихъ словъ съ *дз*, *дж*" [3]). Совершенно съ этимъ соглашаясь, мы думаемъ, что рѣшеніе поставленнаго вопроса принадлежитъ еще будущему.

Начало потери переходной смягчаемости гортанныхъ слѣдуетъ отнести по времени болѣе раннему, чѣмъ то обыкновенно принимаютъ [4]): въ XIII ст. сочетаніе гортанныхъ съ мягкими было уже яв-

---

1) Два изслѣд. 132, Зам. о малор. нар. 71.

2) Два изсл. 136. Замѣтки и пр. 62.

3) Замѣтки и пр. 62.

4) П. А. Лавровскій о времени этой потери говоритъ такъ: „въ памятникахъ древнихъ, писанныхъ лицами какъ духовными такъ и свѣтскими, какъ съ характеромъ религіознымъ такъ и мирскимъ, мы не найдемъ рѣшительно отступленій (отъ свойства гортанныхъ соединяться только съ широкими гласными) если только списокъ этихъ памятниковъ не позднѣе XIII вѣка." (О языкѣ и пр. 40). „Только подъ самый конецъ XV в. въ правописаніи изчезло окончательно старобытное свойство звуковъ гортанныхъ" (ib. 41). „Первые признаки потери его (переходнаго смягченія гортанныхъ) обнаруживаются не ранѣе начала XIV ст... въ послѣднихъ годахъ XIII в. въ грамотахъ 1270 и 1295 (№ 3 и 5 Собр. гос. гр.) еще не видно погрѣшностей противъ правильнаго смягченія гортан-

леніемъ довольно обычнымъ.—Гораздо позже и позже всѣхъ тѣхъ звуковыхъ особенностей русскаго языка, которыя обозначены выше, развилось въ немъ превращеніе *г* въ *в* въ род. пад. мѣстоименій и прилагательныхъ. Памятники свидѣтельствуютъ, что мѣна *г* на *в* въ означенной формѣ несомнѣнно имѣла уже мѣсто въ языкѣ въ половинѣ XV вѣка [1]).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о звукахъ русскаго языка обращаемся къ обзору данныхъ, представляемыхъ древне-русскими памятниками.

ныхъ, (ib. 52). „Только въ самыхъ послѣднихъ годахъ XIV и въ XV явилось уже окончаніе *и* вм. *ы* послѣ *г, к, х*" (ib. 53).

Потебня объ измѣненіи свойства гортанныхъ выражается такъ: „глубоко гортанное произношеніе звуковъ *г, к, х* (бывшее причиной того, что звуки эти, соединяясь съ йотомъ или мягкой гласной, переходили въ шипящіе или свистящіе) *около XIV ст.* стало измѣняться въ произношеніе болѣе небное, при которомъ возможно непосредственное сочетаніе гортанныхъ съ мягкими гласными." Два изслѣд. 67.

[1]) Потебня (ib. 69) начало этого превращенія опредѣляетъ приблизительно концемъ XV в. П. А. Лавровскій указываетъ (О языкѣ и пр. 130) на форму *ничово*, ссылаясь на грамоту № 13-й I т. Собр. гос. гр. Грамота эта относится къ 1317 г. Но, безъ сомнѣнія, здѣсь опечатка: въ этой грамотѣ не только нѣтъ такой формы, но и такого слова.

XI ВѢКЪ.

Слѣдующіе изъ дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ памятниковъ, за которыми признается въ большей или меньшей степени характеръ русскаго письма, принадлежатъ, или по крайней мѣрѣ отчисляются въ XI вѣку.

1) Остромирово Евангеліе [1]), 2) Туровское Евангеліе [2]), 3 и 4) Сборники Святослава 1073 и 1076 [3]), 5) Служебная Минея за октябрь и ноябрь 1096—97, 6) Служебная Минея за май, 7) Тріодь постная [4]), 8) Толковая Псалтырь (Евгеніевская), 9) Толковая Псалтирь (Чудова монастыря), 10) Отрывокъ изъ житія св. Кондрата [5]), 11) Отрывокъ изъ житія св. Феклы [6]), 12) XIII словъ

---

1) Цитируется ниже по изд. Востокова.

2) Изд. въ Вильнѣ 1869 подъ ред. Гильтенбрандта.

3) Отрывки изъ того и другаго въ Историч. Христ. Буслаева и въ Древ. Пам. русскаго письма и языка Срезневскаго. Описаніе Сборн. 1073 г. въ Палеограф. и филологическихъ матеріалахъ Буслаева и въ Описаніи рук. синодальной библіотеки Горскаго и Невоструева т. II.

4) Выдержки изъ пам. №№ 5, 6 и 7 у Срезневскаго въ Др. пам. р. письма и языка.

5) Выдержки изъ пам. №№ 6—10 ibid. Кромѣ того изъ Евг. Пс. въ И. Хр. Буслаева. Описаніе этого послѣднаго пам. и пам. № 10 въ Уч. Зап. Ак. Н. кн. 2 в. 2 сдѣлано Востоковымъ.

6) Др. пам. р. п. и яз.

Григорія Богослова [1]), 13) Пандектъ Антіоха [2]), 14) Псалтырь безъ толкованій [3]), 15) Отрывки Ев., найденные въ Типогр. библ. [4]).

Изъ этихъ памятниковъ только четыре носятъ на себѣ опредѣленное обозначеніе года: О. Ев., 2 Сб., Мин. за окт. и ноябрь. Остальные лишь на основаніи соображеній ученыхъ палеографовъ и филологовъ относятся къ XI ст. Позволительно думать, что, быть можетъ, и не всѣ они такъ древни, какъ это обыкновенно принимается [5]).

---

[1]) Отрывки въ Ист. Хр. Буслаева, въ Древн. Пам. Срезневскаго, въ Изв. Ак. Н.; описаніе въ ст. Восткова въ Уч. Зап. кн. 2 в. 2. Спеціальному обслѣдованію этого пам. посвященъ трудъ Будиловича: Изслѣдованіе языка древне-слав. перевода XIII словъ Григорія Богослова 1871 г.

[2]) Матеріалы для Слов. и Гр. т. V, Изв. Ак. н., Др. п. Срезневскаго.

[3]) Записки Ак. н., т. XX кн. I.

[4]) Свѣд. и Зам. о малоизв. и неизвѣстн. пам. Срезневскаго. В. III стр. 44—57.

[5]) Такъ Срезневскій заподозрѣваетъ принадлежность къ XI вѣку даже памятника, имѣющаго но себѣ написаніе года, именно Сб. 1076 г. Онъ говоритъ, что „написаніе записи (приписки писца) и вообще почеркъ Сборника возбуждаетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли писанъ онъ въ XI вѣкѣ“ (Др. пам. 17). Если это сомнѣніе основано только на почеркѣ, то мы не понимаемъ, почему не можетъ оно имѣть мѣста и относительно XIII слов. Гр. Б,—памятника, почеркъ котораго, по свидѣтельству Востокова, подходитъ къ почерку Сб. 1076 (Уч Зап. кн. 2 в. 2). Что до языка этихъ двухъ памятниковъ, то большая древность, по нашему мнѣнію, никакъ не на сторонѣ словъ Гр. Бог. Ни въ Сб. 1076 (на сколько онъ извѣстенъ намъ по напечатаннымъ отрывкамъ), ни въ другихъ памятникахъ этого вѣка мы не замѣтили столь частыхъ случаевъ опущенія глухихъ и замѣны ихъ чистыми—и въ корняхъ и въ суффиксахъ,—сколько представляется ихъ въ сл. Гр. Б. На конечную потерю глухаго въ корняхъ нѣкоторыхъ словъ указываетъ встрѣчающееся въ этомъ памятникѣ измѣненіе звуковъ въ группахъ согласныхъ. Г. Будиловичъ приводитъ, не дѣлая впрочемъ по этому поводу никакого замѣчанія, слово по*шт*е-

Ни одинъ изъ всѣхъ вышеобозначенныхъ памятниковъ XI в. не представляетъ намъ русскаго языка въ его чистомъ видѣ; въ каждомъ изъ нихъ особенности этого языка являются въ смѣшеніи съ особенностями старо-славянскаго. Всего чище старо-славянскій языкъ въ его особенностяхъ выдержанъ въ О. Ев. [1]).

Кромѣ особенностей русскихъ и старославянскихъ во многихъ изъ названныхъ памятниковъ, не исключая и О. Ев., находятся особенности и другихъ славянскихъ нарѣчій [2]). Отступленія отъ нормъ старо-слав. языка исчислены Срезневскимъ [3]), но не всѣ. Ниже сдѣланы нами нѣкоторыя дополненія.

ніе = *почьтеніе* (стр. 13). Такой звуковой черты мы не встрѣтили въ другихъ памятникахъ этого вѣка, какъ не встрѣтили въ нихъ употребленія не только *е*, что, имѣетъ въ нихъ мѣсто, но даже и *ѣ* вм. *ь*.

[1]) Хотя К. Аксаковъ былъ, конечно, не правъ, утверждая, что О. Ев. не имѣетъ руссизмовъ (Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка и литературы 119), но и теперь, думаемъ, можно принять безъ оговорки слѣдующее его мнѣніе объ этомъ памятникѣ: „О. Ев. представляетъ намъ самый древній, самый чистый памятникъ церковно-славянскаго языка и вообще языка славянскаго. Изученіе О. Ев. есть изученіе языка церковно-славянскаго, который хотя и имѣетъ другіе памятники, но чище и древнѣе не имѣетъ“ (ib. 123). Дѣйствительно, сравненіе этого памятника съ другими, относящимися къ XI в., показываетъ, что онъ, благодаря старательности копировщика-писца, представляетъ намъ языкъ не этого вѣка, а гораздо болѣе древняго времени. Миклошичъ, какъ извѣстно, опредѣляетъ фонетику старо-слав. языка преимущественно по Супр. рук., но несомнѣнно, что языкъ этого памятника представляетъ гораздо болѣе позднія черты, чѣмъ языкъ О. Ев. Такъ, не говоря уже о смѣшеніи еровъ, въ С. р. встрѣчаются нерѣдко случаи замѣны глухихъ чистыми тамъ, гдѣ въ О. Ев. они выдерживаются правильно и постоянно; есть случаи смѣшенія одноорганныхъ звуковъ (книхчин) и даже мѣны *у* и *в* (см. Vergl. Gr. Миклошича I th. и Ламанскаго: „О нѣкоторыхъ слав. рукописяхъ стр. 38—9, 90—1 и пр.

[2]) Пам. юс. п. Срезневскаго.

[3]) Ibid. 179—81.

Обращаясь къ характеристикѣ фонетики и формъ XI вѣка, извлекаемъ данныя прежде всего изъ тѣхъ памятниковъ, которые имѣютъ на себѣ опредѣленное обозначеніе года.

А. Звуки.

а) Гласные.

1. *Глухіе:* въ О. Ев. большею частію выдерживаются правильно, т. е. такъ, что ъ соотвѣтствуетъ русскому *о*, ь — русскому *е* ¹). Съ полсотни случаевъ, составляющихъ изъ этого исключеніе, при объемѣ рукописи и сходствѣ начертанія глухихъ, можно было бы признать и описками, еслибы въ нѣкоторыхъ не повторялось ъ вм. ь и обратно по нѣскольку разъ. Быть можетъ, здѣсь сказалось то діалектическое наслоеніе, о которомъ говоритъ Срезневскій. Что смѣшеніе ъ и ь въ этомъ памятникѣ не составляетъ правила, доказывается отсутствіемъ въ немъ смѣшенія соотвѣтствующихъ звуковъ слѣдующей градаціи: *ы* и *и*, которые обыкновенно смѣшиваются въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ замѣчается постоянное смѣшеніе глухихъ ²).

---

¹) Соблюденіе различія между ъ и ь Миклошичъ относитъ къ числу уклоненій языка О. Ев. отъ типа старо-слав. языка (рецензія на изд. О. Ев. Востоковымъ, русскій переводъ въ „Памятникахъ старо-слав. языка" Перевлѣсскаго стр. 42). Онъ думаетъ, что „первобытное различіе между ъ и ь, существовавшее въ странахъ по сю сторону Дуная, мало по малу начало ослабѣвать во многихъ случаяхъ еще до XI вѣка, когда написаны были древнѣйшіе дошедшіе до насъ памятники" (ib. 14). Если это такъ, то придется признать, что русскій языкъ въ этомъ случаѣ сохранилъ полнѣе и вѣрнѣе древній типъ славянскаго языка, различая ъ отъ ь. Впрочемъ, если и вѣрно, что по сю сторону Дуная исчезло различіе между этими звуками еще до XI ст., то все же нѣтъ причинъ считать различіе глухихъ въ О. Ев. отклоненіемъ отъ типа старо-сл. языка, которому безъ всякаго сомнѣнія такое различіе было свойственно въ эпоху изобрѣтенія азбуки.

²) Такъ встрѣчаемъ въ Сав. кн.: *рибѣ*, *би* (ы), *би* (ы) *шѧ*; въ С. р. *свѧтителы* и пр., см. Срезневскаго Пам. юс. п. 154.

Вотъ нѣкоторые примѣры смѣшенія глухихъ въ О. Ев.: бисъръ, ближьніаго, богатъ, вашь, вьсѧ, въторьникъ, вънъдъ, дъва.

Есть случаи замѣны глухихъ чистыми, какъ въ этомъ памятникѣ, такъ и въ другихъ трехъ вышеупомянутыхъ:

ъ = о: богомъ, гласомъ, словомъ О. Ев. кото, о созданіи, золоба Сб. 1073 прибѣгаемо Мин.

ь = е: ножемь О. Ев. по леду (Глѣбъ князь мѣрилъ море —) Надпись на камнѣ 1068 г.

ь = и: ви(ь)си О. Ев. пътицами, прѣлиштаѭться, ведоути, обрѧштети Сб. 1073.

ъ = ы: дамы Сб. 1073.

Встрѣчаются и обратные случаи — употребленіе глухаго вм. чистаго: змьѧ, бъваіетъ Сб. 1073.

Случаи совершеннаго изчезновенія глухаго въ О. Ев. имѣютъ мѣсто только въ предлогахъ, сливающихся съ именемъ, мѣстоименіемъ или глаголомъ: безмене, безпечали, беспорока, обѧтъ, створи, створите, отиоана (= отъ иоанна) 269 б. [1]); разъ встрѣтилось въ суффиксѣ: вторникъ 217. Въ другихъ памятникахъ глухіе опускаются нерѣдко въ суффиксахъ и иногда въ корняхъ: многъ, злоба Сб. 1073 правды Сб. 1076, всѣмъ. Мин.

При плавныхъ во всѣхъ этихъ памятникахъ часты случаи постановки глухихъ впереди плавныхъ, при чемъ въ О. Ев. плавный отъ слѣдующаго согласнаго отдѣляется особымъ значкомъ, или глухой удвояется, предшествуя и сопровождая плавный звукъ [2]):

---

[1]) Дѣлаемъ обозначеніе листовъ О. Ев. лишь въ томъ случаѣ, когда приводимаго слова нѣтъ въ словоуказателѣ Востокова, или когда отмѣчаемъ особенность неотмѣченную раньше, или понимаемъ приводимую форму иначе, чѣмъ понимаютъ ее другіе.

[2]) Катковъ въ этомъ явленіи видѣлъ зародышъ русскаго полногласія. (Объ элементахъ и формахъ сл.-р. яз.). Намъ кажется, что изъ двухъ глухихъ первый употребленъ по русскому произношенію, второй изъ подражанія оригиналу, съ котораго рукопись переписывалась.

бърьвьна, бърьвьно, вълънениіе, вълкъ, вър'тепъ, вьрь у, дългы, мълъва, мълънша, мълчаше, напълнена, сълньцю, тълцѣте О. Ев., [1]) съмрьть, Сб. 1073., но сълньце ibid., пьрвыи, дължьно Мин.

2. *Носовые* въ О. Ев. выдерживаются большею частью правильно, хотя и есть случаи употребленія чистаго вмѣсто носоваго и наоборотъ: *іа* = ѧ, боюсѧ, пор*у*ченіе, блѫдѣта, бжию (виннт. падежъ).

Въ Сборникахъ юсы перемѣшиваются [2]), и замѣняются чистыми, при чемъ вмѣсто ѧ является иногда ѣ (= е): *ѣ* (= ѧ), птиц*ѣ* (им. мн.) Сб. 1073. Въ Минеѣ ѧ = *я* и обратно, ѫ — нѣтъ.

Такъ какъ ѧ въ русскомъ языкѣ замѣняется звукомъ *а* (съ смягченіемъ предъидущаго согласнаго) и такъ какъ *ѣ* въ этомъ столѣтіи (о чемъ ниже) уже смѣшивается съ *е*, то на замѣну ѧ черезъ *ѣ* можно смотрѣть какъ на замѣну его черезъ *е*, явившееся однако не непосредственно изъ ѧ, а изъ его замѣны *я*—черезъ перегласованіе. Вышеприведенный примѣръ *птицѣ* могъ слѣдовательно развиться такимъ путемъ: птицѧ = пътиця (= пътиц'а) = пътицѣ (= пътице).

3. *ѣ* въ О. Ев. выдерживается большею частію правильно и послѣ группы согласныхъ, заканчивающейся плавнымъ, и вообще въ корняхъ, но иногда вмѣсто *ѣ* встрѣчается и *е*: жребѧ, предана, несть, древо.

Въ окончаніяхъ *ѣ* въ этомъ памятникѣ употребляется неизмѣнно правильно.

Разъ употреблено въ немъ *ѣ* вмѣсто *а* въ корнѣ слова: тр*ѣ*ва [3]).

---

[1]) Тоже встрѣчаемъ въ Чуд. Пс. и въ Сл. Гр. Б.

[2]) Случаевъ смѣшенія носовыхъ О. Ев. не представляетъ, за исключеніемъ одного слова тысѫщь, въ которомъ, впрочемъ, Миклошичъ видитъ форму совершенно правильную (рец. на изд. Востокова стр. 43).

[3]) Это, конечно не русская особенность: трѣва вм. трава встрѣчается въ Сав. кн. и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ не русскаго письма.

Есть случаи употребленія *ѣ* вм. *ія*, (въ суффиксѣ нѣкоторыхъ словъ), и — что тоже — вм. *а* послѣ шипящихъ: Самар*ѣ*нинъ (и самарі*а*нинъ), творѣаше, капл*ѣ*(іа), покаж*ѣ*те, ищ*ѣ*те.

Тоже встрѣчаемъ и въ Сборн.:

сладъчѣе, Сб. 1073. множѣи Сб. 1076. Въ Мин. находимъ и *е* вм. *ѣ*: вееленеи (дат. п.).

Какъ понимать въ приведенныхъ примѣрахъ сочетаніе *ѣ* съ шипящими?

Одно изъ двухъ: или *ѣ* въ этихъ случаяхъ = *я*, которое, по русской фонетикѣ, могло сочетаться съ шипящими, или оно было уже = *е*. Такъ какъ въ памятникахъ этого вѣка есть несомнѣнныя указанія на смѣшеніе *ѣ* и *е*, то скорѣй послѣднее.

Выше приведенное объясненіе употребленія *ѣ* вм. ѧ, думаемъ, пригодно и для даннаго случая [1]).

4. *Прочіе гласные.*

Что до остальныхъ гласныхъ звуковъ, то обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе случаи и явленія:

а иногда является нейотированнымъ: аице О. Ев. Это, конечно, но есть особенность живаго русскаго говора: и въ старо-слав., какъ извѣстно, чистое *а* въ началѣ словъ очень рѣдко.

Разъ въ О. Ев. вмѣсто *а* употреблено *о*: нер*о* (а) дити.

е вм. *іе* въ началѣ словъ встрѣчается въ томъ же памятникѣ не разъ: енуарь и под.

Иногда начальное *е* обращается въ *о*, согласно съ русской фонетикой: олей (но и *е*лей = ελαιον) О. Ев., оже Сб. 1073.

Встрѣчающееся изрѣдка *о* вмѣсто *е* въ корнѣ словъ: т*о*плое,

---

[1]) Употребленіе *ѣ* послѣ шипящихъ имѣетъ мѣсто и въ Сав. кн.: множѣйша, ищѣте. Тоже встрѣчаемъ и въ Слуцкой псалтыри (см. Памятники юс. письма 23).

досное, Сб. 1073—вѣроятно, представляетъ собою фактъ не русской фонетики.

Обратный случай встрѣтился лишь разъ и при томъ въ собственномъ имени: Ѳемы О. Ев. 269 б.

о иногда употребляется вмѣсто *у* и обратно: аугоста О. Ев. самоилу ib. 286 б. Пахоумоу 274 б. Въ Сб. 1073 наоборотъ: *у* вмѣсто *о* (разъ?): женоѫ которивуѫ.

Такъ какъ эта особенность (сближеніе звуковъ—*о* и *у*) встрѣчается иногда и въ памятникахъ позднѣйшихъ, то ее можно признать руссизмомъ, равно какъ и мѣну *у* на *в* и обратно: уселенѣи, въгодно Сб. 1073 въгодити, вѣчинены ib. [1]).

Изъ О. Е. въ примѣръ такой мѣны можемъ привести лишь слово: Гаурило 231 г.

Одинакіе гласные стягиваются въ одинъ звукъ, близкіе ассимилируются и затѣмъ тоже подвергаются стяженію:

Приде О. Ев. на погребени ib. 228 прилипа(е)тъ Сб. 1073. Данилъ Сб. 1076.

Обратное этому явленіе представляетъ удвоеніе гласныхъ въ случаяхъ подобныхъ слѣдующимъ:

четвероножин*аа*хъ, дъск*аа*хъ Сб. 1073. помин*аа*ти Сб. 1076. враг*оо*мъ Мин. [2]).

Не рѣшаемся говорить утвердительно о томъ, какъ слѣдуетъ понимать это удвоеніе. Быть можетъ, оно есть указаніе на долготу гласной, какъ думалъ Срезневскій [3]).

---

[1]) Послѣдніе два примѣра заимствованы изъ Оп. рук син. б. стр. 372. Сюда же слѣдуетъ отнести и слово—оугостинъ (*о* вм. *у*) встрѣчающееся въ томъ же памятникѣ. Оп. 387.

[2]) Другіе примѣры удвоенія гласной въ Сб. 1073 см. въ Оп. р. с. б. стр. 405.

[3]) „Долгота гласнаго звука отличается отъ ударенія, это можно заключить по тѣмъ примѣрамъ удвоенія гласныхъ, которые встрѣчаются въ памятникахъ даже поздняго времени“ Мысли и пр. 25.

и передъ слѣдующимъ гласнымъ иногда сокращается въ ъ:очьѭ, приіатъіе, быіахъсѧ Сб. 1073.

Встрѣчаются полногласныя формы, всего чаще въ Сб. 1076: володимиру О. Ев., поросѧте Сб. 1073. полоненъ, хоронити, норовъ, доброноровіе, вередихъ и пр. Сб. 1076. [1]).

Есть, наконецъ, въ этомъ столѣтіи и случаи перегласованія подъ вліяніемъ йотъ и мягкихъ согласныхъ: енуарь О. Ев. (изъ іануарь,) пътицѣ Сб. 1073 (изъ пътиціа) [2]).

б) Согласные звуки.

Гортанные смягчаются правильно и постоянно. Исключеніе представляютъ лишь четыре слова: въ О. Ев.: де*к*ѧбрь и пас*хъ*, въ Сб. 1076: морьс*кы*и. [3]), и въ Мин. 1096: архистрати*ге*.

Хотя въ О. Ев. встрѣчается и *пасцѣ*, но форма *пасхѣ* повторяется дважды (220 и 256 стр.), слѣдовательно не можетъ быть объясняема, какъ описка. Безъ сомнѣнія однако это есть только книжная форма иноземнаго слова; въ живой рѣчи оно такъ звучать не могло: самый памятникъ предлагаетъ настоящую народную форму—*пасцѣ*, указывающую на имен. *паска*. Заключать, слѣдовательно, отсюда о потерѣ смягченія гортанныхъ въ XI вѣкѣ, по нашему мнѣнію, нельзя [4]). Не даютъ къ тому повода и слова: декѧбрь и архистратиге, какъ иноземныя слова. Только, слѣдовательно, на основаніи слова *морьскыи*, если только оно не описка и

---

[1]) Вмѣсто срѣбрьникъ въ О. Ев. *сърe*брьникъ. Ср. ярославле *сърe*бро—надпись на монетѣ.

[2]) См. объ этомъ ниже въ отдѣлѣ формъ.

[3]) Пр. Ламанскій приводитъ два примѣра несмягченія и изъ Сб, 1073: *хи*трости, *хи*трымь (О нѣкоторыхъ рук. 42). Но мы не знаемъ, имѣютъ ли мѣсто эти случаи въ подлинникѣ.

[4]) Пр. Буслаевъ, однако, именно на основаніи формы *пасхѣ* принимаетъ, что „великорусскій языкъ, по новгородскому нарѣчію, уже въ XI вѣкѣ уклонился отъ закона смягченія гортанныхъ звуковъ въ окончаніяхъ падежей“ Ист. Грам. § 37 пр. 7 стр. 80.

если памятникъ дѣйствительно относится къ XI в. [1]), приходится признать зародышъ измѣненія свойства гортанныхъ за XI столѣтіемъ.

Изъ *зубныхъ* въ памятникахъ XI вѣка *д* смягчается нерѣдко по русски въ *жж* уже и въ О. Ев:

Прихожѫ, прѣже, роженъıи, рожьство, рожьıноуса, тружаѭтьса и пр.

Еще чаще такое смягченіе является въ Сборникахъ. Есть случаи и въ Минеѣ: рожьство и пр.

Что до *т*, то случаевъ русскаго смягченія этого звука (въ *ч*) памятники этого вѣка, какъ то выше уже и замѣчено, представляютъ мало. Вотъ тѣ немногіе случаи, которые намъ встрѣтились: *ч*уждънимъ Сб. 1073 [2]), *ч*южему Сб. 1076 не*ч*ерахъ ib. Слѣдов., собственно говоря, только два слова.

Третій случай замѣтили мы въ Сл. Гр. Бог: посѣ*ч*и; 4-й тожественный съ первыми двумя въ Пс. безъ толков. [3]).

ц и *шипящіе* въ О. Ев., по закону старо-слав. фонетики, большею частью не сочетаются съ йотированными, однако же, какъ проявленіе русскаго говора писца, есть въ немъ случаи и такого сочетанія: нарицаемыи, сълньцю, чюдотворьца.

Въ Сб. 1073: чаша, часъ, оучаи и пр. Въ Сб. 1076 еще чаще. Есть случаи и въ Мин: творьца и пр.

Мѣну *ч* на *ц* встрѣчаемъ въ Минеѣ: *ц*иновъ, непоро*ц*ьну [4]).

---

[1]) Изъ того же памятника пр. Ламанскій приводитъ слово *паки* (О нѣк. рук. 42). Изъ другихъ памятниковъ, относящихся къ XI вѣку, можемъ привести лишь два примѣра несмягченія гортанныхъ: въ *кинѣ* Евг. Пс. и по *дъскѣ* Ж. К. Важно только послѣднее и о немъ слѣдуетъ сказать тоже, что и о *морьскѣи*—Сборника.

[2]) Разъ только, постоянно же *штоужд*... См. Оп. рук. с. б. I 393.

[3]) Зап. Ак. Н. т. XX кн. 1. 47.

[4]) Въ Сб. 1073 г. *з* мѣняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ на *ж*: жде = зде = сьде, бежнего. Оп. р. с. б. 394.

Замѣчательную особенность языка О. Ев. представляетъ несмягченіе нѣкоторыхъ согласныхъ тамъ, гдѣ они должны бы явиться смягченными, или, другими словами, постановка при нѣкоторыхъ согласныхъ твердаго гласнаго вмѣсто мягкаго. Это имѣетъ мѣсто при звукахъ: з, с, л, р; всего чаще при послѣднемъ: алтора, бура, ц͠ра, творѫ и пр. [1]); при *л*—разъ: авела; тоже при *с:* всакъ; при *з* твердый гласный въ словахъ: кънѧза, кънѧзоу [2]). По стлрательности питца въ копировкѣ оригинала [3]) и по опредѣленности случаевъ, въ которыхъ повторяется это явленіе, оно никакъ не можетъ быть объяснено описками. Несомнѣнно, что это есть особенность говора, но какого?

Что это не русскимъ, доказывается тѣмъ, что тоже явленіе имѣетъ мѣсто и въ Супр. рукописи, памятникѣ, какъ извѣстно, не имѣющемъ признаковъ русскаго письма [4]). Изъ относящихся сюда примѣровъ, приводимыхъ Срезневскимъ изъ Супр. рук. [5]), видно, что и въ этомъ памятникѣ всего чаще при *р* замѣчается отсутствіе смягченія. На счетъ старо-слав. фонетики отнести это явленіе также нельзя, такъ какъ и въ Супр. рук., признаваемой Миклошичемъ за чисто-старосл. памятникъ, явленіе это не выдержа-

---

[1]) Перечисленіе всѣхъ относящихся сюда случаевъ см. въ Пам. юс. письма 177—8. Къ числу согласныхъ сочетающихся съ твердыми вм. мягкихъ Срезневскій относитъ и *ц*, приводя примѣры: ловьца, слнцу и сопоставляя ихъ съ мѣсяцѧ, сълъньцю (ib. 178). Но первыя двѣ формы объясняются старо-слав. фонетикой, послѣднія-русской.

[2]) Въ Сб. 1076 г. встрѣчается наоборотъ *з* съ мягкимъ, гдѣ нужно бы ожидать твердаго: поль*зю*.

[3]) Во всей огромной рукописи (294 листа) не болѣе, или не много болѣе, десяти несомнѣнныхъ описокъ.

[4]) Какъ однако объяснить встрѣчающееся въ этомъ памятникѣ *ч* изъ *т*: вълль*че*ніемъ? (Примѣръ заимствованъ изъ не разъ упомянутой книги Ламанскаго, стр. 93).

[5]) Пам. юс. письма, 33. И въ Сав. кн. твердые вм. мягкихъ при *с, з, р* и даже при *н, л* (а, ȣ, ѧ). Тоже и въ Сл. Пс. Ib. 22.

но постоянно: на ряду съ *ріа* встрѣчаемъ и *ра*, на ряду съ *рю*—*роу*[1]).

Изъ другихъ звуковыхъ явленій, касающихся согласныхъ звуковъ, стоятъ вниманія:

1) Опущеніе *д* въ корняхъ нѣкоторыхъ словъ: семѫжѧ О. Ев. семь Сб. 1073 горазнѣе. О. Ев. Посл.[2]).

2) Стяженіе и ассимиляція согласныхъ и(з)чрева О. Ев. 251 *а*. ан(н)ѣ 218 *а* иоан(н)а 262 *г*. 269 *б*.[3]).

Таковы звуковыя данныя, представляемыя памятниками опредѣленныхъ лѣтъ XI вѣка. Тоже встрѣчаемъ и въ памятникахъ, не имѣющихъ на себѣ опредѣленнаго обозначенія года, но относимыхъ къ этому столѣтію; съ тою однако разницею, что почти каждая изъ обозначенныхъ особенностей въ нихъ является въ большемъ развитіи.

Представляемъ изъ нихъ рядъ примѣровъ на всѣ вышеобозначенные случаи:

а) Глухіе зв: огн*е*мъ Евг. Пс. въ д*е*н*е* іb. дѣл*о*мъ, сл*о*в*о*мъ Тип. Ев. д*ъ*вѣ сътѣ іb.[4]) пси. Пс. б. т. злобивыхъ іb. кото іb жри Ж. К. ц*и*рквь. Сл. Гр. Б.

б) Носовые употребляются неправильно или замѣняются чистыми во всѣхъ памятникахъ.

в) *ѣ* большею частію употреблено неправильно; часто замѣняется *е*: верьни, уц*ѣ*никомъ, поз*е* (дв. ч.), гн*е*въ, приб*е*гающии. Тр. пре-

---

[1]) Миклошичъ V. gr. I, 174.

[2]) Вставное *д* въ извѣстныхъ случаяхъ во всѣхъ памятникахъ встрѣчается нерѣдко.

[3]) Примѣры эти заимствованы изъ святцъ при О. Ев. Они показываютъ, что удвоеніе согласныхъ было не любимо русскимъ языкомъ уже въ древнѣйшую пору.

[4]) дѣвѣ = девѣ, т. е. ѣ употреблено здѣсь вм. *е*, смѣнившаго *ъ*, а это послѣднее вм. *з*. Ср. въ томъ же пам. пь=но(нъ). Наоборотъ: шздъше = шьдъше.

лищая Ж. К. Тиверіадьсте (м. п.) Тип. Ев. накажѣтесѧ Пс. Чуд. фарисѣи Т. Ев. (но ib. и фарисеи, какъ и въ О. Ев.)

Въ Евг. Пс. встрѣчается *ѣ* вм. *а*, *ꙗ*: трѣвою, ѣко [1]).

Въ Сл. Гр. Б. есть случай употребленія *и* вм. *ѣ*: ст*и*ны [2]).

г) *о* вм. начальнаго *е*: *о*лѣıа Сл. Гр. Б. *о*динъ ib. *о*лѣıемь Пс. б. т.

д) *о* вм. *у*: нед*о*жьныıа Тип. Ев. пречист*о*ю рѹку Тр. [3]).

е) Удвоеніе гласныхъ: житейскаами Тр.

ж) Сокращеніе ихъ: выспов*ѣ*данье Евг. Пс. пьсгѧ Пс. б. т

з) Стяженіе гласныхъ: примъ Тип. Ев.

и) Сочетаніе шипящихъ и *ц*: дшоу чл҃чю Евг. Пс. оцю, междю Сл. Гр. Б. [4]) слышѧвъшеи Ж. Ф. до конъцѧ Пс. б. т. срдцѧ ib.

Представляемъ на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ примѣровъ общіе выводы касательно фонетики XI вѣка.

Глухіе звуки большею частію употребляются правильно, хотя и встрѣчаются случаи ихъ смѣшенія, замѣны чистыми и безслѣднаго опущенія. Носовые не существуютъ.

ѣ употреблястся неправильно, особенно къ концу столѣтія. Обычная замѣна его—*е*.

---

[1]) Къ Сав. кн., памятникѣ, впрочемъ, не русскаго письма, *ꙗ* ассимилировалось съ *ѣ* въ словѣ: сѣлъ = сꙗлъ. См. Пам. юс. п.

[2]) Тамъ же и смотр*и*ти, но, какъ выше уже замѣчено, здѣсь сомнительна смѣна *ѣ* на *и*: кромѣ Сб. 1073, гдѣ смотр*и*въше, встрѣчаемъ въ Пс. б. т.: смотриша.

[3]) Въ Сл. Гр. Б. есть случай смѣшенія *у* и *ѣ*: д*оу*шеть. Вм. *а* или *ѣ* употреблено дважды въ Тип. Ев. *о*: дврьмъ затворен*о*мъ? Возможно то и другое. Въ томъ же пам. *а* вм. *ѣ*: престрашен*а*мъ же бывъшемъ имъ. Въ Евг. Пс. можно отмѣтить одинъ случай употребленія *а* вм. *о*: *а*нагри. Въ Сл. Гр. Б. два случая такой же звуковой замѣны: тъкьм*а*, Ал*ю*мпьскъıи. На основаніи этихъ примѣровъ не находимъ мы, однако, возможнымъ признать употребленія *а* вм. *о* за одну изъ звуковыхъ чертъ XI в.

[4]) Въ этомъ памятникѣ довольно много случаевъ сочетанія шипящихъ и *ц* съ мягкими. Странно, что г. Будиловичъ, признавая за этимъ памятникомъ характеръ русскаго письма, находится въ недоумѣніи, какъ объяснить это явленіе (стр. 12 его Изслѣдованія).

Вмѣсто начальнаго *е* употребляется *о*. Этотъ послѣднiй звукъ смѣшивается иногда съ *у*, вмѣсто котораго употребляется и который вмѣсто него употребляется.

у употребляется вмѣсто *в* и обратно *в* вм. *у*.

Есть случаи удвоенiя гласныхъ и стяженiя ихъ. Послѣ йота и мягкихъ согласныхъ является, вслѣдствiе перегласованiя, *ѣ = е* вм. *ia*. Гласный *и* передъ гласнымъ сокращается. Встрѣчаются полногласныя формы. Есть случаи употребленiя глухаго (ъ) вм. *е предшествующаго* плавному въ полногласной формѣ *ере* [1]).

Потеря древняго свойства гортанныхъ *быть можетъ* находились уже въ этомъ вѣкѣ въ зародышѣ.

ж изъ *д* является часто, *ч* изъ *т*—очень рѣдко.

ч и *ц* смѣшиваются [2]). Шипящiе и *ц* сочетаются съ мягкими.

Слѣдовательно, имѣемъ лишь три звуковыя черты, не обозначенныя выше въ исчисленiи признаковъ древне-русскаго языка, отличающихъ его отъ старо-славянскаго: 1) мѣну гласныхъ звуковъ *о* и *у*; 2) мѣну согласныхъ *ц* и *ч*; 3) перегласованiе подъ влiянiемъ j и мягкихъ согласныхъ.

Б. Формы:

а) Склоненiя:

Формы XI вѣка выдерживаются за немногими исключенiями правильно, т. е. сохраняется въ большей части случаевъ формальный типъ старо-славянскаго языка.

Отступленiя отъ этого типа объясняются частiю звуковыми из-

---

[1]) Въ числѣ характерныхъ чертъ вокализма XI вѣка не обозначаемъ здѣсь вышеприведеннаго случая употребленiя *о* вм. *а* въ О. Ев. въ словѣ *нeродити*. И въ Сл. Гр. Б. встрѣчаемъ *неродиви*. Слово—тоже и слу чай, слѣд., все таки остается единственнымъ. По той же причинѣ несчитаетъ возможнымъ принять и перехода *ѣ* въ *и* за звуковую черту XI в.

[2]) Это смѣшенiе, конечно, не составляло обще-русской особенности и есть, безъ сомнѣнiя, принадлежность сѣвернаго говора.

мѣненіями, частію же начавшимся уже смѣшеніемъ формъ и дѣйствіемъ аналогіи.

Слѣдующія особенности представляютъ намъ памятники этого вѣка въ склоненіи существительныхъ, прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій:

Въ *Им. п.* ед. ч. прилаг. является иногда *зг* вм. *гги*: видны О. Ев. Въ томъ же падежѣ мн. ч. прич. дѣйств. залога наст. вр. муж. р. встрѣчается, вѣроятно, вслѣдствіе уподобленія: *ии* вм. *еи*: оутапающтии, вѣроующіи, творѧщии Сб. 1073 (Оп. р. с. б. 373). Въ им. мн. сущ. женск. р. на *я* (и *а* съ предшествующимъ шипящимъ или *ц*) оканчиваются вм. ѧ на *ѣ* (= е): пътицѣ Сб. 1073.

Род. пад. склоненія сущ. на согл, тему смѣнилъ уже окончаніе *е* на *и:* кръви О. Ев. имени Сб. 1073 отъ небеси Сл. Гр. Б. до дни Сб. 1073 (Оп. 377). Это *и* вм. *е*—явленіе, безъ сомнѣнія не фонетическое, а результатъ смѣшенія формъ. Обратное этому явленіе представляютъ ниже-приводимыя формы мѣстнаго падежа изъ того же склоненія. Въ именахъ женскаго рода мягкаго склоненія род. п. оканчивается на *ѣ* вм. древняго ѧ: въ пѧтъкъ й недѣлѣ О. Ев. 21 *а*въ въторьникъ ѥ҃ недѣлѣ ib. 12*а* въ срѣдѫ й недѣлѣ ib. 19 *а*. [1]). Въ этой формѣ *недѣлѣ*, равно какъ и въ вышеприведенной *пътицѣ*, мы принимаемъ *ѣ* за *е*, объясняя этотъ послѣдній звукъ изъ *га* (смѣнившаго ѧ) черезъ перегласованіе, условленное *й*: недѣлѧ=недѣліа—недѣлѣ=недѣле. Тоже объясненіе примѣняемъ мы и формамъ род. п. словъ: мцѣ (мѣсяцѣ)

---

[1]) Форму *недѣлѣ* въ этихъ случаяхъ Востоковъ считаетъ за *дат.* пад. ед. числа (Словоуказатель при О. Ев. стр. 174). Мы убѣждены, что вѣрнѣе принимать ее за *род.*: 1) мѣну *я* (изъ ѧ и *я* = *іа*) на *ѣ* памятники XI вѣка представляютъ; 2) формы съ *ѣ* = *е* вм. *я* = ѧ въ род. пад. являются обычными формами памятниковъ XII в.: 3) между тѣмъ смѣшеніе окончаній твердаго и мягкаго склоненій, предполагаемаго объясненіемъ Востокова для XI в., и памятники XII в. не представляютъ: и въ нихъ дат. п. и пр. въ твердомъ склоненіи оканчиваются на *ѣ* = *е*, въ мягкомъ, на *и* (см. ниже); наконецъ—4) что приведенная форма род. п., а не дат., видно изъ слѣдующаго примѣра: во вторникъ свѣтлыѩ недѣл Ев. 207. Ср. также: мцѣ декабря 243 а.

О. Ев. 243 *а* (= мѣсяце изъ мѣсіацıа = мѣсѧцѧ) и еѣ Сб. 1076 (= ее изъ еıа = ѥѩ) [1]).

Форма болѣзн*и* О. Ев. вм. болѣзн*ии* объясняется фонетически через стяженіе звуковъ. Но не могутъ быть объяснены через измѣненія звуковъ формы род. п. мн. ч. на *овъ*, *евъ*: грѣховъ, врачевъ, О. Ев. (по одному разу), вождевъ Сб. 1076, даровъ, домовъ, плачевъ, Сл. Гр. Б. [2]).

Въ прилагательныхъ именахъ къ концу столѣтія въ этомъ падежѣ являются уже нерѣдко сокращенныя формы: вышьнѧго, трьсълънчнаго Мин.

Въ *дат.* п. обращаютъ на себя вниманіе переходныя формы прилагательныхъ именъ: нов*оу*моу, послѣдн*ю*му О. Ев.

Вин. п. не представляетъ особенностей.

Въ *твор* слѣдуетъ отмѣтить формы на *ъми* и *ьми* вм. древнихъ ъı и *и*: дрьколъ*ми* О. Ев. пророкъ*ми* Сл. Гр. Б. [3]).

Въ *мѣстн.* пад. сущ. муж. р. мн. числа О. Ев., кромѣ обычной формы на *ѣхъ*, представляетъ (однажды) форму на *ъхъ*: домъ*хъ*, равную которой, только съ замѣной глухаго чистымъ находимъ въ Минеѣ: добр*охъ*. По аналогіи съ этимъ въ мягкомъ склоненіи встрѣчаемъ форму на *ьхъ* вм. *ихъ*: князь*хъ* Сб. 1073 (Оп. р. 290), но ib. и обычная форма: княз*ихъ* (366). Мѣстн. падежъ словъ на согласную

---

1) И. Хр. Буслаева 296. 15. Пр. Буслаевъ считаетъ эту форму за дательный подежъ. (ib. 304). Не можемъ раздѣлить этого мнѣнія по причинамъ, изложеннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи: фраза, въ которой встрѣчается эта форма: „да мьщѫеѣ". Ср. „оже не будеть кто *его* мьстя" Р. Пр.

2) И такъ эта форма род. п. восходитъ къ XI в. и нельзя слѣд. принять утвержденія, что „род. пад. имѣлъ одинаковую форму съ им. ед., безъ сомнѣнія, постоянно въ первобытное время". О яз. с. р. л. 59. Замѣтимъ, что и въ Супр. рук. встрѣчается эта форма. См. Миклошича V. gr. III, 27.

3) Встрѣчается и въ С. р.: V. gram. Миклошича III. 16.

тему уже принялъ окончаніе словъ темы на *а*: въ немъ является вм. *и* — *е* (=*ѣ*):

на небесе, о отрочѧте, на жрѣбѧте. О. Ев.

Единственный примѣръ смѣшенія мягкаго склоненія съ твердымъ представляетъ форма: учител*е*хъ Сл. Гр. Б. Форма камени*и*мь О Ев. объясняется ассимиляціей звуковъ.

б) Спряженія:

Формы спряженія выдерживаются правильно.

Въ преходящемъ времени—*аахъ* и *іаахъ* сокращаются въ *ахъ* и *іахъ* уже и въ О. Ев.

Въ сложномъ прошедшемъ встрѣчается иногда одно причастіе на *лъ* вмѣсто причастія + вспомогательный глаголъ: князь глѣбъ мѣрилъ море. (Надп. на камнѣ 1068) [1]).

Въ 3-мъ лицѣ ед. и мн. числа настоящаго времени часто опускается *тъ* въ Сб. 1073: іе, нѣ (= нѣсть), соу(*тъ*), охоудѣіе и пр. Есть случаи такого опущенія и въ О. Ев.: іе, напише.

Въ Сб. 1073 г. 1-е лицо мн. ч. настоящаго времени встрѣчается на *ы*: дам*ы*, іесм*ы* (Оп. р. 372) [2]).

Причастіе дѣйст. н. вр. встрѣчается и на *а* и на *ы*: не дад*а* Сб. 1073 (Оп. р. 392), приснотек*аи* (іb.), им*ы* (іb. 372), пек*ы*сѧ (іb.).

И такъ самыми рѣзкими особенностями въ формахъ сравнительно съ старо-слав. языкомъ могутъ быть признаны слѣдующія черты: 1) ѣ = е вм. іа = ѧ въ род. ед. и им. мн.; 2) потеря свойственнаго согласному склоненію окончаній род. и мѣстнаго; 3) мѣстн. на *ѣхъ*, *ѣхъ* вм. *ѣхъ*, *ихъ*; 4) переходныя и сокращенныя формы прилагательныхъ; 5) опущеніе *тъ* въ 3-мъ лицѣ ед. и мн. ч. н. вр.; 6) причастіе дѣйств. зал. на *а* вм. *ы*.

---

[1]) Случаи опущенія вспомогат. глагола въ Сл. Гр. Б. см. въ Изслѣдованіи Будиловича 19.

[2]) Встрѣчается и въ Супр. рук. ок. *мы* вм. *мъ* для 1л. мн. ч. См. Миклошича Vergl gr. III, 88. Нѣтъ поэтому основаній считать приведенныя формы за чисто русскія.

XII ВѢКЪ.

XII столѣтіе представляетъ болѣе данныхъ для прочныхъ выводовъ по русской фонетикѣ и формамъ, чѣмъ предыдущее: отъ этого столѣтія мы имѣемъ нѣсколько памятниковъ съ опредѣленнымъ обозначеніемъ года, между которыми нѣкоторые, по безъискусственности ихъ языка, могутъ служить къ характеристикѣ народнаго русскаго говора того времени.

Важнѣйшій изъ памятниковъ такого характера — это — Вкладная Варлаама новгородскому Хутынскому монастырю 1192 [1]). Кромѣ ея, изъ памятниковъ нецерковнаго характера отъ этого вѣка дошла до насъ въ подлинникѣ Жалованная грамата Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю [2]).

Нѣкоторыя цѣнныя данныя представляютъ надписи: на крестѣ Евфросиніи Полотской [3]) и при изображеніяхъ на стѣнахъ церкви Св. Спаса въ Нередицахъ, близъ Новгорода, до 1200 [4]).

Всѣ четыре памятника, слѣд., новгородскіе.

Памятники богослужебные съ опредѣленнымъ обозначеніемъ года, къ этому вѣку относящіеся, слѣдующіе:

Евангеліе Мстиславово до 1117 [5]). Галицкое Евангеліе

---

[1]) Напечатано въ Дополн. къ Актамъ Историч. т. I, № 5., въ приложеніяхъ къ Мыслямъ объ исторіи рус. яз., въ Древн. Пам. рус. письма и языка.

[2]) Въ Ист. хр. Буслаева, въ Др. п. рус. письма и языка, въ Доп. къ Акт. Ист. I, № 2; описаніе и объясненіе (Срезневскаго) въ Изв. Ак. Наукъ т. VIII.

[3]) Древн. Пам. рус. письма и языка.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid., кромѣ того въ Хр. Буслаева; описаніе въ Изв. Ак. Наукъ т. IX—X. Въ припискѣ писца не обозначено года.

1143 [1]). Евангеліе Добрилы 1164 [2]). Юрьевское Евангеліе послѣ 1119 [3]). Стихирарь 1157 [4]).

Изъ памятниковъ, написаніе которыхъ не опредѣляется ни прямо, ни приблизительно припискою писца, но которые отнесены къ XII вѣку на основаніи палеографическихъ признаковъ и данныхъ языка,—важнѣе другихъ: Житіе Феодосія, написанное Несторомъ [5]), и Житіе св. Бориса и Глѣба, составленное Іаковомъ [6]).

А. Звуки.

а) Гласные.

a) Глухіе въ этомъ столѣтіи опускаются часто—и въ предлогахъ, и въ корняхъ, и въ суффиксахъ: человѣколюб(ь)че Ст. 1157 к(ъ) намъ Ев. 1143 вѣч(ь)ную Кр. Е., кде, сде Ж. Ф.

Во многихъ случаяхъ употребляются правильно: дѣвъка В. В. хутиньскую ib. рыбьная ib. диіаволъмь ib. пришьствие Гр. М. дължьни ib. русьску ib. запъртить ib. гривьнъ ib. серебрьно ib. вгодьникъ Ж. Ф. небесьскимъ Ев. 1143.

Нерѣдко на мѣстѣ глухаго встрѣчаемъ чистый гласный звукъ: диѧволемъ В. В. за Волховомъ ib. противенъ Гр. М. монастырескыѧ Н. Ѹрожешим(и) ib. агницъ Ст. 1157 жидемъ І. Э. Б. [7]),

---

[1]) Ист. Хр. Буслаева, Др. пам. Описаніе—въ Палеографическихъ и филологическихъ матеріалахъ Буслаева и въ Оп. р. с. б.

[2]) Иначе Симеоново, отрыв. въ Др. пам., Ист. Хр. Буслаева.

[3]) Въ припискѣ писца годъ не обозначенъ; отрывки въ Др. пам. русск. письма и языка; описаніе—въ Извѣст. Ак. Н. т. VIII.

[4]) Отрывки въ Ист. Хр. и въ Др. пам.: описаніе въ П. и ф. м. Буслаева.

[5]) Чтен. Общ. ист. и др. 1858 III.

[6]) Ibid. 1870. I. Перечисленіе другихъ памятниковъ, относящихся къ этому вѣку, см. въ Др. пам. Срезневскаго.

[7]) Ibid. талантъ и таланто не могутъ быть примѣрами замѣны глу-

граду в*е*сему Ж. Б. и Г. т*о*(ъ) ib. изо*о*станеть Гр. М. изо*о*лтаріа Ж. Б. и Г. обрѧщет*и*(ь) ib. пощашет*и*(ь) ib. обличашет*и*(ь) Ж. Ф. есм*и*(ь) ib.

Есть обратные случаи: употребленіе глухихъ вмѣсто чистыхъ: приимъть, тръкліатыи Ж. Б. и Г.

Въ памятникахъ сѣверной письменности глухіе и замѣны ихъ смѣшиваются: в*ъ*ху В. Ц. ц*ъ*то ib. против*ь* ib. въдал*ъ* (= — е = — ь вм. — ъ) ib. Варлам*е* (им. п.) ib. Всеволод*ь* (им. сущ.) Н.

Правильность употребленія глухихъ даже въ такихъ памятникахъ, каковы Вкладная Варлаама и Грамата Мстислава [1]), отсутствіе ассимиляціи въ словахъ, подобныхъ: небес*ь*скимъ, рус*ь*ску, употребленіе чистаго вмѣсто глухаго тамъ, гдѣ впослѣдствіи гласный изчезаетъ безслѣдно, — все это можетъ, думаемъ, служить къ убѣжденію, что глухіе въ XII вѣкѣ въ языкѣ существовали. Такъ какъ начало паденія ихъ въ языкѣ должно быть отнесено ко времени раньше XI вѣка, памятники котораго представляютъ уже случаи опущенія ихъ и замѣны чистыми, то, конечно, въ XII вѣкѣ такихъ случаевъ слѣдуетъ допустить большее количество.

Что они часто не различались уже отъ чистыхъ, на то указываетъ, кромѣ опущенія и замѣны ихъ, употребленіе ихъ вмѣсто чистыхъ.

Опредѣлить — въ какихъ именно случаяхъ они сохранялись въ языкѣ и въ какихъ изчезли, — невозможно по недостатку данныхъ. Вѣроятно, они существовали лишь тамъ, гдѣ группы согласныхъ не допускали ихъ паденія. Въ этихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ или *ъ*, *ь* или ихъ замѣны — *о*, *е*, *и*. Не знаемъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на эти послѣднія: были ли то чистые гласные звуки, или лишь приблизительное выраженіе глухаго. *и* вм. *ь* встрѣчаемъ только въ двухъ памятникахъ церковной письменности: Стихирарѣ и Богословіи I. Э. Б. И здѣсь не можемъ рѣшить: выражаетъ ли это *и* лишь приблизительно звукъ *ь*, чѣмъ и объясняется его чередованіе съ *е*, или это

хаго чистымъ: *талантъ* въ этомъ памятникѣ средняго рода: едино таланть, ҃і таланто, талантъ твоѥ, двѣ талантѣ. см. Калайдовича I. Э. Б.

[1]) Необходимо однако замѣтить, что и правописаніе этихъ памят-

есть чистый гласный, смѣнившій глухой. Въ послѣднемъ случаѣ такая смѣна должна быть признана мѣстною особенностью, такъ какъ большинство памятниковъ обыкновенно вмѣсто *ь* ставятъ *е*.

Что до *и* въ словахъ: обрѧщет*и* и пр., приведенныхъ выше изъ Ж. Б. и Г. и Ж. Ф., то оно можетъ быть признано чистымъ гласнымъ звукомъ; тѣмъ не менѣе, появленіе его въ приведенныхъ примѣрахъ можетъ служить къ доказательству существованія глухихъ въ XII вѣкѣ: *и* въ приведенныхъ словахъ является *передъ слѣдующимъ и*, напр. въдаст*и*(ь) *и*(нъгъть) стославоу Ж. Б. и Г. съ плачьмь великъмь провожахут*и*(ь) *и* Ж. Ф. моляхут*и*(ь) *и* ib. Думаемъ, что здѣсь передъ нами—явленіе не морфологическое (какъ предполагалъ пр. Бодянскій) [1]), а чисто фонетическое: *ъ* и *ь* не могутъ стоять передъ слѣдующимъ *и*: они въ этихъ случаяхъ подвергаются возвышенію (изъ чисто фонетическихъ причинъ): *ъ* переходитъ въ *ы*, *ь* въ *и*. Добр*ыи* вм. добр*ъи*, вышьн*ии* вм. вышьн*ьи*, по нашему мнѣнію, явленія однородныя, въ фонетическомъ отношеніи, съ приведенными: любліашет*и* *и* вм. любліашет*ь* *и* и пр.

никовъ не чуждо искусственности, не является чисто фонетическимъ: Ср. диаволемъ и диаволъмь В. В., Варламе и Варламъ ib.

[1]) Въ окончаніи 3 л. ед. и мн. ч. настоящаго и преходящаго врем. на *ти* вм. *ть* онъ видитъ древнѣйшую доисторическую форму, сближая *ти* (наст. времени) съ греч. σι (изъ ti), лат. ti, санскр. ti (anti). Чт. 1870 кн. I Предисловіе къ Сказ. Іак. стр. V. „*хоути*, говоритъ онъ далѣе, есть хѫти, с. anti, которое стягивается по времени въ ant, слав.-серб. ѫтъ (ѫ = an) изъ ц-сл. ѫть, а это изъ ѫти.“ Ib. VI. Что ѫти древнѣе ѫть—это несомнѣнно, но, тѣмъ не менѣе, предполагать въ приведенныхъ формахъ сохраненіе первичнаго доисторическаго *ти*, думаемъ, также невозможно, какъ невозможно считать *а* въ сербскихъ *дан, сан* и под. за первичное *а*, а не за позднѣйшую замѣну глухаго. Что до примѣровъ, подобныхъ—*обрящети ю*, то быть можетъ здѣсь, какъ и въ *азъ есми* Ж. Ф., *и* есть только приблизительное выраженіе глухаго. Пр. Буслаевъ отличаетъ въ своей Ист. Грам. переходъ *ъ* и *ь* передъ *и* въ *ы*, *и*, но не даетъ этому переходу объясненія.

Употребленіе чистаго вмѣсто глухаго имѣетъ въ этомъ столѣтіи мѣсто уже и при плавныхъ: за Волховомъ В. В. [1]), чего мы не встрѣтили въ памятникахъ предъидущаго столѣтія.

Какъ понимать формы: *въху* и *цъто*? Есть ли въ этихъ словахъ *ъ* только *знакъ* твердости предъидущаго согласнаго, или выраженіе дѣйствительно звучавшаго въ нихъ твердаго (вмѣсто мягкаго) глухаго? Несомнѣнно обратное явленіе: переходъ твердаго глухаго въ мягкій: на этотъ переходъ, составляющій, на сколько можно судить по памятникамъ, особенность сѣвернаго,—новгородскаго нарѣчія, указываютъ не только слова съ *ь* вм. *ъ* на концѣ, но и съ *е* = *ь* вм. *о* = *ъ*: Варламе (ь), вѣдал*ь* (ь) и пр. [2]).

б) Замѣна *носовыхъ* въ этомъ столѣтіи та же, что и въ предъидущемъ.

и вмѣсто ѧ въ словѣ пожь*ни* = пожьнѧ В. В. не противорѣчитъ этому: *и* здѣсь объясняется не фонетически, а дѣйствіемъ аналогіи (*и* въ мягкомъ склоненіи поставлено въ соотвѣтствіи *ы* твердаго склоненія).

в) Не существуетъ въ этомъ столѣтіи и *ѣ*, на потерю котораго указываютъ уже и памятники XI вѣка. Излишне было бы, послѣ

---

[1]) Ср. съ вышеприведенной цитатой—о времени изчезновенія глухихъ при плавныхъ—изъ труда П. А. Лавровскаго: О языкѣ и пр.

[2]) Форму „Миха*л*евъ" (В. В.) Срезневскій объясняетъ черезъ смѣшеніе *о* съ *е* (Мысли и пр. 194). Мы производимъ ее непосредственно отъ имен. на *ь*: Миха*ль*, Ср. Васи*ль*. (Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣтныхъ памятникахъ IV. вып. 26). Аналогія, впрочемъ, будетъ неполная: въ послѣднемъ *ь* изъ *ій*. Замѣтимъ, что такое сокращеніе имѣетъ мѣсто уже и въ О. Ев.: Васи*лю* 271 г. При *р* однако является въ этомъ памятникѣ *ъ* изъ *ій* а не *ь*. Димитр*а* 272а Димитр*у* 236а. Порфир*а* 240. Григор*а* 242—62 г. (но—Григор*ию* 263б.). Форму въ род. съ *р—іа*, указывающую на им. *р—ь* изъ *р—іи* представляетъ слово: аполинар*гя* 283а. П. А. Лавровскій въ *е* словъ, подобныхъ *Варламе* видитъ непосредственную замѣну *ъ*. (О языкѣ и пр. 135). Что до именъ на *ей* изъ *ъ*, которыя онъ приводитъ, (ib.), то они объясняются аналогіей съ именами на *ей* изъ *ій*.

сказаннаго выше, приводить здѣсь случаи его неправильнаго употребленія. Замѣтимъ только, что въ этомъ столѣтіи *ѣ* употребляется не только смѣшанно съ *е*, но и съ *ь*: вѣдалѣ вм. вѣдалъ изъ вѣдалъ В. В.

Два изъ памятниковъ церковной письменности, относящихся къ этому вѣку, представляютъ случаи замѣны древняго *ѣ* черезъ *и*: *и*дяаху = ѣдяаху. Ю. Ев. [1]), прис*и*типіа Х. Б. [2]).

Какой говоръ характеризуется послѣднимъ примѣромъ—неизвѣстно, первый же долженъ быть отнесенъ на счетъ новгородскаго нарѣчія [3]).

г) *а* въ срединѣ словъ замѣняется иногда черезъ *о*:—Лаз*о*рю К. Е. п*о*латѣ Ч. Н. [4]) *со*тона Ж. Б. и Г. Въ окончаніи род. пад. прил. муж. р. ед. ч. *ого* вм. *аго* весьма обычно.

---

[1]) Изв. Ак. Н. 1860 т. VIII.

[2]) Ап. Тихонравова т. II.

[3]) Что касается до формъ: питѣють Ев. 1143 и питѣти Стих. 1157, приводимыхъ Буслаевымъ (Пал. и филологич. матер.), то здѣсь является, по нашему мнѣнію, не фонетическая особенность, а особенность словообразованія. Мы думаемъ, что разность темъ настоящаго времени и неопред. наклоненія въ глаголахъ неисконна. Наст. вр. *да(д)мь* должно указывать на н. н. *дас(=д)ти*, *да-ю* же (=*да*іѫ) предполагаетъ *да-ти*; наоборотъ: *да-в-ать* указываетъ на (дѣйствительно встрѣчающееся, напр. въ одномъ изъ словъ Кирилла Туровскаго—см. Калайдовича Пам. XII вѣка), *да-в-аю*. Въ глаголахъ: *гнать* и *смотрѣть* съ современномъ языкѣ являются двѣ различныя темы (*гна* и *гони*, *смотрѣ* и *смотри*); въ древнемъ языкѣ, въ соотвѣтствіи съ темой наст. вр. на *и*, оканчивалась на тотъ же звукъ и тема неопредѣленнаго наклоненія: *гони-ти* Вол. лѣт. *смотри-ти* Сб. Св. и пр. Весьма по этому вѣроятно, что въ формахъ — питѣ-ти, питѣ-ю имѣемъ не видоизмѣненіе *а* на *ѣ*, а самостоятельно существовавшее въ языкѣ, но съ теченіемъ времени вышедшее изъ употребленія н. н. съ темою на *ѣ*.

[4]) Св. и зам. Срезневскаго в. IV стр. 25. Ibid. стр. 24 находимъ обратное явленіе — *а* вм. *о*: исп*а*вѣдати, — слово написанное такъ, какъ оно звучитъ въ позднѣйшемъ и современномъ намъ русскомъ языкѣ. Хотя отъ XII вѣка имѣемъ и еще одинъ такой же случай—слово *наста-*

д) *у* мѣняется съ *в:* *в*годникомъ Ж. Ф. *в*годникъ ib., что имѣетъ мѣсто, какъ уже сказано, и въ XI ст.

Изрѣдка *о* вм. *у:* хѣр*о*вимъ Ш. Н., что также не ново [1]).

е) Смѣна *ы* на *и*, встрѣтившаяся въ словѣ: *ниви* В. В., быть можетъ, стоитъ въ связи съ имѣющею мѣсто въ томъ же памятникѣ смѣною *ъ* на *ь*, т. е. является вслѣдствіе стремленія языка (въ мѣстномъ новгородскомъ говорѣ) къ замѣнѣ твердыхъ гласныхъ мягкими [2]). Иное объясненіе должно получить *би* (= бы) Ев. 1143. Оно могло бы свидѣтельствовать о начавшемся уже въ южно-русскомъ нарѣчіи смѣшеніи *ы* и *и*, но, по утвержденію пр. Буслаева [3]), оно употреблено въ Еванг. только разъ. На основаніи же единичнаго случая нельзя, конечно, сдѣлать рѣшительнаго вывода.

ж) На измѣненіе *и* въ *е* въ срединѣ словъ можемъ привести только одинъ примѣръ: а се чара володим*е*рова. Надп. на чарѣ 1151 [4]).

яцаго Ж. Б. и Гл.; но на основаніи этихъ двухъ примѣровъ мы не рѣшаемся однако допустить что бы въ XII ст. имѣлъ уже силу законъ, по которому неударяемое *о* обращается въ *а*.

[1]) Какъ понимать *у* въ об*у*зърѣти? Сб. П. до 1200. Др. памятн. Срезневскаго. Быть можетъ здѣсь *у* изъ *о* вслѣдствіе смѣшенія этихъ звуковъ?—Въ стих. 1157 есть слово д*у*шеть (=д*ы*шеть), которое имѣетъ мѣсто и въ словахъ Гр. Б. (см. выше). Въ Ж. Б. и Гл. одно слово представляетъ смѣну *о* на *е:* за кот*е*рую. Въ Ев. 1143, это слово является постоянно въ такомъ видѣ. См. Пал. и фил. мат. Буслаева.

[2]) Сюда же относится и смѣна *у* на *ю*,—см. примѣры изъ 1-й Новг. лѣт., приведенные П. А. Лавровскимъ (О языкѣ и пр. 131), который въ такой мѣнѣ звуковъ видитъ „стремленіе къ стѣсненію гласныхъ“ (ib.).

[3]) Палеографич. и филолог. матеріалы.

[4]) Въ Богословіи І. Э. Б. есть случай обратной мѣны: пребыва*и*мъ (Калайдовича І. Э. Б. 40). Въ одной изъ грамотъ, (собр. Напьерскимъ, именно въ грам. I б.) находимъ слова: оруж*е*е, жереб*е*ге (= — ій). Грамата эта отнесена издателями къ 1195, а Срезневскимъ (Др. пам.) въ 1199; но дошла до насъ не въ подлинникѣ, а въ спискѣ при грамотѣ 1263 г. Какого именно вѣка этотъ списокъ ея, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ

На переходъ *ы* въ *о* отъ этого вѣка не имѣемъ ни одного случая [1]).

з) Перегласованіе гласныхъ имѣетъ мѣсто въ этомъ столѣтіи въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ предъидущемъ: *ѣ*звы Ж. Б. и Г. изъ не*е* Н. на чарѣ. за мо*ѣ* = моіе изъ моіа Гр. М. наш*ѣ* = наше изъ нашіа Ж. Б. и Г. и пр. [2]).

и) Сокращеніе гласныхъ, передъ гласными и въ концѣ словъ, встрѣчается не рѣдко: каменье Кр. Е. Офросиньıа іЬ. прежь Ев. 1143. Божьи іЬ. и пр.

і) Удвоеніе гласныхъ встрѣчается рѣдко: любимъ Ж. Б. и Г. бываати іЬ.

Едва ли такія формы словъ имѣли еще отношеніе къ живому говору.

б. Согласные:

а) Смягченіе *гортанныхъ* сохраняетъ еще свою силу. Изъ мягкихъ гласныхъ сочетается съ ними только *и*, стоящее вмѣсто *ы*, и *ѣ*: человѣки (= — ы) В. В. велик*и*и Ж. Б. и Г. небесьск*и*мъ Ст. постриг*и* Ж. Ф. х*и*трости іЬ. руськ*ѣ*и Ж. Б. и Г. Съ *ѣ*, слѣдовательно, сочетается только *к*, какъ и въ предъидущемъ вѣкѣ; съ *и*, стоящимъ въ формѣ, гдѣ должно бы быть *ы*, всѣ три гортанныхъ [3]).

б) *Зубные д* и *т* смягчаются въ *ж* и *ч*. Случаевъ послѣдня-

---

представляемыя ею особенности звуковыхъ измѣненій не можемъ отнести къ XII в.: по *спискамъ*, какъ уже сказано, мы не позволяемъ себѣ дѣлать никакихъ выводовъ.

[1]) П. А. Лавровскій въ Оп. семи рук. приводитъ примѣры такого перехода изъ Псалтыря, отнесенаго имъ къ XII в.: истинн*ои*, нощьн*ои* (стр. 29). На эти случаи мы смотримъ также, какъ на особенность того же рода, представляемую Евг. Пс.

[2]) Въ формѣ-отъ болгарын*ѣ*—является ли *ѣ* вслѣдствіе перегласованія или по аналогіи съ окончаніемъ р. п. другихъ словъ?

[3]) Въ Хожд. Бог. (Ап. Тихонравова) находимъ въ одномъ словѣ употребленіе *г* вм. *к*: гнигы. Вѣроятно, однако, это не русская особенность. См. Лавровскаго: Описаніе семи рукописей 38.

го года смягченія, однако же, немного: Хо*че*ть В. В. о*чю*женый Ж. Б. и Г. *чюж*ихъ Ев. 1143, и еще нѣсколько. Первый изъ этихъ примѣровъ, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ, что, какъ бы ни рѣдки были проявленія такого смягченія въ письменности, въ живомъ языкѣ оно было обычно.

в) *Шипящіе* и *ц* сочетаются большею частію съ мягкими, но есть случаи, и не рѣдко въ одномъ и томъ же памятникѣ, сочетанія ихъ и съ твердыми: божни*цга* В. В. лови*щга* ib., но тамъ же и: лови*ща*. Бцж҃. Х. Б. оцж҃ ib.; пла*чю*щисѧ ib. но тамъ же и: му*ча*тьсѧ, г҃*жа* [1]).

г) Мѣна *ч* на *ц* и обратная является нерѣдко въ памятникахъ сѣверной письменности: цьто В. В. въ рѣчѣ Ст. цловѣкъ ib.

д) Опускаются изъ согласныхъ звуковъ *д* и *г*: первое въ словахъ: семыи Зл. семь Г. Ев.,—что встрѣчается и въ XI в.,—и въ словѣ—празникы Зл.; примѣръ опущенія втораго представляетъ слово: бѣство Г. Ев. [2]).

е) Встрѣчается иногда твердое *л*, [3]), волнаıа Сл. А. Р., но и—

---

[1]) Въ поученіяхъ на воскресные дни, составленныхъ Константиномъ, пресвитеромъ болгарскимъ и отнесенныхъ по списку Срезневскимъ къ XII в. (Др. пам.), а Горскимъ и Невоструевымъ къ XIII, „обнаруживается, по словамъ послѣднихъ, произношеніе русское въ словахъ: съвьрь*шо*нъ: крь*що*нъ, кромѣ *жо*нъ“ (Оп. р. с. б. П. № 163 с. 434). Въ другихъ памятникахъ XII в. такого сочетанія шипящихъ съ *о* вм. *е* не встрѣчается, почему и вѣроятнѣй ихъ принадлежность XIII ст. а не XII.

[2]) Встрѣчается и въ другихъ памятникахъ. См. Описаніе семи рукоп. П. А. Лавровскаго.

[3]) Употребляя здѣсь и ниже выраженіе *твердое л*, мы не рѣшаемся однакоже утверждать, что сочетаніе этого звука съ твердыми есть проявленіе въ письменности живаго говора. Быть можетъ это только способъ писанія, неимѣющій никакого отношенія къ живому языку. Замѣтимъ, однако, что кругъ словъ, въ которыхъ встрѣчается твердое *л*, ограниченъ. Сочетаніе этого зв. съ *а*, *у* и другими твердыми вмѣсто соотвѣтствующихъ мягкихъ въ позднѣйшихъ памятникахъ почти не встрѣчается, но часто и большею частію, въ извѣстныхъ словахъ, опускается при немъ *ь* въ суф. *ьн*.

невольнаіа іb. славлаху Св. Срезн. IV, 27. дъвълно Ст. до 1200. лждемъ Ев. 1125.

Встрѣчается, но очень рѣдко, твердый гласный вмѣсто мягкаго и при *р:* црж Ев. М. мо*ру*(ю) І. Э. Б. 42.

ж) Въ группахъ согласныхъ звуковъ можно отмѣтить слѣдующія видоизмѣненія: *зс = с*: бе(з) страсти Г. Ев.; *зц = ц*: ицѣленія Ж. Б. и Г. ицѣлении Ст.; *зч = щ* (черезъ уподобленіе перваго элемента второму): ищезоша Ж. Б. и Г. бещьстьна Ев. М. ищерни-гова Ж. Б. и Г.; *жд = шд:* многашды Сб. до 1200 тришьды Ж. Б. и Г. Вм. *жд* встрѣчается *жч* въ *ижченуть* Г. Ев. и *жг*—въ *одъжгити* Ст. 1157; *к* измѣнилось на *х* въ словѣ: *х*рьщенніе Ж. Б. и Г. *з* передъ *н* перешло въ *с* въ словѣ: ра*с*нъ (отъ—матеръ) Ж. Б. и Г. [1]).

И такъ фонетика XII вѣка не представляетъ ни одной такой обще-русской звуковой черты, которая рѣзко отличала бы ее отъ фонетики предъидущаго столѣтія. Въ языкѣ XII в. встрѣчаемъ лишь дальнѣйшее развитіе того, что должно быть, па основаніи памятниковъ, признано, хотя иногда и въ зародышѣ только, и въ языкѣ XI вѣка. Такъ памятники XII в. представляютъ дальнѣйшее развитіе начавшагося раньше паденія глухихъ; въ нихъ встрѣчаемъ мы больше случаевъ употребленія *о* вм. *а* въ срединѣ словъ и болѣе примѣровъ несмягченія гортанныхъ и смягченія *т* въ *ч;* наконецъ, въ нихъ чаще, чѣмъ въ памятникахъ предъидущаго вѣка, находимъ *ѣ = е* вм. *іа* = ѩ.

Въ частности—сѣверное, новгородское нарѣчіе русскаго языка представляетъ по памятникамъ этого вѣка три звуковыхъ черты, которыя не являются въ памятникахъ XI-го в. 1) употребленіе ь вм. ъ, и согласно съ этимъ,—2) *е* вм. *о* и *и* вм. *ы*, 3) *и* изъ *ѣ*.

Б. Формы.

а) Склоненія.

Окончанія *имен.* пад. въ этомъ столѣтіи тѣ же, что и въ предъидущемъ. Единственною особенностью здѣсь, встрѣчаемою въ од-

---

[1]) Такое видоизмѣненіе встрѣчаемъ и въ XI в.: расну Сб. 1073.

номъ только памятникѣ, является *и* вм. *ia* = ѧ (или *ѣ* = *е* изъ этого *ia*): пожн*и* (= пожьн*ѣ* = пожне изъ пожьн*ia* = пожьнѧ) В. В. Объясненіе этой формы уже предложено выше: *ia* и *ѣ* = *е* объясняется фонетически изъ древняго ѧ, но *и* въ формѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда этотъ послѣдній звукъ, есть уже формальная особенность. На основаніи примѣра, о которомъ идетъ рѣчь, слѣдуетъ признать, что въ XII ст. было уже потеряно особенное окончаніе, свойственное имен. пад. именъ женск. р. мягкаго склоненія. Явилось ли *и* и въ другихъ формахъ, гдѣ стоялъ нѣкогда ѧ,—этого по памятникамъ рѣшить нельзя. Неизвѣстнымъ остается и то, составляетъ ли это явленіе въ XII в. формальную особенность однаго новгородскаго нарѣчія, или должна быть признана обще-русскою [1]). Обычною замѣною древняго ѧ въ памятникахъ XII в. является *ѣ* = *е*: птиц*ѣ* нбсные С. Ев.— *ъ* и *е* (= *ъ*) въ имен. ед. м. рода: Всеволод*ъ* [2]), Варлам*е* и пр.— мѣстная особенность новгородская, и при томъ особенность фонетическая; тоже и *и* вм. *ы*: нив*и* В. В.

---

[1]) Все сказанное объ *и* на мѣстѣ ѧ имѣетъ смыслъ лишь въ предположеніи, что *пожьни* отъ имен. ед. *пожьніа*; но въ памятникахъ мы не нашли им. ед. отъ этого слова. Не принадлежало ли оно къ темѣ на *и*, т. е. не имѣло ли оно формы *пожьнь*? Тогда им. мн. на *и* былъ бы формой нормальною. Однако, судя по род. мн. ч. *пожьнь* (ibid.), слѣдуетъ думать, что им. ед. *пожьніа*.

[2]) Такая замѣна является, какъ мы видѣли, и въ памятникахъ XI вѣка, но въ нихъ преобладаетъ форма на *-ia*, въ памятникахъ же XII—форма на *ѣ* и *е*. Отъ слова напримѣръ *земліа*, нормальною формою родительнаго падежа для XI в. должна быть признана—*земліа*, для XII *землѣ* или, что тоже—*земле*. Какъ понимаемъ мы отношеніе между этими формами, о томъ выше уже сказано. Изъ предъидущаго ясно, что мы не можемъ раздѣлить мнѣнія П. А. Лавровскаго, который, замѣтивъ, что въ русскомъ языкѣ, на мѣстѣ ѧ послѣ шипящихъ являются различныя вымѣны: *а*, *ia*, *ѣ*, *е* говоритъ, что „едвали это различіе можетъ быть объяснено иначе, какъ неопредѣленностью древняго носоваго звука (ѧ), выключавшаго въ себѣ вѣроятно что то среднее между *ян* и *ен*“. О языкѣ сѣв. р. лѣт. 62.

Изъ мѣстоименныхъ формъ этого падежа отмѣтимъ — *га* вм. древняго азъ (конечно черезъ переходную форму іазъ) Грам. М. и Ж. Ф.

Въ *род.* пад. сущ. ж. р. мягкаго склоненія встрѣчаемъ вмѣсто ѧ или *га* и *а*: стыга Бц*а*. Ж. Б. и Г.,—что, по всей вѣроятности, составляетъ лишь *письменный* архаизмъ, или *ѣ* (= *е*) и *е*: ѿ българинѣ Ж. Б. и Г. ѿ брятг*е* М. Е.

Тоже окончаніе является въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ: *ѳе* (отрочище) Ж. Б. и Г. цѣны то*ѣ* іb. изъ н*ее* Чара. Единственный примѣръ употребленія *и* вмѣсто ѧ представляетъ слово: пречудн*ыи* (вонѣ—) Ж. Б. и Г.

Въ род. ед. м. р. прилаг. им. дѣлается обычнымъ окончаніе *ого:* великого Чара. святого В. В. новгородьскаго Ант. [1]).

Дат. п. въ памятникахъ этото вѣка харатерныхъ особенностей не представляетъ [2]).

И въ *вин.* пад. вмѣсто *га* (= ѧ) обычною замѣною является *ѣ* (= е) и *е*: за мо*ѣ* дѣти Гр. М., за наш*ѣ* грѣхи Ж. Б. и Г., [3]) вельмож*ѣ* іb. [4]).

---

[1]) Въ томъ же памятникѣ встрѣчаемая форма на *ѕго*: ростовъск*ѕго*—не имѣетъ конечно отношенія къ живому говору: въ ней *ѕ* употребленъ вм. *о*.

[2]) Встрѣчающіяся иногда формы на—*оому*: христолюбив*оому* Ев. М. безъ сомнѣнія - не характеризуютъ живаго языка. Въ записи писца при томъ же памятникѣ встрѣчаемъ: ху*дому*.

[3]) По поводу формы „за нашѣ грѣхи" пр. Бодянскій говоритъ слѣдующее: „сдѣсь *ѣ* вм. *ы* указываетъ прямо не изводъ южно-русскаго языка, въ коемъ эта двоегласная всегда звучитъ какъ мягкое *и* и нерѣдко его замѣняетъ также неправильно, какъ мягкое *е* въ сѣверно-русскомъ *ѣ*" (Чтенія 1871 I. Предисловіе къ Сказанію о житіи Бориса и Глѣба стр. IX). Что мы не можемъ раздѣлить этого мнѣнія, ясно изъ предъидущаго: *ѣ*, по нашему мнѣнію, и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, гдѣ оно стоитъ на мѣсто ѧ, есть *е*, явившееся изъ *га*.

[4]) Въ *пожьни* и въ этомъ падежѣ *и* вм. *ѣ* В. В. Отмѣтимъ еще форму: да въпросѧтъ *его* вм. *и* Ев. М.

Творит. и *мѣстн.* падежи не представляютъ особенностей сравнительно съ предъидущимъ столѣтіемъ [1]).

Вообще замѣтимъ, что въ памятникахъ XII вѣка выдерживается еще правильно древній типъ склоненій. Мягкое склоненіе еще строго различается отъ твердаго; окончанія двойств. числа выдерживаются постоянно, за исключеніемъ формъ Р.Пр. падежей, въ которыхъ вмѣсто *ую* встрѣчаемъ *ою*: святою мученику Бориса и Глѣба Ж. Б. и Г.

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ, какъ въ Ж. Г. и Б. правильно употребляется дательный мѣста и мѣстный.

Формы причастій, кромѣ употребленія *ии* вм. *еи* для имен. п. м. р. множ. ч., что имѣетъ мѣсто и въ памятникахъ XI вѣка, другихъ отступленій отъ древняго вида не представляютъ [2]).

б) Спряженія.

Формы простыхъ прошедшихъ, судя по Вкладной Варлаама или вышли изъ народнаго употребленія на сѣверѣ, или, если и употреблялись, то рѣдко: въ этой граматѣ встрѣчаемъ мы нѣсколько разъ причастіе на *лъ* даже безъ вспомогательнаго глагола вмѣсто прошедшаго простаго: въдалѣ (три раза), далъ—3-е лице. Въ памятникахъ церковной письменности формы прошедшихъ простыхъ выдерживаются правильно, но,—что въ этомъ случаѣ проявляется не свойство живаго языка,—доказываютъ приписки писцевъ къ этимъ памятникамъ, представляющія тоже причастіе на *лъ* вмѣсто прошедшаго простаго. Такъ въ Ев. Мст.: жадѣнъ пьсалъ.

Опущеніе вспомогательнаго глагола въ прошедшихъ сложныхъ имѣетъ мѣсто не только въ 3-мъ лицѣ, что видно изъ приведенныхъ

---

[1]) Въ Ев. М. встрѣчаемъ такую, по видимому, неправильность: жены іетеры бывша и не обрѣтъ*ше* (Др. Пам.). Но форма послѣдняго слова можетъ быть объясняема фонетически: обрѣтъшѧ—обрѣтъш*га*—обрѣтъше.

[2]) Отмѣченная въ памятникахъ XI в. форма предложнаго на *охъ* встрѣчается и въ XII: въ домъхъ Ж. Ф.

примѣровъ и на что имѣемъ случаи въ XI ст., но и въ 1-мъ: іазъ далъ Гр. М., хотя тамъ же и: далъ есмь, велѣлъ есмь.

Въ 1-мъ лицѣ наст. времени встрѣчается впервые въ этомъ вѣкѣ форма: *есми* Ж. Ф. 2-е лице въ спряженіи глаголовъ настоящаго времени сохраняетъ древнія окончанія *си* и *ши*. 3-е лице также сохраняетъ свою первоначальную форму—*тъ* [1]).

Въ пов. наклоненіи глаголовъ, оканчивающихся на согласную тему, удерживается *е* (смѣнившее *ѣ*): ищ*е*те Ж. Ф. свѧж*е*те Г. Ев. чьт*е*те С. Ев. град*е*те М. М. [2]).

Двойственное число въ глаголахъ употребляется правильно.

И такъ, самыми рѣзкими формальными чертами памятн. XII в. сравнительно съ памятниками предъидущаго столѣтія, слѣдуетъ признать: 1) *й* въ им. мн. им. сущ. ж. р. мягкаго склоненія (одинъ случай); 2) родительный ед. прил. женск. рода на *ѣи* (одинъ случай); въ томъ же пад. м. р. окончаніе *ого* (часто); 3) род. и пр. дв. ч. прил. им. на *ою*; 4) 1-е лицо н. вр. вспом. глагола на *ми*.

---

[1]) Непонятное исключеніе въ этомъ случаѣ представляетъ Ев. Мст. Въ отрывкѣ изъ него, напечатанномъ въ И. Хр. Буслаева есть нѣсколько случаевъ опущенія въ 3-мъ лицѣ *ь* передъ *ся*: усрамляют*ся*, откроет*ся*, разумѣет*ся*, оставит*ся*. Признать такія формы принадлежностью XII ст.—невозможно: они не только не встрѣчаются ни въ одномъ изъ памятниковъ этого вѣка, но и въ слѣдующемъ столѣтіи встрѣчаются лишь въ одномъ памятникѣ. Вѣрно ли воспроизведенъ въ печати отрывокъ изъ этого памятника г. Буслаевымъ? Не стоятъ ли въ рукописи при опущеніи *ь* надстрочные значки? Замѣтимъ, что въ отрывкѣ изъ того же памятника, напечатанномъ въ Древнихъ Пам. Срезневскаго, нѣтъ случаевъ опущенія *ь* въ 3-мъ лицѣ.

[2]) Въ Ев. Мст.: грѧдѣте оубиѣмы и И. Хр. 37. По поводу послѣдняго слова пр. Буслаевъ замѣчаетъ: „убиѣмы: пов. н. съ ѣ" (ib. 40). Не есть ли это наст. времени 1-е лице множ. ч.? Если же и пов. накл., то не съ *ѣ*, которое было бы необъяснимо въ глаголѣ на гласную тему, а съ *е*, явившемся изъ *ѧ*. Въ О. Е. оубиѧмъ (Востоковъ. О. Ев. Грам. прав. стр. 24), = убиіамъ; форма Ев. М. убиѣмы (= уби*е*мы) по отношенію къ формѣ О. Ев. есть явленіе перегласованія.

XIII ВѢКЪ.

Изъ памятниковъ XIII вѣка особенно замѣчательны въ филологическомъ отношеніи двѣ граммоты: 1) Договорная Грамата Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 [1]); 2) Грамата Рижанъ къ Витебскому князю Михаилу Константиновичу о его обидахъ ок. 1300 [2]). Обѣ они въ такой степени отличаются безъискусственностью языка, что, безъ сомнѣнія, имѣй мы болѣе памятниковъ такого характера отъ древне-русской письменности,— наука исторіи русскаго языка стала бы давно уже на прочное основаніе. Кромѣ этихъ двухъ граматъ отъ XIII вѣка дошли до насъ въ подлинникахъ еще слѣдующія: 3, 4 и 5) три договорныя граматы Новгорода съ великимъ княземъ Ярославомъ 1264—5, 1270 [3]); 6) Договорная Грамата Александра Невскаго и Новгородцевъ съ Нѣмцами 1257—59 [4]); 7) Правая Грамата Смоленскаго князя Федора Ростиславича по судному дѣлу о колоколѣ 1284 [5]); 8) Грамата князя Андрея Александровича Новгородскаго къ мужамъ датскаго короля въ Ревелѣ 1294—1304 [6]); 9) Новгородскіе граматы 1294—1305 [7]); 10) Грамата Смоленскаго князя Федора Ростиславича къ Рижанамъ 1284 [8]); 11) Грамата Смоленскаго князя Александра Глѣбовича къ Рижанамъ около 1297—98 [9]); 12) До-

---

[1]) Напечатана въ Собр. гос. гр. и догов. т. II N 1, въ Ист. Хр. Буслаева, въ Древн. Пам. Срезневскаго.

[2]) Древн. Пам. Срезневскаго.

[3]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ т. I, NN: 1, 2 и 3.

[4]) Грам., касающіяся до сношеній сѣверо-западн. Россіи, собр. Напьерскимъ, N 1 а.

[5]) Ibid., Ист. Хр.

[6]) Грам. Напьерскаго, N V.

[7]) Дополн. къ акт. ист. I, N 6.

[8]) Древн. Пам. Срезневскаго.

[9]) Грамоты Напьерскаго N VIII.

говорная Грамата Смоленскаго князя съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1230 [1]); 13) Грамата Полотскаго Епископа Іакова къ Рижанамъ. 1300 [2]).

Не перечисляя другихъ памятниковъ этого вѣка, частію гражданскаго, большею частію церковнаго характера, замѣтимъ только, что и нѣкоторые изъ нихъ представляютъ важныя данныя въ филологическомъ отношеніи. Таковы въ особенности: Русская Правда по списку Кормчей 1282 [3]) и другія статьи этой Кормчей [4]), Кормчая 1284 [5]), Парамейникъ 1271 [6]), Духовная Грамата новгородца Климента до 1270 [7]), Поученія Ефрема Сирина до 1288 [8]). Кладя въ основаніе эти памятники и привлекая къ сравненію другіе, къ тому же вѣку относящіеся, извлекаемъ изъ нихъ слѣдующія данныя для характеристики звуковъ и формъ XIII столѣтія.

А. Звуки.

а) Гласные.

1. Трудно рѣшиться отвѣтить утвердительно на вопросъ, сохранялись ли *глухіе* во всей области русскаго языка въ теченіи, XIII ст. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они могли сохраняться, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ.

Въ слѣдующемъ видѣ можно представить ихъ состояніе въ письменности XIII вѣка: они или употребляются правильно, или изчезаютъ безслѣдно, или получаютъ такія гласные замѣны:

ь (= jъ = й) = е, ъ = о, ь = е, ь(= ъ) = ѣ (= е), ъ = е, ъ = ъо, ъ = ы.

---

1) Древніе Пам. Срезневскаго.

2) Грамоты Напьерскаго N VI.

3) I ч. Русск. Достопам., отрывки—въ И. Хр.

4) Ист. Хр., Древн. пам.

5) Ibid.

6) Ibid.

7) Свѣд. и замѣтки о малоизв. памятникахъ в. IV.

8) Ibid. в. I.—Перечисленіе другихъ памятниковъ этого вѣка см. въ изд. Срезневскаго: Древн. пам. р. письм. и языка.

Новы въ этихъ замѣнахъ, сравнительно съ двумя предъидущими вѣками, лишь два послѣдніе случая и первый.

ъо вм. *ъ* и *ъг* вм. *ъ* встрѣтились лишь разъ и потому не могутъ служить основаніемъ для заключеній и выводовъ о свойствѣ глухихъ въ этомъ вѣкѣ [1]).

Что до перваго случая, то хотя мы замѣтили его только въ одномъ памятникѣ, но въ немъ онъ является часто: моіе (= мой) П. 1271 (И. Хр. Б.) твоіе (= твой) ib. въ покоіе (= въ покой) ib. Тамъ же находимъ *е* и вмѣсто конечнаго *ь*: ваше (= вашь), терпите (ь), іесте (ь).

Ясно, что здѣсь одинъ и тотъ же случай: извѣстно, что ъ = ь послѣ согласныхъ, = *и* (й?) послѣ гласныхъ [2]): покое (= покой) и под. есть тоже, что приведенные выше примѣры изъ памятниковъ XII вѣка: Варламе = Варламь изъ Варламъ, въдалѣ = въдаль изъ въдалъ.

ѣ и, что тоже, *е* вм. *ъ* предполагаютъ измѣненіе послѣдняго на *ь* и относятся сюда же: подѣдали (думу—) Гр. ок. 1300. Ср. подъдаваеть (думу) ib. [3]).

Остальныя замѣны глухихъ тѣже, что и въ предъидущемъ столѣтіи.

и вм. *ь* встрѣчается рѣдко: кърми(ь)чиїа К. 1282 (И. Х. Б.) въсхочети Гр. 1230, познаети *и* Р. Пр. *и* послѣднихъ двухъ примѣ-

---

1) Кы нему Пир. 1271. съо Пс. 1296. „Буквами *ъо*, говоритъ по поводу послѣдняго случая пр. Буслаевъ, писецъ хотѣлъ только выразить переходъ *ъ*"а въ *о*" (И. Хр. 93). Мы думаемъ, что *ъ* онъ поставилъ по привычкѣ, а *о* какъ гласную замѣну его. Одна изъ этихъ двухъ буквъ и для него должна была быть лишнею и употреблена имъ безъ сомнѣнія по опискѣ.

2) Schleicher. Formenl.—Miklosich. V. Gr. I. Взглядъ этихъ ученыхъ на *и* изъ *ъ*, впрочемъ, не одинаковъ.

3) Что до словъ—*се*сцю, ох*ре*мо*ша* Пс. 1296 (Пал. и ф. матер.), то вѣроятно представляемая ими особенность не руссизмъ: въ другихъ памятникахъ смѣны кореннаго *ъ* на *е* намъ не встрѣтилось.

ровъ имѣетъ тоже объясненіе, какое выше предложено нами для примѣровъ съ конечнымъ *и* вм. *ъ*, заимствованнымъ изъ Ж. Б. и Г. и Ж. Ф.

Обычною замѣною *ъ* является *е:* оно замѣняетъ его и въ корняхъ, и въ суффиксахъ, и на концѣ словъ: мечемъ Р. П. муже(ь) ibid. Витибеска Гр. ок. 1300 г. Смолнѣска ib. князѣ(ь) С. П. 1. будѣте(ь) ib. бояреск Р. Пр. плододавеца К. Т. (Пам. XII в.) дожде(ь) Сл. 1250. лукавество 1296 туждедему ib.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ вмѣсто *ъ* стоитъ обыкновенно *о:* берьго С. П. 1. посъло Гр. V къ каролевым*о*, мужьм*о* ib. къ вам*о* ib. рабо Надп. на стѣнѣ лад. ц. (Др. п.) Петро ib. Павьло Пс. 1296 (Пал. и фил. мат.). забовенія П. Е. С. предостоящихъ Пар. 1271. батогомь Р. П.

Иногда глухой является вмѣсто чистаго: пореклъ = порекло К. 1282. Такіе случаи встрѣчаются и въ XII в. и объясненіе имъ выше предложено.

Безслѣдно опускаются глухіе въ этомъ столѣтіи не рѣдко: свѣсть П. Е. С. свѣтъ ib. гдѣ Ж. Н. узрѣ ib. снѣ ib. утпеть Р. Пр. лѣчебное ib. полъгривнѣ ib. [1]). Употребленіе чистыхъ вмѣсто глухихъ при плавныхъ въ этомъ вѣкѣ встрѣчается чаще чѣмъ въ предъидущемъ: жердью Р. Пр. челнъ ib. Гр. 1229 твердити ibid. Замѣчательную особенность въ употребленіи глухихъ при плавныхъ представляетъ Смоленская Грамата 1229. Прв *р* и *л* въ полно-

---

[1]) Встрѣчаемая въ Р. Пр. форма *нѣтуть*, кажется намъ, не можетъ указывать на родство звуковъ *ъ* и *у*, какъ то думаетъ пр. Буслаевъ (Ист. Гр. I. 44): нѣтъ, съ глухимъ твердымъ, изъ нѣсть—былобы необъяснимо. Вѣроятно въ *нѣсть* стерся совершенно конечный глухой, и *нѣтъ* = *нѣт*; *у* въ *нѣту—ть* могло быть вызвано скопленіемъ согласныхъ (нѣт—ть). Ср. праздьникось, рабо—тъ вм. праздник(ъ)сь, раб(ъ)тъ. Не ясно однако для насъ, почему *именно у* является въ слонѣ нѣ*ту*. На исчезновеніе конечнаго глухаго указываетъ, какъ кажется, и слово—*жеравь* К. 1282: русскій языкъ не допускаетъ конечныхъ *бл*, *пл* и под. Отсюда или опущеніе *л* въ такихъ группахъ (жеравь, корапъ = корабль) или раздѣленіе ихъ звукомъ *е* (журавел').

гласныхъ формахъ вмѣсто *втораго о, е* въ этомъ памятникѣ часто являются *ъ, ь*: за голъву, холъпъ, серьбра (и—серебро), желъза, золъта С. П. 2. Что такое *ъ* и *ь* въ приведенныхъ примѣрахъ? Равняются ли они *о, е*, или являются дѣйствительнымъ выраженіемъ глухаго? Опредѣленность ихъ постановки,—обыкновенно послѣ, а не впереди плавнаго,—склоняютъ къ предпочтенію послѣдняго мнѣнія [1]).

Въ той же граматѣ есть и еще указаніе на сохраненіе глухихъ, по крайней мѣрѣ въ мѣстности, къ которой она относится. Это— формы: умьр*лъ*, пото*плъ*, и под.: группы *рл, пл* и пр. нѣ концѣ словъ безъ поддержки слѣдующимъ гласнымъ звукомъ не возможны [2]).

Быть можетъ, въ говорѣ, особенности котораго представляетъ эта грамота сохранялись глухіе и въ суффиксахъ. На это указываетъ употребленіе чистаго вмѣсто глухаго (въ суффиксѣ), въ случаяхъ, гдѣ впослѣдствіи гласный звукъ изчезаетъ вовсе, и отсутствіе ассимиляціи согласныхъ, которая должна бы произойти, если бы изчезъ глухой, между ними стоявшій: свобод*ь*ныи, докон*е*чано, соцьскыхъ, Смоленеске. Впрочемъ, какъ выше уже замѣчено, еще вопросъ,—какъ слѣдуетъ понимать въ подобныхъ случаяхъ *о, е*: чистые ли это гласные звуки, или приблизительное выраженіе глухаго. Необходимо также замѣтить, что въ той же граматѣ, въ случаяхъ тожественныхъ съ приведенными, есть и явленіе ассимиляціи согласныхъ. Такъ форма *ризкии* могла явиться только при потерѣ *ь* суффикса *ьск*: рижьскіи или ризьскіи. При томъ же только условіи

---

[1]) Второй гласный звукъ точно не окрѣпъ еще, не сдѣлался еще чистымъ (слѣдовательно представляется сравнительно позднѣйшимъ)? Замѣтимъ, однако, что въ одномъ изъ памятниковъ XII в. встрѣчаемъ обратное этому явленіе: зл*о*то Кр. Ев.

[2]) Въ нѣкоторыхъ словахъ въ этомъ памятникѣ употребленіе *ъ* не какъ глухаго, а какъ буквы, равной *о*, кажется намъ однако несомнѣннымъ. Таковы: винъватъ, ср. іb. и виноватъ, въйну, в — ъдино мѣсто вълно, дъ(о) вѣка, Рижанъмъ, нальзлъ, хочьтъ, латинскии гость придуть и пр.

могло явиться и *ч* (=ц) вм. *тс* изъ *тьс*: гочкъıи ib. (изъ готьскыи готскыи—гоцкыи).

Это явленіе ассимиляціи и опущенія согласныхъ, какъ слѣдствіе опущенія глухаго, имѣетъ мѣсто и въ другихъ граматахъ. Такъ опущеніе *д* въ словахъ: новгороци Гр. I. а и новгороцмъ ib. указываетъ на изчезновеніе *ъ* и въ суффиксѣ *ъц*. Формы, поэтому, новгородца С. I. 2 и новгородьця ib. не стоятъ, по всей вѣроятности, въ связи съ живымъ народнымъ говоромъ.

2. Вмѣсто *ѣ* иногда является *и*. Такая замѣна всего чаще встрѣчается въ П. Е. С. (Свѣд. и зам. Срезневскаго), иногда и въ другихъ памятникахъ: од*и*яла П. Ск. 1296 у сели К. Т. Большею частію и въ этомъ столѣтіи замѣною *ѣ* является *е*.

3. *о* вмѣсто начальнаго *а* и *е* въ огромной массѣ словъ: Овдокимъ К. 1282 опетимье ib. Олександръ ib. Олексѣю Ж. Н. и пр. *о* вм. *а* встрѣчается и въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ: Лазорь К. Т. робу Р. Пр. робые ib. росплативъсıа Гр. 1230, розгнѣваеться Гр. 1229, розбойники, розбои Гр. ок. 1300, розграбежъ Р. Пр.

Обратное явленіе — употребленіе *а* вм. *о* встрѣтились въ одномъ только словѣ: Ма*на*махъ К. 1284.

4. *и* въ этомъ столѣтіи уже несомнѣнно сближается съ *е*: кромѣ слова: Володимѣра П. Е. С., что встрѣтилось и въ предъидущемъ вѣкѣ, въ памятникахъ XIII ст. можемъ отмѣтить слѣдующіе случаи: Захар*іе*нъ Пар. 1271. (Др. пам.), пр*е*учаешь П. Е. С. (ibid. и обратное явленіе: су*и*та) пр*е*зва Мил. Ев. (Калайдовичъ I. Э. Б.), пр*е*стопль ib. пр*е*имыи ib. пр*е*обрѣтохъ ib. (эти три примѣра повторяются каждый — дважды), свин*ей* Д. Кл. Терент*еи* Гр. 1284, жереб*ьи* Гр. 1229, люд*ьи*, ib. дѣт*ей* Р. П. чıей ib. тр*еи* (= трии) ib. наим*е*(и)ту ib. ıемати ib. *Iе*ремеıа Гр. 1229.

За исключеніемъ приведенныхъ случаевъ, въ собственныхъ именахъ выдерживается постоянно *ии*: Артемии, Лаврентии Гр. 1284. Измѣняется уже и конечное *и* на *е*, какъ можно заключить изъ формы неопр. накл.: узят*е* Гр. 1229. и тв. п.: передъ судыам*е* ib.

Зародилось, по видимому, и аналогичное явленіе—сближеніе *ы* съ *о*. Примѣры этого сближенія находимъ однако, и то въ очень

ограниченномъ числѣ, только въ одной формѣ: въ род. ед. прил. и мѣстоименій женск. рода на *ое* вм. *ые* (см. ниже).

5. *у* мѣняется съ *в* и изрѣдка съ *о*: уда П. Е. С. повчити іb. вдобь Пс. 1296, усѣдъ Гр. ок. 1300, узяти Гр. 1229, усхочеть іb., мол*у*ду К. 1282, съ жал*у*бою Гр. ок. 1300.

6. Изрѣдка встрѣчаются случаи стяженія гласныхъ (напр. дѣлъ = дѣялъ Р. П.), сокращенія ихъ, и — наоборотъ — удвоенія. Странно, что послѣднее имѣетъ мѣсто въ одномъ изъ памятниковъ съ народнымъ характеромъ языка: въ Гр. ок. 1300 дважды встрѣчаемъ—племе*ниu* (дат. пад.).

Сокращается гласный передъ гласнымъ: рукоятью Р. П. чьей же іb.

7. Перегласованіе является не только подъ вліяніемъ йотъ и шипящихъ: Иевъ П. Е. С. желѣти Р. Пр. чюжего іb. и под., но и послѣ *н*: лишнего Гр. ок. 1300 кнежо іb.

б) Согласные:

1. Смягченіе *гортанныхъ* и въ этомъ столѣтіи не было еще потеряно. Въ примѣръ сочетанія ихъ съ мягкими можно привести лишь случаи, подобные тѣмъ, какіе имѣютъ мѣсто и въ памятникахъ XII вѣка: хитрости Прол. полки іb. въ Изборскѣ К. 1284. Смоленскѣ Гр. 1230. Странно на ряду съ этими двумя послѣдними примѣрами встрѣтить въ одномъ изъ болѣе позднихъ памятниковъ этого вѣка смягченіе *к* въ томъ же падежѣ: у Витебь*ще* Гр. ок. 1300, у Смолень*ще* іb. Такъ какъ смягченіе это является здѣсь въ формѣ, указывающей на особенность мѣстнаго народнаго говора [1]), то оно не можетъ быть объясняемо какъ письменный архаизмъ, условленный подражаніемъ древнему способу письма. Вѣроятно смягченіе

---

[1]) Эти формы могли явиться изъ основныхъ: Смоленьск-ѣ, Витебьск-ѣ лишь такимъ путемъ: черезъ обычное древнему языку смягченіе *к* въ *ц* получаемъ: Смоленьсцѣ, Витебьсцѣ; *ц* по мѣстному произношенію переходитъ въ *ч*: Смоленьсче, Витебьсче (= ѣ); *с*, уподобляясь *ч* переходитъ въ *щ*: Смоленьшче, Витебьшче; шч = щ, откуда настоящія формы.

гортанныхъ, изчезнувъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ однихъ мѣстностяхъ, сохраняло свою силу въ другихъ.

2. *Шипящіе* уже часто сочетаются съ твердыми, но *и* большею частію съ мягкими: лиц*ю* Гр. 1230, задьниц*ю* іb., но—конц(ч)*ах*ъ П. 1271.(запись), купьц*ом*ъ Гр. 1284; ш*ю*мъ ш*у*міащь Сб. Ж. до 1250, ваш*ому* Гр. 1284, ж*он*ъ Пр. горож*ане* Гр. 1229. творящ*ому* К. Т.—Особенно часто такое сочетаніе шипящихъ съ твердыми замѣчается въ Гр. ок. 1300: ж*а*лубою, слыш*ы*шь, емъш*о*, ж*о*(е), княж*о*, ш*о*лъ, пош*о*лъ, у ч*о*мъ, хоч*о*мъ. Хотя тамъ же и-горож*га*нъ ч*ю*вали, приш*е*лъ,—но такіе случаи являются въ этой граматѣ какъ исключенія, сочетаніе же шипящихъ съ твердыми—какъ правило.

Формы: жонъ, шолъ, пошолъ, у чомъ—указываютъ на вошедшій уже въ языкѣ законъ — измѣненія гласныхъ подъ вліаніемъ ударенія. Но чѣмъ вызвано *о* вм. *е* въ словахъ: емъш*о*, княж*о*, хочомъ? Вѣроятно, такія формы представляютъ собою особенности мѣстнаго говора. Что до *ы* въ слышышь, то оно не есть, конечно, настоящее *ы*, съ которымъ также невозможно сочетаніе шипящаго, какъ и съ мягкимъ *и*: безъ сомнѣнія писавшій выразилъ этой буквой то твердое *и*, которое обыкновенно слышится послѣ шипящихъ.

3. *р* и *л* являются иногда твердыми тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать ихъ сочетанія съ мягкимъ гласнымъ: солоныхъ Д. Кл. селныи Пс. 1296, роздѣлшему іb. свѣтилники іb., молбами іb.. обилни К. 1284, обр*а*щеть, обр*а*щеши П. Е. С.; наоборотъ: *га* вм. *а* при *р* представляютъ слова: тр*я*пезъ К. Т. урiанiать Гр. 1229.

4. Изъ случаевъ опущенія согласныхъ, кромѣ сходныхъ съ приведенными выше изъ памятниковъ XI—XII в., можемъ указать еще на опущеніе *в* въ словахъ: об(в)инити Р. П. об(в)естилъ Гр. ок. 1300.

Важнѣйшіе изъ случаевъ ассимиляціи согласныхъ уже обозначены выше.

И такъ въ фонетикѣ памятниковъ XIII вѣка, можно отмѣтить слѣдующія черты, которыхъ чужды памятники предъидущихъ вѣковъ: 1) употребленіе въ полногласныхъ формахъ глухихъ вмѣсто чистыхъ передъ плавными. 2) *е* = конечному *й* изъ *jъ*. 3) *е* вм. *и*;

ей вм. *ій*. 4) Начало сближенія *ы* съ *о*. 5) Перегласованіе послѣ *н*. 6) Измѣненіе гласныхъ (*е* на *о*, послѣ шипящихъ) подъ удареніемъ. 7) Сочетаніе шипящихъ по преимуществу съ твердыми гласными.

На первую и послѣднюю изъ этихъ особенностей можно смотрѣть какъ на проявленіе мѣстнаго говора.

Не включаемъ въ число фонетическихъ особенностей этого вѣка измѣненія неударяемаго *о* на *а*, такъ какъ не считаемъ возможнымъ признать такое измѣненіе въ языкѣ XIII в. на основаніи одного только слова, и при томъ собственнаго имени.

Б. Формы:

а) Склоненія.

Им. пад. *ед.* ч.: дожде Сл. до 1250, церквы К. Т.; *мн.* ч.: ты тяже все Р. П. убицѣ Пр. чашѣ Ап. 1220 (Оп. р. с. б. II 152), инии людіе Гр. ок. 1300, который іb.

Первый изъ этихъ примѣровъ объясняется фонетически; второй представляетъ переходную форму отъ древняго—цьркы къ позднѣйшему церковь; третій, четвертый и пятый указываютъ на то что и въ этомъ столѣтіи въ им. п. древнему ѧ соотвѣтствовало ѣ = е; предпослѣдній примѣръ приведенъ нами, какъ служащій указаніемъ на сохраненіе отличательнаго окончанія ин. мн. именъ темы на *и*. Наконецъ, послѣдній примѣръ представляетъ единственный замѣченный нами въ памятникахъ этого столѣтія случай смѣшенія родовыхъ окончаній.

Род. пад. *ед.* ч: дне Гр. ок. 1300 стго пророка Илье Тр. 1260 у судье Гр. 1230, бортнои земли Р. Пр., ролейной земли іb. вашее братие Гр. ок. 1300 ис церкви К. Т. продаже Р. П. полъгривне іb. безъ его воле Гр. 1230 ис которое земле іb. у вольное жены іb. семое тысяще П. Е. С. безъ виньное вины Гр. 1300, недѣлѣ Пр. К. П. велкыѣ княгні матере ихъ Анастасьи К. 1284 (Др. Пам.) ѥдин*а*го Пр. до 1250 никоторого Гр. 1230 ноугородьского В. Кир. лишнего Гр. ок. 1300 ручнаго К. Т. Слѣдовательно: а) замѣна древняго ѧ и въ этомъ падежѣ въ большей части случаевъ таже, что въ имен; но встрѣчается уже для этого падежа и *и* на мѣсто древняго ѧ; *е* вм. *ы* (полъгривн*е*), безъ сомнѣнія, мѣстная особенность—новгородская; дума-

емъ, что это *е* стоитъ вмѣсто *и* смѣнившаго *ы*, но не знаемъ, явилось ли оно по аналогіи съ другими именами на *е* въ род. п., или должно быть объясняемо фонетически. б) Въ род. прилагательныхъ муж. рода преобладаетъ, какъ и въ предъидущемъ столѣтіи *ого*. Вѣроятно, однако, что это не обще-русская черта. Формы, подобныя —руч*наго*, нѣтъ причинъ считать только письменнымъ архаизмомъ. Быть можетъ преобладаніемъ въ нѣкоторымъ мѣстностяхъ окончанія *аго* объясняется и форма—един*аго*, въ которой *а* стоитъ вмѣсто *о*; а быть можетъ это и описка. Окончаніе *его* вм. *яго* объясняется фонетически. в) Въ прил. и мѣстоименіяхъ прилагательныхъ является и утверждается не встрѣчавшееся раньше окончаніе *ое* вм. *ые* и даже *ой*—въ одномъ памятникѣ, именно въ Рус. Пр. [1]).

Род. *множ.* ч. въ муж. родѣ не представляетъ особенностей; въ женскомъ же новое сравнительно съ предъидущими вѣками окончаніе—*еи:* свин*еи* Д. Кл.—не есть особенность формы, а фонетики

Въ *дат.* пад. сущ. сохраняются правильно древнія формы. Какъ на наиболѣе рѣзкую особенность можно указать на распространеніе окончанія *ови*, *еви:* оно встрѣчается въ такихъ словахъ, въ которыхъ не должно бы имѣть мѣста: мастерови Гр. 1230 къ монастыреви Гр. 1300 къ мостови іb. и даже—гостеви іb. Въ Гр. 1230 г. отъ этого послѣдняго слова встрѣчаемъ нѣсколько разъ—гость*и* [2]).

---

[1]) Въ Пс. 1296 встрѣчается форма безконечной (жизни—), которую пр. Буслаевъ (И. Хр. 96)—считаетъ за род. пад. Быть можетъ это и такъ, по столько же, если не болѣе, вѣроятно и то, что это не родительный, а предложный. Приводимъ фразу, въ которой встрѣчается эта форма: „покой ıа на мѣстѣ свѣтлѣ, въ лици стыхъ въ оплотѣ благаго раıа и (въ?) жизни безконечнои и неизглаголанѣмь и немерцаемѣмь свѣтѣ лица твоего“ И. Хр. стр. 91. При словахъ—жизни безконечной,—думаемъ,—также подразумѣвается предлогъ *въ*, какъ и при словахъ—свѣтѣ неизглаголанѣмь, и всѣ эти слова, равно какъ и—въ оплотѣ благаго раıа—могутъ быть отнесены къ глаголу *покои*: Впрочемъ, что *ой* въ род. пад. памятника, относящагося къ концу XII в., возможно, это доказывается Р. Правдой.

[2]) = гост*ји*? Не сюда ли слѣдуетъ отнести и отмѣченную выше форму дат. падежа съ удвоеніемъ окончанія: племении Гр. ок. 1300?

Въ памятникахъ церковной письменности встрѣчаемъ переходныя формы продолженныхъ окончаній прилагательныхъ именъ: приведшеѡму Пс. 1296 стрьасшеѡму ib., что конечно не имѣетъ никакого отношенія къ живому говору: ср. стяжавшему Мин. (Др. Пам. 58). Формы на *уму* могли жить въ языкѣ: новгородьскѹмѹ Воздв. кр. п. 1211. (Др. Пам.). Онѣ объясняются черезъ сближеніе звуковъ *у* и *о*. Въ соотвѣтствіе съ приведенной формой на *уму* находимъ ibid: давш*юму*, что указываетъ на сближеніе звуковъ *ю* и *е*. Въ дат. ед. прилагательныхъ встрѣчается уже окончаніе *ои* вм. древняго *ѣи*: ст*ои* Соѳіи ibid. по пагатѣ смолнеской Гр. 1229.

Въ *вин.* пад. именъ сущ. муж. р. встрѣчаются уже, въ предметахъ одушевленныхъ, окончанія, равныя окончанію родительнаго: одиного коніа (улюбилъ еси—) Гр. ок. 1300, но ibid. конь (дайте), сивып жеребець (дано—) Дух. Кл. Что винит. падежъ въ именахъ одушевленныхъ предметовъ сталъ смѣшиваться съ родительнымъ, это доказывается и формами мѣстоименій: его (= и) Гр. ок. 1300, ихъ (= ѩ) ib. Но встрѣчается и древній винительный: подонь Сл. В. Х. *е* (= ѩ) Гр. 1230. Вмѣсто древняго ѩ и въ этомъ падежѣ является обычною замѣною *ѣ* (=*е*) и *е*: про сво*е* муж*е* Гр. 1230 тые люди Гр. ок. 1300, свое коне ib. дѣтьскые свое ib. старцѣ К. Т. въ чернице (пострижется—жена) Д. Кл. Но встрѣчается и *и*: овц*и* Р. Пр. на сво*и* рукы Д. Кл. дѣтскы*и* сво*и* (емъше—) Гр. 1230.

Твор. пад. не представляетъ особенностей: Кромѣ окончаній *ы* и *и*, во мн. ч., встрѣчаемъ и *ьми:* мужьми Гр. 1230, что не ново. Единственная особенность *предложнаго* падежа сравнительно съ памятниками предъидущихъ вѣковъ—это окончаніе *ои* вм. *ѣи* въ прилагательныхъ именахъ женскаго рода: въ Суждальскои земли Пат. Ск. 1296 (Послѣсл.). у руской земли Гр. 1229 [1]). Двойственное число по большей части выдерживается правильно. Даже въ Грам. Рижанъ, относящейся къ самому концу столѣтія и отличающейся безъискусственною простотою языка, встрѣчаемъ правильныя формы двойств. числа: повѣдала, с нима. Однакоже встрѣчается въ памят-

---

[1]) Мы не привели выше формъ зват. падежа и не приводимъ ихъ

никахъ этого вѣка и несоблюденіе двойств. числа. Такъ въ Мил. Ев. 1215 года находимъ форму: *обоѣ* книгы.

б) Спряженія.

Важнѣйшая особенность въ глагольныхъ формахъ, представляемая памятниками этого столѣтія, есть *шь* вм. *ши* въ окончаніи 2-го лица наст. времени: преучаешь П. Е. С. слышишь Гр. ок. 1300 вѣдаешь ib. дѣлаешь ib. посулишь Г. 1229. 3-е лице того же времени во всѣхъ памятникахъ этого вѣка сохраняетъ *ъ*, но въ одномъ изъ нихъ, именно въ Пар. 1271 г. повторяется отмѣченная выше особенность Ев. Мст.: *ъ* въ окончаніи *тъ* передъ *ся* опускается: смѣшается, въспоползнутся, обрѧщется (И. Хр.). То обстоятельство, что ни въ одной изъ граматъ, не исключая и Граматы Рижанъ ок. 1300, мы не встрѣтили этой особенности, даетъ намъ основаніе тоже сказать о ней, что выше сказано о той же особенности Ев. Мст. [1]).

здѣсь потому, что, ограничивъ наши наблюденія исключительно памятниками, дошедшими до насъ въ подлинникахъ, мы затрудняемся опредѣлить точно время исчезновенія этой формы изъ живаго языка; по самому свойству ея, она встрѣчается въ памятникахъ чрезвычайно рѣдко. Тѣмъ же обстоятельствомъ—извлеченіемъ данныхъ только изъ извѣстнаго круга памятниковъ—объясняется и другой пробѣлъ нашего очерка: мы не слѣдимъ за ходомъ измѣненія формъ числительныхъ именъ и степеней сравненія. Замѣтимъ, однако, по отношенію къ звательному падежу, что формы его, по крайней мѣрѣ въ муж. р., еще жили въ языкѣ XIII в: въ Гр. ок. 1300 встрѣчаемъ: княже и княжо,—зв. п. Изъ формъ числительныхъ именъ отмѣтимъ переходную въ звуковомъ отношеніи форму—*тринадсять* Гр. ок. 1300. Конечно, заключающееся въ ней измѣненіе было обще и другимъ числительнымъ того-же состава.

[1]) Въ одной изъ граматъ, собр. Напьерскимъ, именно въ Грам. I б является таже особенность: „оже родит*ся* тяжя". Грамота эта писана въ концѣ XII в., но мы не знаемъ къ какому вѣку относится ея списокъ. Срезневскій говоритъ, что „она сохранилась въ спискѣ при такой же грамотѣ 1263" (Древн. Пам.). Все же не ясно, какого вѣка списокъ. Въ Р. Пр. разъ встрѣтилось опущеніе *ъ* въ 3-мъ лицѣ: познает ли. Конечно, описка.

Въ глаголѣ *быти* отмѣтимъ, въ настоящемъ времени, новую форму 1-го лица мн. ч. на *ме*: есме Гр. ок. 1300. Это *е*, вѣроятно, вызвано стеченіемъ согласныхъ звуковъ, образовавшимся вслѣдствіе потери конечнаго глухаго. Что является *е*, а не *о*, то, быть можетъ, условливается сѣвернымъ говоромъ, предпочитавшимъ мягкіе гласные твердымъ.

Прошедшее сложное, какъ и въ XII ст., употребляется то съ вспомогательнымъ глаголомъ, то безъ него. Можно думать, что въ 3-мъ лицѣ обыкновенно употреблялось одно только причастіе; въ первомъ и второмъ сохранялся еще и вспомогательный глаголъ, который впрочемъ иногда является и при 3-мъ лицѣ: заблудилъ Гр. ок. 1300 молилъ ся ib., но—грамота выдана есть Гр. 1229, есме не чювали ib. іеси взялъ Р. П. ищьло было Гр. 1284. Встрѣчается иногда при настоящемъ вспомогательнаго глагола двойное причастіе: спрягаемаго глагола и вспомогательнаго: приготовилися есме были Гр. ок. 1300.

Въ одномъ изъ памятниковъ сложное прошедшее выражено черезъ соединеніе причастія на *лъ* съ глагольной частицею *бышь* (конечно, изъ бышѧ): какъ то бышь иниі люди боялися Гр. ок. 1300, то они бышь на тя не жяловали ib. [1]). Есть случаи и будущаго сложнаго изъ *буду* и прич. на *лъ*: будеть ялъ, будетъ погубилъ Р. П. Прошедшее простое въ граматахъ встрѣчается рѣдко, но однако же встрѣчается: придосте Гр. ок. 1300.

Неопр. наклоненіе сохраняетъ еще окончаніе *ти* [2]).

Встрѣчаются еще случаи правильнаго употребленія достига-

---

[1]) Не отсюда ли—употребляемая теперь въ русскомъ языкѣ частица *бишь*?

[2]) *Усадить* (то у желѣза усадить) Гр. 1229—не противорѣчать этому. Форма эта—или повелительное наклоненіе съ *ь* вм. *е* (графическая замѣна, нерѣдкая въ этомъ памятникѣ), или неопредѣленное, въ которомъ *ь* все таки ничто иное, какъ графическая замѣна *е*, а это послѣднее стоитъ вмѣсто *и* вслѣдствіе обозначавшагося уже въ XIII столѣтіи сближенія этихъ звуковъ. См. выше.

тельнаго наклоненія: биться Гр. 1230 битося Гр. 1229 княжитъ и володѣтъ К. 1284.

Въ повелительномъ наклоненіи глаголовъ на согласную тему большей частію сохраняется еще *е* (вм. *ѣ*): покажѣте Ж. Н. 1219. Но встрѣчается и *и*: съведитеся Р. П. Въ П. Е. С. замѣчательна форма пов. н. 1-го лица мн. числа на *мо*: помолимося. Что особенность эта не можетъ считаться обще-русскою, это само собою разумѣется; равно какъ и то, что тамъ, гдѣ было такое окончаніе для 1-го лица мн. ч. пов. н., оно существовало и въ 1-мъ лицѣ настоящаго времени.—Окончанія причастій употребляются уже не правильно; такъ въ Р. П. есть случаи употребленія одного рода вмѣсто другаго: погубивъши = погубивъ. Большею частію однако окончанія ихъ еще выдерживаются: мога. Гр. ок. 1300 пиюче ib. снемъ ib.

Встрѣчаются въ этомъ столѣтіи и глаголы на *ывати*: повѣдываемъ Тр. 1226. Можемъ, впрочемъ, привести одинъ подобный случай и изъ памятниковъ XII вѣка: утърпывати Ж. Б. и Г.

Есть случаи не выдержанности формъ двойственнаго числа въ глаголахъ, случаи, однако, очень рѣдкіе: придосте (а) Гр. ок. 1300. Рюрикъ и Синеусъ умре К. 1284.

Изъ этого очерка видно, что языкъ XIII столѣтія представляетъ сравнительно съ языкомъ предъидущихъ двухъ вѣковъ много новыхъ формальныхъ особенностей: 1) *ыи* вм. *іи* въ им. пад. прилагательныхъ (встрѣтился одинъ случай); 2) *ое* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ и мѣстоименій женскаго рода и *ой* въ томъ же падежѣ прилагательныхъ; 3) *ои* въ падежахъ—дательномъ и предложномъ тѣхъ же частей рѣчи въ томъ же родѣ; 4) *ыи* въ винительномъ падежѣ мужескаго рода прилагательныхъ и мѣстоименій; 5) окончаніе родительнаго падежа въ винительномъ въ именахъ предметовъ одушевленныхъ и въ мѣстоименіяхъ; 6) *и* въ род. ед. ж. р. мягкаго склоненія и въ вин. множ. того же род. и того же склоненія; 7) случаи неправильнаго употребленія окончаній двойственнаго числа въ именахъ и глаголахъ; 8) случаи смѣшенія окончаній въ причастныхъ формахъ; 9) *шь* во 2-мъ лицѣ глаголовъ

настоящаго времени; 10) форма—есме—для 1-го лица множественнаго числа глагола вспомогательнаго; 11) *и* въ повелительномъ наклоненіи глаголовъ на согласную тему.

XIV ВѢКЪ.

Для характеристики языка XIV столѣтія имѣемъ мы гораздо болѣе данныхъ, чѣмъ для предъидущихъ трехъ вѣковъ.

Изъ граматъ и актовъ, изданныхъ по подлинникамъ, шестьдесятъ одна относятся къ этому вѣку; изъ нихъ восемь граматъ напечатано Актахъ археографической экспедиціи [1]), одна въ Актахъ Историческихъ т. I [2]), три въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ т. I [3]), двадцать шесть въ Собраніи Госуд. граматъ и договоровъ т. I [4]) и одна ibid. т. II [5]), двѣнадцать въ Актахъ Западной Россіи т. I [6]); три въ граматахъ, собранныхъ Напьерскимъ [7]), двѣ въ Актахъ, изданныхъ Калачевымъ [8]), пять въ Древнихъ Памятни-

---

[1]) NN: 1 (1294—1304), 2, 3, 4 (1328—40), 5 (1361—65), 6 (1363—89), 8 (1372), 13 (1398).

[2]) N. 2 (1356—87).

[3]) NN: 7 (1360—87), 8 (1362—74), 9 (1362—89).

[4]) NN: 6, 7, 8, 9, 10, 11 (1307—8), 12, 13 (1317), 14 (1318), 15 (1327), 16, 17 (1375); 21, 22 (1328), 23 (1341), 24 (1353), 25, 26 (1356), 27 (1362), 28 (1368), 29, 30, 31 (1371), 33 (1388), 34, 35 (1389).

[5]) N. 8 (1330—59).

[6]) NN: 1 (послѣ 1340), 3 (1351), 4 (1375), 5 (1377), 6 (1383), 8 (1388), 10 (1389), 11 (1395), 12 (1398), 14, 15, 16 (ок. 1399).

[7]) NN: VI (ок. 1300), VII (ок. 1339), IX (ок. 1300).

[8]) N. 63. V: 1399 г. (I т.) и 126 (II т.) Объ этой послѣдней изд. говоритъ, что она относится *къ XIII или XIV в.*; но къ XIII в., по нашему мнѣнію, она относиться ни какъ не можетъ: ея отчисленію къ этому вѣку рѣшительно противорѣчатъ представляемыя ею формальныя особенности.

кахъ Срезневскаго [1]). Къ этому роду памятниковъ слѣдуетъ, кромѣ того, отнести нѣсколько новгородскихъ купчихъ, данныхъ и духовныхъ, напечатанныхъ въ Юридическихъ актахъ (изд. арх. ком.), безъ указанія года, съ неопредѣленнымъ обозначеніемъ: „XIV и XV вѣковъ" [2]), и Двинскую рядную—тоже безъ опредѣленнаго обозначенія года, помѣщенную въ Свѣд. и замѣткахъ о малоизв. и неизв. памятникахъ Срезневскаго (III. 79—80). Изъ другихъ памятниковъ, относящихся къ этому вѣку, отмѣтимъ только нѣсколько важнѣйшихъ: Сборники: Златая Цѣпь, Пчела и Паисіевскій [3]), Сильверстовскій Сборникъ [4]), два Евангелія 1307 и 55 [5]).

Къ этому же вѣку относится и знаменитая Лаврентьевская Лѣтопись, переписанная, какъ извѣстно, въ 1377.

Хотя намъ и извѣстенъ, однако, годъ ея написанія, но, понятно, языкъ такого памятника, какъ лѣтопись, неизбѣжно долженъ представлять цѣлый рядъ наслоеній. Было бы, думаемъ, большей поэтому ошибкой—на основаніи ея характеризовать состояніе языка въ концѣ XIV столѣтія: въ языкѣ ея должно неизбѣжно встрѣтиться много такихъ чертъ, которыя принадлежатъ гораздо болѣе раннему времени; также ошибочно было бы характеризовать языкъ извѣстнаго времени по даннымъ, представляемымъ лѣтописью въ разсказѣ объ этомъ времени: на ряду съ древними чертами мы встрѣчаемъ въ памятникахъ этого рода и такія, которыя условились состояніемъ языка, современнымъ послѣднему переписчику. Такимъ образомъ, отдѣльно взятая, Лаврентьев-

---

[1]) Годы: 1356, 1375, 1387, 1398, 1389.

[2]) NN. 71, 110, 409.

[3]) Отрывки въ И. Хр. Буслаева.

[4]) Житія Бориса и Глѣба, написанныя Несторомъ и Іаковомъ, изд. Срезневскаго.

[5]) Описаны въ Палеогр. и филол. матеріалахъ Буслаева.—Перечисленіе прочихъ памятниковъ этого вѣка см. у Срезневскаго въ Древн. Пам. Отрывки изъ памятниковъ—ibid., также въ Свѣд. и Замѣткахъ и въ Ист. Хр. Описанія памятниковъ у Горскаго и Невоструева и Востокова.

ская Лѣтопись не можетъ характеризовать ни языка конца XIV ст., ни языка предъидущихъ вѣковъ,, разсказы о событіяхъ которыхъ она въ себѣ содержитъ. Выводы изъ этого памятника могутъ быть сдѣланы лишь послѣ обслѣдованія языка другихъ памятниковъ того же вѣка. Что сказано о Лаврентьевской лѣтописи, примѣняется, само собою разумѣется, и къ новгородской первой, также къ этому вѣку относящейся.

И такъ фонетику и формы XIV ст. опредѣлимъ предварительна по актамъ, граматамъ и т. п. источникамъ, привлекая въ сравненію и другіе памятники церковной и гражданской письменности того же вѣка.

I.

А. Звуки:

а) Гласные.

Глухіе въ этомъ столѣтіи по всей вѣроятности въ рѣчи уже не слышалась: въ томъ убѣждаютъ: частое опущеніе ихъ въ корняхъ и суффиксахъ; замѣна чистыми тамъ, гдѣ, вслѣдствіе стеченія согласныхъ, совершенное отсутствіе гласнаго, невозможно; ассимиляція, являющаяся въ силу стеченія согласныхъ, условленнаго изчезновеніемъ еровъ. Слѣды глухаго сохраняются однако же и въ этомъ вѣкѣ, т. е. является еще нерѣдко на мѣстѣ глухихъ чистый—тамъ, гдѣ впослѣдствіи его уже не встрѣчаемъ. Приводимъ рядъ случаевъ, въ которыхъ является такого рода постановка чистаго на мѣстѣ древняго глухаго:

Болонескъ С. I. 31. дѣтеска бѣста С. Сб. Ср. 7. хрещешемуся, ib. 3. скрушешихся С. Сб. ж. оставлешихся ib. царество Ев. 1307. молвяте Гр. VII.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ е = ь. Въ слѣдующихъ—тотъ же звукъ является на мѣстѣ *й* (изъ јъ = ь): Можаескъ С. I. 21. Юрье ib. 31. худые сь. Зл. Ц.

Встрѣчается и *и* на мѣстѣ *ѣ*: моляхути *и* Ев. 1307, неходити (ѣ) Зл. Ц. [1]).

Въ соотвѣтствіе съ этимъ есть случай употребленія *ы* вм. древняго *ѣ*: слышахомы и Ев. 1307 быхы ib.

Обычною замѣною *ѣ* является *о*: подоиметь С. I. 33, у Полотеско Гр. VII, мирось Зл. Ц., книгочья Ев. 1307.

Въ новгородскихъ памятникахъ на мѣстѣ *ѣ* находимъ нерѣдко *е*, объясненіе чему предложено выше: Завке Дв. Р. взяле ib. доспѣле Смене ib.

Всѣ эти случаи, послѣ сказаннаго выше, не вызываютъ новыхъ объясненій.

Состояніе чистыхъ гласныхъ звуковъ и ихъ сближеніе между собою можетъ быть представлено въ такомъ видѣ:

1)	о вм. а		
2)	о — е	е — о	
3)	о — у	у — о, ю — е.	
4)	о — ъ		
	ои — ъи		
5)	е(ѣ) — и	и — е	
	еи — ии		
6)	и — ъ	ъ — и	
7)	у — в	в — у	

Первые два случая не представляютъ новаго фонетическаго явленія, встрѣчаясь въ нашихъ памятникахъ, уже съ XI вѣка, почти постоянно въ началѣ и изрѣдка въ срединѣ словъ. Въ XIV в. *о* вм. начальныхъ *а* и *е* встрѣчается также часто, или еще чаще, чѣмъ въ предъидущемъ столѣтіи:

Олисея А. Э Олексѣя ib. Олександровичъ А. И. 2, Оленино С. I. 21. Обросимъ А. К. 126 I. Въ А. З. Р. Анофрии 14, но ib. Олексѣя 7.

---

[1]) Въ Зл. Ц. встрѣчается слово — любими(ъ)ци. Вѣроятно, это слово перешло въ памятникъ изъ болѣе древней рукописи, что впрочемъ можно сказать и о многихъ другихъ выше приведенныхъ примѣрахъ.

Замѣчательно, что памятники этого вѣка, не представляютъ случаевъ обратной смѣны *о* на *а*. Что до смѣны *о* на *е* то она, можно сказать, въ языкѣ не существовала, являясь въ одномъ только собственномъ имени—Нест*е*ръ С. I 30.

е стоящее подъ удареніемъ переходило въ *о*: чорный С. I. 13.

Въ корняхъ словъ *о* вм. *а* является рѣдко, а *о* вм. *е* вовсе не встрѣчается: р*о*бу Зл. Ц. Сир*о*ховичь ib. тв*о*рь ib.

Случаи эти представляютъ намъ, безъ сомнѣнія, особенности какого либо мѣстнаго говора.

Третій случай тоже не представляетъ новаго явленія и встрѣчается при томъ очень рѣдко: Серп*о*ховъ С. I. 30 и наоборотъ— ветх*у*му К. Т. (Ск. о Ч. ч.).

Смѣны *ю* на *е* нѣтъ; обратное явленіе, встрѣчаясь въ одномъ лишь памятникѣ: чт*ю*нъ Гр. Б., на своюмъ ib., должно быть признано проявленіемъ мѣстнаго говора.

Въ четвертомъ случаѣ слѣдуетъ различать явленіе двоякаго рода: смѣну *ы* на *о* передъ согласнымъ въ корнѣ и такую же смѣну передъ *й* въ окончаніи. Первое встрѣчается лишь въ одномъ словѣ: н*о*нѣча С. I. 33, и, слѣдовательно не составляетъ правила; второе является какъ законъ, дѣйствующій въ рускомъ языкѣ и до сихъ поръ.

Хотя зародышъ сбиженія *ы* и *о* представляютъ, какъ мы видѣли, и памятники XIII ст., но однако же и въ XIV сближеніе это получило мало развитія. Случаевъ употребленія *ой* вм. *ый* въ им. пад. прил. м. р., въ настоящемъ времени и въ пов. н. глаголовъ памятнити этого вѣка не представляютъ вовсе. Оно является только въ косвенныхъ падежахъ прил. ж. р., напр.: подольскои (=ыѧ), Гр. Ал. К.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о пятомъ случаѣ: смѣна *и* на *е* получила въ этомъ столѣтіи такое широкое распространеніе, что можетъ быть признана одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ его фонетики. Примѣровъ такой смѣны, памятники представляютъ множество. Приводимъ нѣкоторые:

Меркурей А. Э. 3. Дмитрею ib. 4. людей ib. 13, нетутошнеи ib. Григореи А. И. 7. жеребеи С. I. 24 Василей ib. 33 Олексѣя А. З. Р. 7. Анофреи ib. 14. (но ib. и — Анофрии) судей ib. Левонтѣю Дв. Р. (но ib. Левонтій) дѣтеи ib. Кипрѣянъ Зап. 1395 (Др. П.) Лаврентеи Посл. къ Л. л.

и смѣняется на *е* не только передъ *й*, но и будучи конечнымъ звукомъ въ словѣ: взялѣ Д. I. 7. доконцялѣ ib. былѣ С. I. 10. ростовцѣ ib. 33.

ей является и изъ *ый*, конечно, черезъ *їй:* товаръ новгородскѣй С. I. 13 (изъ новгородскій = новгородскый).

Обратная смѣна *е* на *и* является лишь въ одномъ памятникѣ и въ одномъ словѣ: тун*и* Зл. Ц. Быть можетъ, это и описка.

Шестой случай есть проявленіе мѣстнаго говора: *и* вм. *ы* встрѣтились намъ лишь въ А. З. Р: т*и*сячнаго 4. чот*и*ри ib. [1]); обратный случай тамъ же: на улиц*ы* 2 и въ Дв. Р.: т*ы*мъ (изъ т*и*мъ? однако ib. и т*ѣ*мъ).

Слѣдовательно, первый случай служитъ для характеристи юго-западнаго говора, второй юго западнаго и новгородскаго.

Послѣдній случай встрѣчается издавна въ русской письменности. Примѣровъ памятники этого вѣка представлютъ много: въ отца Гр. VII. у зяти ib. у русской земли А. З. Р. I., усхочеть ib. вгорскій король ib. усѣхъ Гр. Вл. навчи Ев. 1307, во в(у)ши ib. у праздникъ ib.

Случаевъ сокращенія гласныхъ въ этомъ столѣтіи больше, чѣмъ въ предъидущихъ; можно сказать, что сокращеніе гласнаго передъ гласнымъ дѣлается правиломъ.

Случаевъ удвоенія гласныхъ въ памятникахъ этого вѣка намъ не встрѣтилось.

Переглacoваніе имѣетъ, конечно, мѣсто, но не представляетъ явленій новыхъ: *е*зва Зл. Ц. старѣйш*е*го С. I. 29, 35. слыш*е*въ ib. 35, весч*е*го Гр. VII.

---

[1]) Отмѣтимъ, однако, слѣдующія слова изъ С. Сб.: идз*ѣ* и крестися 6. милост*и*ню 7. Дав*и*дъ 9, но и — Давыдъ ib.

Изъ случаевъ опущенія гласныхъ отмѣтимъ опущеніе *е* въ словѣ: (е)питимья Зл. Ц.

Приставное *и* встрѣтилось разъ въ словѣ — *И*львовскій А. З. Р. 3.

Гласный въ началѣ словъ облекается придыханіемъ *в:* ватаманъ А. Э. I. въ вудѣлѣ С. I. 30.

б) Согласные:

1. Древнее свойство *гортанныхъ*—соединяться только съ широкими гласными — не утерялось еще окончательно и въ XIV вѣкѣ. Случаи сочетанія ихъ съ мягкими гласными большею частію тѣже, что и въ предъидущемъ столѣтіи: нѣкии Ев. 1307. сребреники ib. великии Гр. Ол. рѣки Купч. (Др. пам.). Любецькіи Гр. VII. хитрости С. I. 35. намѣстники Д. I. 9.

Нерѣдки и случаи правильнаго смягченія: послуси С. I. 22. о лисѣ ib. намѣстницы А. Э. 13. слузѣ А. З. Р. 4. послуси Купч. (Др. п.).

Нѣтъ причинъ думать, что такіе случаи не имѣютъ отношенія къ живому говору. Но, хотя законъ смягчаемости и не утерялъ еще вполнѣ своей силы, кругъ дѣйствія его все болѣе и болѣе съуживался. Разъ начавшееся движеніе въ языкѣ по извѣстному направленію не могло уже остановиться, и въ XIV ст. къ случаямъ сочетанія гортанныхъ съ мягкими, относится и такой, для котораго нѣтъ примѣровъ въ предъидущихъ вѣкахъ,—это сочетаніе гортанныхъ съ я (= ӓ): поверглс С. I. 11.

2. *Шипящіе* и *ц* сочетаются большею частію съ твердыми вм. мягкихъ: намѣстниц*ы* А. Э. 13. ржы ib. селищо А. И. 13., но ib.: отця, хочю, околицю 2. сужу Д. I. 9. истьца С. I. 7. держати ib. 8, жити ib. 33, держыть ib. 34, жомчюгомъ ib. 30, новгородца ib. 10, но новгородьцю ib. отцомъ ib. 33, но отця ib. 21, чорныхъ С. I. 13, наша А. З. Р. 10, отця ib. 3, но—нашою ib. 16, сердца С. сб. 2, единочадого ib. 3, человѣча ib., глаголющу ib. 7, воспрянувшу ib. 26.

3. Мѣна *ч* на *ц* и обратно, какъ мѣстная особенность встрѣчается часто и въ этомъ вѣкѣ: въ нѣмечкомъ С. I. 7, двѣнадчать ib. 12, но цѣловалъ ib. чепи ib. 21 ѡ сочького Дв. Р., островчовъ ib. чо ib.—Въ одномъ памятникѣ, именно въ Гадальныхъ припискахъ къ

Псалтири (Свѣд. и Зам. Срезневскаго), встрѣчаемъ измѣненіе *з* на *ж* и *ш* на *с:* множи вражи, желаіеси, чіоеси. Въ томъ же памятникѣ и *ч* мѣняется съ *ц*.

Изъ другихъ согласныхъ мѣняется *н* на *м:* Микитьичь А. И. 2.

4. Изъ измѣненій согласныхъ, условленныхъ группами ихъ, отмѣтимъ слѣдующіе случаи:

сб = зб: зъ бармами С. I. 21. зберетъ ib. 33. *сд = зд:* зъ дядею ib. 27. *дш = тш:* молотшему ib. 29. *бц = пц:* жерепцевъ ib. 25. *кт = хт* = хто С. I. 25. *чш = шт* = што С. I. 8.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, имѣемъ переходъ отзвучнаго въ звучный передъ звучнымъ, и обратный—звучнаго въ отзвучный передъ отзвучнымъ.

Примѣромъ полной ассимиляціи согласныхъ могутъ служить слѣдующіе случаи:

ижиша (зж = жж = ж) С. сб. 5. ишедши (зж = шш = ш) ib. 6. пцѣленья (зц = цц = ц) ib. 23 [1]).

Не знаемъ, сюда ли относится: очины А. Э. 4., т. е. предполагаетъ ли эта форма, образовавшаяся изъ—*отч*ины, посредствующую, условленную превращеніемъ *т* въ *ч*, форму—о*чч*ины, или имѣемъ здѣсь случай опущенія *т*.

Опущеніе согласнаго, независимо отъ ассимиляціи, является, кромѣ случаевъ, встрѣтившихся въ памятникахъ предъидущихъ вѣковъ, еще въ слѣдующихъ: възъ(в)ратятся С. Сб. 19, бла(го)словляю (дважды) Гр. VI, бласловеніе ib., бѣство Зл. ц., третего А. З. Р. 6.

И такъ, опускаются: в, г и j.—Слово *бѣство*, быть можетъ, и не представляетъ прямаго опущенія, а предполагаетъ посредствующую форму бѣ*ж*ство изъ бѣ*жьс*тво, и въ ней уподобленіе *ж—с*. Такое уподобленіе шипящаго свистящему составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ языка Акт. Зап. Рос. [2]), но встрѣчается ино-

---

[1]) Ib. ужникомъ 24—примѣръ превращенія *з* въ *ж* передъ *н*, случаи котораго встрѣтились намъ и раньше.

[2]) Такъ въ нихъ *жс* изъ *жье* = *зс:* князьства 4. розства 11. музскаго 2. Кромѣ этой особенности, въ языкѣ А. З. Р. можемъ отмѣтить

гда и въ сѣверно-русскихъ памятникахъ. Такъ въ одной изъ новгородскихъ граматъ встрѣчаемъ — новоторзькоп (= новоторжьской) С. I. 10.

5. Твердое *л* является во многихъ словахъ: столниковъ А. Э. 3. толко ib. 13, силно ib. болшему С. I. 21, (но — посельскихъ ib. 25), околніи А. З. Р. 3, богомолца Зл. Ц., доволное С. Сб. 32, столныи ib. 29, 32, велможами ib. 28, цѣлбу ib. 22, молбу ib. 15, престолного ib. 17. Въ томъ же памятникѣ встрѣтилось разъ твердое *р:* пономаръ 37. Отвѣрдѣваетъ въ этомъ вѣкѣ и конечное *т* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ настоящаго времени: сочетанія— *тся* вм. *тъся* для этого вѣка уже несомнѣнны (примѣры—ниже).

И такъ, если не считать тѣхъ особенностей, которыя выше отмѣчены какъ мѣстныя, и имѣть въ виду только обще-русскія звуковыя видоизмѣненія, то слѣдуетъ сказать, что фонетика XIV вѣка представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе тѣхъ чертъ, которыя были уже намѣчены въ предъидущемъ столѣтіи. Ново лишь слѣдующее: 1) о вм. *ы* въ словѣ *нопъ*, 2) придыханіе *в*, 3) сочетаніе гортанныхъ съ *я* (ä), 4) смѣна *н* на *м*, 5) отвердѣніе *т* въ оконч. 3-го лица *тъ* (особенность, относящаяся, впрочемъ, къ формамъ), 6) нѣкоторые новыя видоизмѣненія въ группахъ согласныхъ звуковъ.

еще слѣдующія характерныя черты: 2) приставное *и* въ началѣ, словъ, 3) смѣшеніе *ы* и *и*, 4) *и* вм. *ѣ* (при нашеи вѣр*и* 8), 5) *у* вм. *о* (док*у*ль 27— въ первой четверти XV в.) 6) измѣненіе *о* на *и* (яко бы кр*и*ви не розлили 9) Эта послѣдняя особенность можетъ быть признана самою рѣзкою чертою языка актовъ. Относится ли эта особенность къ XIV в., въ томъ мы не увѣрены вполнѣ, такъ какъ грамата, въ которой она является, напечатана не съ подлинника. Къ числу особенностей языка актовъ можно отнести еще непосредственное смягченіе губныхъ, *з* и *р*: Краковьского 1, судимирьского ib. ильвовьскомъ 3, князьства 4. Это явленіе, впрочемъ, постоянно не выдерживается. Не лишнее будетъ упомянуть при этомъ, что въ Сил. Сб., изд. Срезневскимъ, встрѣчается неорганическое *ь* при губныхъ: земьли 3, умьножившимся 4. любьляше. Такую особенность письма представляютъ, какъ увидимъ, и нѣкоторые изъ позднѣйшихъ памятниковъ.

Б. Формы:

а) Склоненія:

Представляемъ заимствованные изъ памятниковъ этого вѣка примѣры на каждую изъ формъ склоненія именъ и мѣстоимеңій.

Им. пад.: Крестьянъ (=инъ) С. Сб. 6. товаръ новгородскѣи (= ей изъ—ій) С. І. 13. сей листъ А. З. Р. 15.—іазъ княгини Купч. (Др. п.). хто С. І. 26, Гр. Ол. што іb. 8, Гр. Ол. штожъ Гр. Ал. К. сесь Гр. Б. чо Дв. Р. — г҃. поясы золоты С. І. 22. а се суседи околнии А. З. Р. 3. твои намѣстники С. І. 33 наши намѣстници іb. 35, тѣ пословѣ іb. 31 тии люди Гр. Ал. К. иные которые монастыри Гр. В —4 тысячѣ А. З. Р. 8, два малая блюда С. І. 22, та мѣста іb. 34, которая села іb. 30, тые д-ре сели Гр. В.

Род. пад.: отъ владыцѣ С. І. 6. безъ ремени іb. 34. до Иваня дне А. З. Р. 1. зятя Дв. Р.—є҃ тысячь бѣлке іb. тысяча бѣлкѣ іb. святое Богородици А. Э. 5. А. И. 2. Гр. Ол. святой Богородици А. И. 2. отъ святыа дѣвицѣ С. Сб. до нашеи земли А. З. Р. 11. подольской земли Гр. Ал. К. безо всякое хитрости С. І. 25, ис коломенское іb. двинскіе земли Ал. 13. изъ своес Ак. 2,—до твоего княженіе С. І. 15. великого А. Э. 4. тысячкого іb. 8 рязаньского А. И. 2. гоцкого Д. І. 7. новгородского іb. виноватого С. І. 23 сожьженого А. З. Р. 1. великого іb. ѡ сочького Дв. Р.

Соколниковъ А. Э. 3, монастыревъ іb. 5. людеи іb. 13, чорныхъ людей іb. изо всѣхъ пяти кончевъ іb. звѣрии іb. 15, тыхъ всихъ іb. 17, ись конь исъ своихъ іb. 24. 30 копии А. З. Р. 11. людіи іb. 4 рублій іb. 8, рублевъ Дв. Р. друговъ Ев. 1307 людьи не выводити С. І. 6, отъ тѣхъ волостьи іb. 6 и 7.—ее С. І. 21, у нее іb. 24, межи собою іb. 23 отъ тобе іb. 27.

Дат. пад.: гости великому С. І. 14, вѣсцѣви Гр. VII, купцѣви іb. зятю Зап. 1377 (Др. п.). Госпожи Богородици А. И. 2, святѣи владычицѣ нашеи Богородицѣ С. Сб. 8. своеи княгинѣ С. І. 30, своии женѣ Гр. Б. столникомъ А. И. 13, городищаномъ Д. І. 9. человѣкомъ Св. и зам. ІІІ. 61, дворяномъ С. І. 17. дворян*амъ* іb. 8, боя*рамъ* іb. 8 и 17, купц*амъ* іb. 17, по поль*ямъ* іb. 21, дѣтемъ моимъ іb. 26.—ны іb. 23, Зл. Ц. вы Зл. Ц.

Вин. пад.: тобе С. I. 27 тобя ib. 33 тя ib. (дми) на нь С. сб. тые люди Гр. Ал. К. въ тыи годы С. сб. 5.—по двѣ вѣкшѣ С. I 6. свѣщѣ горящеи С. сб. 24 рѣчіе ib. сабли золотыѣ С. I. 30 три рубли Св. и зам. III. 61. за нѣмцѣ (зигонилъ) С. I. 11.

Тв. пад.: съ ременемъ С. I. 34. со князми А. Э. 8. городми А. З. Р. 15. волостми Гр. Вл. съ нѣмци А. Э. 8 передъ своими отци съ бояры Гр. Ол., С. I. 24. зо всѣми лѣсы А. З. Р. 6. порты С. I. 23. съ пол*ями* А. З. Р. 6. зъ луг*ами* ib.—ничимь А. И. 2 чимъ А. З. Р. 1. тыми С. I. 21. чѣмъ ib. 33, но и чимъ ib. 23. 33.

Предл. пад.: при отци А. Э. 6 при князи ib. въ Переяславли А. И. 2 въ монастыри Посл. къ Л. Л. при князи ib. при еп. Діо(ни) сьѣ ib. въ поли Гр. Ал. К. въ нѣмечкомъ дворѣ С. I. 6.—на новгородскои земли С. I. 6 на русьскои земли Зап. 1307 по всеи землѣ С. сб. 4 по—земли ib. въ прельсти идольстѣи ib. (оста же страна русская) въ первѣи прельсти идольск*ыи* ib. [1]) у литовской земли Гр. Вл. о латыньскои П. сб. въ поли Гр. Ал. К. въ сердцѣ С. сб. на людехъ С. I. 14 въ тѣхъ селѣхъ ib. 15 на своихъ боярехъ ib. 27 при сихъ князихъ Зап. 1307. При отц*ѣхъ* С. I. 29 при княз*ѣхъ* ib. при дяд*яхъ* А. З. 2.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что особенностей въ формахъ склоненія XIV ст., сравнительно съ предъидущими, представляетъ много. Одни изъ нихъ объясняются фонетически, другія—черезъ все болѣе и болѣе увеличивавшееся смѣшеніе падежей.

Предлагаемъ нѣкоторыя замѣчанія и выводы по поводу особенностей, заключающихся въ вышеприведенныхъ примѣрахъ.

Числительные три и четыре сочетаются съ множеств. числомъ.

Имен. пад. мн. ч. им. сущ. муж. рода представляетъ уже случаи смѣшенія съ женскимъ родомъ.

Средній родъ большею частью еще выдерживаетъ во мн. ч. свойственное ему окончаніе, но иногда принимаетъ уже окончаніе мужескаго.

---

[1]) Это необычное окончаніе, если не описка, то книжно-искусственная форма.

Им. пад. мн. числа им. прилаг. и мѣстоименій прилагательныхъ оканчивается нерѣдко на *ѣе*. Окончаніе это заимствовано или отъ вин. п. ед. ч. м. р., или отъ им. мн. женскаго [1]). *е* (ѣ) въ ок. им. п. мн. ч. мѣстоим. *тѣ* объясняется фонетически.

Род. пад. въ именахъ мужескаго рода темы на *а* оканчивается на *овъ*, *евъ*; вмѣсто послѣдняго окончанія иногда—*ій*, *ей*. Въ женскомъ родѣ вмѣсто древняго ѧ является *и*. Это, если не исключительное, то, во всякомъ случаѣ, преобладающее окончаніе.

Род. единств. смѣшивается иногда съ дат. въ мужескомъ и женскомъ родѣ.

Нѣкоторыя имена темы на *и* м. р. въ этомъ и другихъ падежахъ приняли окончаніе именъ темы на *а*.

Имена темы на *и* женскаго рода въ род. мн. имѣютъ окончаніе *ьи*, что объясняется фонетически: *ьи* = *ји*, а это послѣднее представляетъ лишь перестановку обычнаго окончанія *ий* (Ср. нерѣдко встрѣчающуюся въ древнихъ нашихъ памятникахъ форму: Юр*ьи* = Юр*ій*.)

Прилагат. имена въ род. ед. муж. рода и въ этомъ столѣтіи обыкновенно оканчиваются на *ого*; въ жен. родѣ—*ое* и *ой*, и *іе*. Послѣднее окончаніе = *ые* изъ *ыа* = *ыѧ*.

Дат. муж. и ср. рода именъ существ. множ. числа уже представляетъ въ этомъ столѣтіи случаи смѣшенія съ тѣмъ же падежемъ женскаго рода. Форма на *амъ* хотя и встрѣчается въ актахъ этого вѣка не болѣе пяти разъ для дат. м. и ср. р., но и этого достаточно, чтобы признать за несомнѣнное одно изъ двухъ: или форма на *амъ* уже вытѣснила форму на *омъ* и послѣдняя употреблялась

---

[1]) Такъ или иначе, но оно имѣетъ мѣсто въ памятникахъ XIV ст., почему и нельзя признать, что, „имен. пад. мн. числа до XV ст. удерживалъ окончаніе *ій*... если и попадаются случаи на *ыи* то это послѣ звуковъ гортанныхъ, потерявшихъ переходную смягчаемость, но нѣкоторое время сохранявшихъ и послѣ этой потери принадлежавшую имъ искони твердость“ (О языкѣ и пр. 69).

въ письменности лишь въ силу установившагося обычая или, по крайней мѣрѣ, смѣшеніе родовъ въ этомъ падежѣ уже началось, но быть можетъ существовало въ языкѣ еще спородически.

Въ дат. ед. м. р. и въ этомъ столѣтіи встрѣчается иногда нарощеніе *ев-и* тамъ, гдѣ его не должно бы быть.

Началось уже въ этомъ столѣтіи и смѣшеніе склоненій: такъ въ дат. ед. ж. р. сущ. мягкаго склоненія наряду съ правильнымъ окончаніемъ *и* встрѣчаемъ и позднѣйшее *ѣ* = *е*.

Въ вин. пад. самая рѣзкая особенность—употребленіе въ женскомъ родѣ множ. числа—*и* вмѣсто древняго ѧ. По аналогіи съ этимъ и окончаніе *ые* (изъ ꙑѧ) смѣшивается въ этомъ падежѣ съ ы*и*.

Твор. мн. ч. оканчивается на *ы* и *и* въ муж. и среднемъ родѣ, но чаще на *ми* и иногда даже на *ами*, *ями*. Смѣшеніе родовъ началось слѣдовательно и здѣсь [1]).

Смѣшеніе родовъ мужескаго съ женскимъ и склоненій мягкаго съ твердымъ сказалось и на окончаніи предложнаго падежа: въ мягкомъ склоненіи м. и ж. р. онъ оканчивается на *и*, но иногда и на *ѣ* = *е*, на *ихъ* и *ѣхъ* во мн. ч.; въ муж. родѣ встрѣчается уже и *яхъ*. Выше мы могли, однако, привести лишь одинъ примѣръ послѣдняго окончанія [2]). Случаи смѣшенія окончаній двойственнаго числа встрѣчаются, но большею частію формы его употребляются еще правильно.

---

[1]) П. А. Лавровскій утверждаетъ, что „не только въ XIV, но и въ XV вѣкѣ окончаніе *ы* было почти единственнымъ въ отечественной письменности—и лѣтописяхъ и грамотахъ; новое окончаніе *ми* стало прокрадываться не ранѣе второй половины XV вѣка" О языкѣ сѣв. р. лѣт. стр. 61. Ясно, что это совершенно невѣрно: не только въ XV-мъ, но уже въ XIV ст. *стало прокрадываться окончаніе ами*; что же до *ми*, то оно довольно обычно въ памятникахъ XIII вѣка, впервые же встрѣчается уже въ XI.

[2]) Если не считать этого случая за описку, то нельзя слѣдовательно согласиться съ П. А. Лавровскимъ, относящимъ начало потери предложнаго на *ѣхъ* ко второй половинѣ XV вѣка (О яз. Н.).

б) Спряженіе.

Неопр. наклоненіе оканчивается и въ этомъ столѣтіи на *ти*: ѣздити СІ 8 гостити ib. 15, итьти ib. 35 [1]).

2. Достигательное наклоненіе утеряло уже свойственное ему окончаніе *тъ*. Даже въ памятникахъ церковной письменности, какъ въ Ев. 1307 г. встрѣчаемъ: прѣиде... учи*тъ*. Но этимъ окончаніемъ на *тъ* форма достиг. наклоненія все еще отличалась отъ формы неопр. н. [2]).

---

[1]) П. А. Лавровскій утверждаетъ, что „первые слѣды замѣны *ти*, на *ть* попадаются въ самомъ концѣ XIII ст." (О языкѣ и пр. 83). Въ подтвержденіе онъ приводитъ: дапи дава*ть*—изъ граматы 1270 г., но грамата эта (С. II, N. 2) дошла до насъ не въ подлинникѣ, а *въ позднѣйшемъ спискѣ*. Какого вѣка списокъ, этого издатели не обозначаютъ, но именно на основаніи этой особенности и позволительно думать, что онъ не раньше XV или конца XIV вѣка. Если бы дѣйствительно уже въ концѣ XIII вѣка обнаружились случаи перехода *ти* въ *ть*, то такого рода измѣненіе формы должно было бы охватить большую массу словъ въ слѣдующемъ (XIV) столѣтіи, чего мы однако не встрѣчаемъ. Самъ г. Лавровскій говоритъ: „но въ этомъ и въ продолженіе слѣдующаго вѣка она (форма на *ть*) чрезвычайная рѣдкость, вовсе не замѣтная среди огромнѣйшаго большинства совершенно правильной формы на *ти*" (ibid). Правда, онъ при этомъ прибавляетъ: „не прежде какъ съ конца XIV вѣка окончаніе *ть* начало появляться чаще" (ibid.). Но откуда же видно, что съ конца XIV ст. оно стало появляться чаще? Граматы, на которыя при этомъ указываетъ г. Лавровскій, не принадлежатъ этому столѣтію: N. 18-й I тома—1426—61, N. 19—1431 г. Лишь въ одномъ памятникѣ безъ опредѣленнаго обозначенія года, въ. Гр. 126 I Юр. актовъ Калачава встрѣтили мы н. н. на *ть* и даже *тся*. Впрочемъ, что окончаніе это могло бы быть въ XIV в. на то указываетъ форма достиг. н. на *тъ*. Отрицая *ть* для формы неопр. н. этого вѣка, мы только указываемъ на то, что, за исключеніемъ названной, неизвѣстно когда именно написанной граматы, въ памятнакахъ этого вѣка оно не встрѣчается.

[2]) Такимъ окончаніемъ дост. накл. различается отъ неопр. и въ Ипатьевск. спискѣ лѣтописи, какъ увидимъ ниже. Не ясно для насъ,—какъ слѣдуетъ смотрѣть на это окончаніе: если *ъ* есть здѣсь только знакъ мягкости *т* (признать же его за выраженіе глухаго—невозможно), то—чѣмъ вы-

3. Въ повелительномъ наклоненіи находимъ въ этомъ вѣкѣ сокращеніе *и* на *ь*: вѣдьте Ев. 1307, будьте ib. и употребленіе *и* вм. древняго *ѣ* въ глаголахъ на согласную тему: чт*и*те Посл. въ Л. л.

4. Важнѣйшая особенность настоящаго времени—это опущеніе въ 3-мъ лицѣ *ь* передъ *ся*: радуется П. къ Л. л., крестится С. сб. 4. нарицается ib. 6, научаются ib. 22 и пр. [1]). 1-е лице мн. ч. иногда встрѣчается на *мы*: исповѣ*мы* С. сб. 22. Вѣроятно, однако, это книжная форма.

5. Прошедшее простое въ граматахъ встрѣчается очень рѣдко: се приеха Гр. VII, дахомъ ib. повелѣше и повелѣша С. I. 13.

6. Формы прошедшаго сложнаго, напротивъ, попадаются часто: творил*ѣ* есмѧ Д. I 9. дали есме былѣ С. I 10. непослушалѣ ib. 11, есмь купилъ ib. 22, цѣловали есмы ib. 23, положилъ есми А. З. Р. 14. есва учинила Гр. Вл. тѣмъ есмя ему не виноваты Дв. Р. пакъ ли быхмо имъ не воротили А. З. Р. 8.

Изъ этихъ примѣровъ видно и то, какъ разнообразны были въ письменности XIV вѣка формы 1-го лица настоящаго времени глагола вспомогательнаго.

7. Причастныя формы употребляются неправильно: смѣшиваются и роды, и числа. Причастіе дѣйств. настоящаго времени встрѣчается въ памятникахъ на *а* и *ы*, чаще первое: невыйда А. Э. 13, ида С. I 21, а будя въ миру ib. 17, не мога П. Сб., ркя Дв. Р., володый С. сб. 5, а се идуще ему ib. 15, имше (дв. ч.) ib. 26 [2]).

звана эта мягкость? Если допустить, что *ь* въ этой формѣ стоитъ вм. *е*, что бываетъ нерѣдко, то форма напр. отдать = отдат*е* а *е* этой послѣдней объясняется фонетически изъ *и* формы отдат*и*. Но было бы и въ этомъ случаѣ непонятно, почему такое окончаніе ни въ памятникахъ XIV в., ни въ Ип. лѣтоп. не встрѣчается въ формахъ неопр. наклоненія. Если, наконецъ, достигательное на *ть* указываетъ на неопредѣл. на *ть*, то—почему же, опять таки, это послѣднее въ такомъ видѣ не встрѣчается?

[1]) Говоря объ опущеніи *ь* въ 3-мъ лицѣ, мы разумѣемъ не изчезновеніе въ этой формѣ глухаго, которое должно было произойти раньше, а отвердѣніе конечнаго *т*.

[2]) Приводимъ еще нѣкоторыя формы числительныхъ именъ изъ па-

И такъ важнѣйшіе изъ формальныхъ особенностей памятниковъ XIV вѣка, не встрѣчающіяся въ памятникахъ болѣе раннихъ, слѣдующія:

а) Смѣшеніе родовъ: 1) Окончаніе женскаго рода въ имен. п. мн. числа именъ муж. въ существительныхъ (ы) и прилагательныхъ (ые). 2) Окончаніе въ томъ же падежѣ мужескаго рода въ имени существ. средняго (*и* вм. *а*). 3) *амъ* въ дат. мн. м. и ср. р. 4) *ами* въ тв. мн. тѣхъ же род. 5) *ахъ* въ пр. мн. тѣхъ же родовъ.

б) Смѣшеніе темъ: 6) Род. и дат. ед. темы на *и* по темѣ на *а*. 7) *я* вмѣсто *е* въ род. мѣстоименій личныхъ 1 и 2 лица (тобя). 8) *и* вм. *ѣ* въ пов. н. гл. на согл. тему.

в) Смѣшеніе склоненій твердаго и мягкаго: 9) Дат. и пр. падежи на *ѣ* вм. *и*, *ѣхъ*, *ехъ* вм. *ихъ*.

г) Смѣшеніе падежей: 10) Дат. ед. вм. род. въ м. и ж. р. 11) *и* въ род. пад. сущ. мягкаго склоненія темы на *а*. 12) Тоже окончаніе въ вин. падежѣ сущ. того же рода. 13) *ыи* вм. древняго ыѫ въ прилагательныхъ именахъ.

д) Фонетическія измѣненія, условившія формальныя: 14) *тѣ* въ им. мн. мѣст. *тъ*. 15) Опущеніе *ь* въ 3-мъ л. н. вр. передъ *ся*. 16) Сокращеніе *и* въ *ь* въ пов. наклоненіи.

е) Смѣшеніе личныхъ окончаній: 17) Въ 1-мъ лицѣ мн. ч. вспомогательнаго глагола.

Не знаемъ, куда слѣдуетъ отнести—18) дост. н. на *ти*.

II.

Обращаемся къ языку относящихся къ XIV вѣку лѣтописей—Лаврентьевской и Новгородской первой.

Въ Лаврентьевской лѣтописи, переписанной въ 1377 г., можно найти фонетическія и формальныя особенности нашего языка

мятниковъ этого вѣка: третьее С. I 8, третьюю ib. 9, на третьее ib., двѣнадчать тысячи ib. 12, двѣма стома ib., одинънатцять ib. 34, девяносто А. З. Р. 11, дъванадьсѧть Ев. 1307, обѣма на дьцѧть ib.

почти за все время его исторической жизни съ XI по XIV ст. включительно.

Слѣдя внимательно за языкомъ ея, не трудно замѣтить, какъ по мѣрѣ приближенія лѣтописи къ концу, онъ все болѣе и болѣе теряетъ свой древній характеръ. Но уже и на первыхъ страницахъ лѣтописи, въ разсказахъ о событіяхъ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, встрѣчаемъ мы особенности языка позднѣйшаго времени, времени послѣдняго переписчика. Это съ одной стороны. Съ другой—наоборотъ—переписчикъ XIV вѣка, освоившись въ продолженіе своей трудной и долгой работы съ способомъ писанія „ветшаныхъ книгъ", вносилъ особенности языка ихъ и въ разсказы о современныхъ ему событіяхъ. Вотъ почему, какъ выше уже и сказано, лѣтопись сама по себѣ не можетъ служить ни къ точной характеристикѣ языка тѣхъ вѣковъ, разсказы о событіяхъ которыхъ въ ней заключаются, ни языка того столѣтія, въ которое она была въ послѣдній разъ переписана. Но если принять въ разсчетъ другаго рода памятники и сравнительно съ ними изучать языкъ лѣтописей, то эти послѣднія могутъ представить много драгоцѣннаго и въ филологическомъ отношеніи матеріала. Къ сожалѣнію, Лаврентьевская лѣлопись,—одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ нашей лѣтописной литературы,—издана такъ, что филологъ не можетъ пользоваться ею съ довѣріемъ: текстъ ея, какъ и другихъ лѣтописей, въ изданіи Археографической Коммисіи напечатанъ съ измѣненіями. Вотъ что говорятъ издатели въ предисловіи къ I т. П. С. Р. Л.: на томъ основаніи, что списки лѣтописей, относящіеся къ XIV—XVI в. „не имѣютъ опредѣленныхъ грамматическихъ формъ и постояннаго правописанія", они рѣшили „различныя буквы и слоги въ однихъ и тѣхъ же словахъ *привести въ однообразіе*, подтительныя слова печатать полнымъ чтеніемъ", соблюдая „по возможности (?) древнее правописаніе *только* въ собственныхъ именахъ, нѣкоторыхъ церковныхъ реченіяхъ и въ титулахъ извѣстныхъ лицъ" [1]).

Понятно, что, послѣ такого заявленія издателей, трудно дѣлать

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I Предисловіе стр. VI—VII.

съ увѣренностью выводы о языкѣ лѣтописей по изданію ихъ. Слѣдя по лѣтописи за какой либо звуковой чертою и замѣчая, что она проявляется одинаково и въ разсказѣ о событіяхъ XI и XIV столѣтій,—не знаешь, повторяется ли она, какъ удерживавшаяся за весь этотъ періодъ времени особенность живаго языка, или является какъ результатъ стремленія издателей разнородныя фонетическія и формальныя явленія привести въ однообразіе. Къ двумъ указаннымъ выше затрудненіямъ, неизбѣжно являющимся при изученіи языка лѣтописей—наслоенію и проявленію говора писца—прибавляется такимъ образомъ третье: намѣренное измѣненіе текста памятника издателями его [1]).

Представляемъ фонетическое и формальное описаніе Лаврентьевскаго списка [2]).

А. Звуки:

а) Гласные:

На глухіе или на слѣды ихъ есть въ лѣтописи указаній не мало: Полт*е*скъ, Пин*е*скъ 132, полове*ць*скихъ 167, полове*ць*ского 176, гали*чь*ского 179, полове*чь*скыи 189, М*е*стиславу 130, скверн*ъ*ное 198, кров*и*пролитья 132—82 [3]), черноризьцьскыи 185. Слѣдов. ь = е.—

Вмѣсто ъ встрѣчаемъ *о:* вотъ день 140 ото чинъ 141, подоостри 169, дивный то возрастъ его 205 [4]). Форма слова храборъ

---

[1]) 2-мъ изд. Лаврентьевской лѣтописи, сдѣланнымъ подъ редакціей ак. Бычкова, мы, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться: оно было получено нами слишкомъ поздно, когда трудъ нашъ былъ уже готовъ. Всѣ ссылки на стр. Л. л. сдѣланы нами по 1 изд.

[2]) Временникъ Нестора исключаемъ пока изъ этого описанія. Онъ будетъ разсмотрѣнъ ниже въ сравненіи съ Временникомъ Нестора по Ипатскому списку.

[3]) *и* изъ тематическаго *ь*; только въ послѣдствіи, когда это *ь* исчезло, какъ звукъ, изъ языка, и губное *в* отвердѣло, въ сложеніяхъ этого слова явились *о:* кров*о*пролитье.

[4]) *и*, съ эвфоническимъ, по мнѣнію Миклошича (Über die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestors § 12), значеніемъ встрѣчаемъ на мѣстѣ *ъ* предлога *объ* въ словахъ: об*и*ступленъ 140, об*и*-

131, указываетъ на потерю конечнаго *ъ:* въ немъ *о* вызвано именно этою потерею. Встрѣчается эта форма уже подъ 1128 (6636 г.)

И такъ, на основаніи лѣтописи можно доказывать существованіе глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ, но нельзя опредѣлить времени ихъ изчезновенія.

2. Замѣна носовыхъ въ Л. л. таже, что и въ другихъ памятникахъ: а (я), е (ѣ).

3. *ѣ* употребляется или правильно, или замѣняется черезъ *е;* въ двухъ словахъ черезъ *и:* см*и*ривъ 152—53, но см*ѣ*рити 152, и—постоянно—въ различныхъ формахъ глагола св*и*тати [1]).

4. Смѣна начальнаго *а* на *о* въ собственныхъ именахъ въ началѣ лѣтописи является рѣдко. Въ первый разъ *О*ндрѣи подъ 6658 (1150) г. (с. 142). Въ концѣ такая смѣна обычна: Огафья 188 Оксиньи ib. Олександръ 198, Офанасіи ib. и пр.

Въ корняхъ смѣна этихъ звуковъ встрѣчается лишь въ слѣдующихъ словахъ: д*о*же 186—98 т*о*тарскыи 205, п*о*латніи 153, р*о*бичича 131, р*о*боты 151, с*о*тона ib.

Почти постоянно *о* вм. *а* является въ предлогѣ *роз* вм. *раз* въ его соединеніи съ глаголами и именами: роставлялъ 146, розбѣгошася 147, на розгляду ib. розбѣжалися 205.

5. *о* вм. *е* является въ слѣдующихъ словахъ: п*о*пелъ 172, дожд*о*ве 191, тебе 177, но — т*о*бе нѣсколько разъ на предшествующихъ страницахъ.

6. *о* вм. *ы* почти постоянно въ словѣ—н*о*нѣ 137—56—82 и пр., но—н*ы*нѣ 176.

Сюда же относится употребляемое иногда—стр*о*и вм. стр*ы*й, (стр*о*еви 131 вм. стр*ы*еви). Странно, что во второй половинѣ лѣто-

---

ступиша 168, об*и*сѣдоша 169.—Въ об*у*нмъ 180, об*у*нметь 172,—въ томъ же предлогѣ на мѣстѣ древняго *ъ* имѣемъ *у*. Ср. вышеприведенную форму: об*у*зрѣти.

[1]) Быть можетъ сюда же относится и—загор*и*ся 175.

писи *ы* въ этомъ словѣ постоянно, тогда какъ слѣдовано бы ожидать обратнаго явленія.

6. *и* на *е* смѣняется почти постоянно въ словѣ Володим*е*ръ вм. Володим*и*ръ. Смѣна *ій* на *ей* довольно рѣдка; чаще встрѣчается къ ковцу лѣтописи, хотя уже и подъ 6635 (1127) г.: Григор*ей* 130.

7. Есть въ Л. л. случаи перегласованія подъ вліяніемъ йота и шипящихъ: *Е*сифа 204 на меньш*е*ю 169.

8. *іе* сокращается въ *ье*, *ия* въ *ья* и т. д. постоянно по всей лѣтописи: знаменье 127, пѣнье и пр. Даже въ корняхъ имѣетъ мѣсто такое сокращеніе гласнаго: прос*ь*яеть.

Вмѣсто *ій* иногда является *ьи:* Божьи = Божій. Подобное видоизмѣненіе звуковъ, имѣетъ мѣсто, какъ мы видѣли, и въ граматахъ.

9. *у* изрѣдка мѣняется съ *в:* *в*чинены 177 *У*стрѣтенья 187.

б) Согласные.

1. Гортанные большею частію сочетаются съ твердыми, однакоже уже и въ самомъ началѣ лѣтописи есть случаи ихъ сочетанія и съ мягкими: русскіи 127, кіянъ 146, и даже—Гюрг*я* 141.

2. Шипящіе и *ц* — съ мягкими, но чаще съ твердыми: от*цю* 130, шюрину ib., но переброди*ша* 143, кто *жо* 151, лесть*ца* ib. тор*жо*къ 203 (хотя и торж*е*къ 209) черньцовъ 203.

3. Зубные *д* и *т* смягчаются по русски: роженье 146, незнаюче 144, не постряпучи ib.

4. Твердое *л* встрѣчается нерѣдко, — иногда и твердое *р*: недѣлныи 127—145 силно 127, селца 144, стрѣлци 141, началники 157, Смолняне 159, *Р*уриковича 193. (Обратный случай: тряпезници 193) [1]).

---

[1]) Непонятно, почему вмѣсто слова пос*а*гъ употреблено въ изд. Л. л. какъ будто бы болѣе правильное,—пос*я*гъ („яко же въ день *пасяга* ея 131)". Что такая форма слова — не описка, — доказывается употребленіемъ ея во всѣхъ трехъ спискахъ; что *а* при *с* этого словв стоитъ не вмѣсто *я*,—видно изъ О. Ев., гдѣ встрѣчаемъ: посагаѫще; встрѣчается въ

5. Случаи ассимиляціи часты: и(зъ) Смолиньска 151, и(з) сѣкоша 154 и(з)цѣленья 156 и(з)жигаеть 157, и(з)шли 189,— *з*, слѣдовательно, ассимилируется съ слѣдующимъ свистящимъ и шипящимъ.

6. Выпускаются согласные, независимо отъ ассимиляціи, рѣдко: семое 155 празники 153.

7. Придыханіемъ является *в*: въ вотчину 180, въ вордѣ 203, въ ворду 208.

8. Въ словѣ Тферь 184 (и въ др. мѣстахъ), вмѣсто Тверь — имѣемъ единственный случай смѣны *в* на *ф*.

Изъ этого краткаго обзора фонетическихъ особенностей Лавр. лѣтописи, видно, что въ ней не встрѣчается — ни въ отдѣлѣ гласныхъ, ни въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ ни одной черты, которая противорѣчила бы сдѣланнымъ выше выводамъ о языкѣ XIV столѣтія Но въ ней не являются многія изъ тѣхъ особенностей, которыя мы выше отмѣтили по актамъ, граматамъ и подобнымъ памятникамъ. Причиной тому — большая книжность, искусственность, консервативность языка лѣтописей сравнительно съ языкомъ другихъ памятниковъ гражданской письменности.

Б. Формы:

Тоже слѣдуетъ сказать и *о формахъ* ея, что можно видѣть изъ слѣдующихъ образцевъ склоненія и спряженія.

Им. пад. церкви 136, церквы 150, дождове 191, 3 дни 151, столпи три 135 ростовскы (ед.) 171, христолюбивы (ед.) 174, Божьи (ед.) 129, черниговьстіи 137, молодіи 196, князи половѣчьскиѣ вси 134, ростовскыѣ князи 182, лепш*іе* мужи 175, горожане Боголюбск*ыи* 157, отверзенѣ..., очи сердечьнѣи 173—77, очѣ сердечнѣи 199 обѣ свободѣ бесерменьск*іѣ* 207, ворота подольская 176.

И такъ, средній родъ сохраняетъ еще свойственное ему окон-

древнихъ памятникахъ и слово: *посагъ* (см. Словарь Востокова), Ср. польск. posag. Съ тѣмъ же значеніемъ употребляется — и въ современномъ русскомъ это слово и происходящее отъ него—*посажное* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (см. Словарь Даля).

чаніе, числительное *три* сочетается съ множественнымъ числомъ; двойственное число не всегда правильно [1]); именительный прил. м. р. мн. ч. уже утерялъ свойственныя ему окончанія.

Род. пад.: дне 120, церкве ib. 183—85—205, матере 204, родитель своихъ 146, у самовидець 193, самѣхъ нѣмець 209, пріятелевъ 136, хоромовъ 208, черньцовъ 203, инѣхъ князей 151, отъ земля до небесе 135, святыя Богородици 136, святое Богородици 138, у святое Софьи 137, изъ гробници 136, вѣжѣ 139, русскые земли 128, дружины вячеславлѣ 147, всеволожіе 192, изъ землѣ 152, тоя роботы 154, тое же зимы ib. своее рѣчи 174, вербное недѣли 171, падшая церкве 185, изъ лодьи 188, отъ радости великія 177, праздныѣ недѣли 195, ростовьскія земля 204, отъ братье 133, у братье своее ib.; ее 139, 146, ея 150; инѣхъ 207, иныхъ ib. самѣхъ 209; тысячкого 137, тысячкаго 138, кіевьскаго 132, другого 133, печерьского 151, великого 153, половечьского 154, которого 189, святаго (постоянно съ оконч. аго); святою мученику 128, на меньшею брату 169.

Эти примѣры наглядно подтверждаютъ высказанное выше о языкѣ лѣтописей: на ряду съ формами живаго языка въ нихъ то и дѣло встрѣчаются письменные архаизмы. Такъ въ женскомъ родѣ на ряду съ окончаніемъ *и* встрѣчаемъ не только болѣе древнюю форму *ѣ* = *е*, но даже и *а*, *я* = ѧ; въ прилагательныхъ вмѣсто ѧѧ —*ее*, но и *ая;* вмѣсто ыѧ находимъ всѣ разновременно жившія въ языкѣ формы: *ыя*, *ые*, *ое*. Въ муж. родѣ преобладаетъ въ прилагательныхъ именахъ окончаніе *ого*, но является и *аго*. Во мн. числѣ существительныхъ того же рода иногда родительный равенъ именительному единственнаго, но часто оканчивается и на *овъ*, *евъ*. Въ двойственномъ числѣ *ою* вм. *ую*, какъ издавна и въ другихъ памятникахъ, и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ мягкомъ склоненіи—*ею* вм. *юю*. Правильное окончаніе р. п. въ согласномъ склоненіи, конечно, есть только фактъ установившагося правописанія.

---

[1]) Очѣ вм. оч*и* можетъ объясняться фонетически черезъ смѣну *и* на *е*, но *іѣ* вм. *ѣи* (*еи*) есть уже испорченное окончаніе.

Дат. пад.: врагомъ 129, мученикомъ ib., церковникомъ 168, псомъ и ворономъ 203, воемъ 139, мужемъ ib. — онѣмъ 134—56, овѣмъ 168.—рустѣи 128, свѣтѣй Богородицѣ 152, землѣ рустѣи 181, ростовьской 165, суждальской 197; межи валома 139.

Двойств. число, слѣдовательно, правильно; муж. родъ во множ. числѣ сохраняетъ свойственное ему окончаніе, не смѣшиваясь съ женскимъ; въ существ. женскаго рода потеряно различіе между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ; прилагательныя того же рода, кромѣ древней формы на *ѣи* представляютъ уже и новую на *ой*.

Вин. пад.: на половцѣ 127, на кривичѣ 127, 130, воѣ 132, конѣ ib., ключѣ 152, вои 131, князи рускиѣ 135, галичьскыѣ мужи 146, лутшіе мужи ib., сыновци свое 148, полатніи 159, отрокы своѣ 128, 131, городы ты всѣ 142, полкы своѣ ib., зажитникы королевы 145, вѣжѣ половѣчьскые 127, овцѣ 135.—и 138, ѣ (= ѧ) 135, ю 139, въ пю 148, сѣ 155, самихъ 155, самѣхъ 157.—очи сердечнѣи 156.

И такъ, во мн. ч. муж. р. сохраняетъ еще окончаніе *ы*, но вмѣсто древняго ѧ является не только *ѣ = е*, но и *и;* въ прилагательныхъ вмѣсто *ыѧ — ые*, вм. ѧѧ — *іе, іи*.

Тв. пад.: сыновци 180, шатры 182, съ Половци 139, съ сынми 180, съ сынъми 131, съ своими думцами 182, со всею князьею 167—8 [1]), сынма своима 182, инѣмъ путемъ 170 съ самѣмъ 206, единѣмъ ib. *чимъ* 176, со многами слезами 198, иконами честнами 183.

Два послѣдніе примѣны слѣдуетъ отнести на счетъ книжнаго языка: въ языкѣ живомъ прилагательныя краткой формы, конечно, уже не существовали. Въ сущ. м. р., на ряду съ правильнымъ *и* мягкаго склоненія, встрѣчаемъ въ твердомъ *ми.* Если отъ *думцами* им. пад. ед. ч. не *думца* а *думецъ* (думьць), то Лавр. списокъ лѣтописи представляетъ въ этой формѣ единственный случай творит. муж. р. съ окончаніемъ женскаго.

---

[1]) Имен. князья, —собирательная форма, какъ братіа отъ братъ.

Пред. пад.: въ солнци 129, въ сердци 129—84, въ конци 176, въ монастыри 175, но—въ монастырѣ 148—86, въ Володимерѣ 161—3, по отцѣ 201; на рожни поли 135; по воли 175, въ земли русьстѣи 176, на суждальскои земли 198, 202; во вьсеи русьскои земли 177, но—въ лодьѣ 137; въ печерстѣмъ 148; о таковѣи 129; по обѣдехъ 196, по половцихъ 155, Всеславичихъ 133, на сѣнехъ 138.

Слѣдовательно: мягкое склоненіе и въ этомъ падежѣ смѣшалось съ твердымъ; двойственное число выдерживается; въ прилагательныхъ мужескаго рода сохраняется свойственное имъ окончаніе, но въ единств. женск. рода по ряду съ *ѣи* является и *ои*.

Встрѣчается иногда въ Л. л. *мѣстный* падежъ: Кыевѣ 128, Курьскѣ 130, но часто вмѣсто него предложный: въ Кыевѣ 173, въ Володимерѣ 161.

Трудно сказать, когда мѣстный падежъ вышелъ изъ употребленія, но, конечно, онъ не существовалъ уже въ XIV вѣкѣ: на то указываетъ употребленіе вмѣсто него предложнаго.

Формы *зват. пад.* въ Л. л. сохраняются: възлюблен*ѣи* мои чад*ѣ* (дв. ч.) 187.

Относительно глагольныхъ формъ этого памятника замѣтимъ слѣдующее:

1) Достигательное наклоненіе, не смотря на потерю ъ еще отличается въ языкѣ Л. лѣт. отъ неопредѣленнаго: княжитъ 128—75, стрѣлятся 137, молится 178, воеватъ 181.

2) Неопредѣленное наклоненіе оканчивается постоянно на *ти*. Въ глаголѣ—ити 180 еще нѣтъ удвоенія согласной (итьти = ит'ти).

3) Изъ формъ повелительнаго наклоненія стоятъ вниманія: ѣди 180, одежи. Въ глаголахъ согласной темы *и* не заступило еще мѣста *е* (ѣ): извлечете 149. Въ послѣсловіи, однако,—чт*и*те.

4) Настоящее время выдерживаетъ еще свойственныя ему окончанія, за исключеніемъ 3-го лица, въ которомъ встрѣчаемъ уже

опущеніе *ь* передъ *ся*: противится 152 поткнется 156 [1]). Тоже и въ преходящемъ: держахутся 159.

5) Формы прошедшаго простаго употребляются часто [2]). Прошедшее сложное встрѣчается и съ вспомогательнымъ глаголомъ и безъ него: бѣ побѣжая 205, приходилъ 208, билися ib., одолѣлъ 209.

6) Въ послѣсловіи есть форма будущаго условнаго: оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ

7) Причастіе дѣйствительнаго залога настоящаго времени въ имен. единственнаго оканчивается на *а:* зова 138, ида 141, река ib. Во множественномъ числѣ окончаніе муж. рода невыдерживается: не постряпучи поткнуша 145.

Отъ — одѣти — встрѣчается причастная форма страдательнаго залога — одѣнъ-одѣни 205.

8) Есть въ Л. л. глаголы на ъвати (ивати): замышливати 148.

О языкѣ новгородскихъ лѣтописей есть въ нашей литературѣ важное изслѣдованіе, принадлежащее П. А. Лавровскому. Это обстоятельное изслѣдованіе избавляетъ насъ отъ необходимости останавливаться на 1-й новгородской лѣтописи съ тою подробностью, съ какою остановились мы на лаврентьевской.

---

[1]) Изъ формъ настоящаго времени замѣчательные слѣдующія двѣ: *вѣ*—въ выраженіи: „Богъ вѣ" 195 и *владуть* 178, вм. владѣють, указывающее на неопр. наклоненіе—*власти*.

[2]) Подъ 6739 г. (стр. 195) встрѣчаемъ форму: *удивлеся*. Принять ее за причастіе (= *удивлься*) нельзя: не дозволяетъ смыслъ фразы: „И вся приходящая удивлеся, князя же и велможѣ, всякъ возрастъ (въ *подл.* всяку въздрасть) града Ростова, не токмо же простьця, но и попы и игумены"... Всѣ слова, окончанія которыхъ нами подчеркнуты, очевидно, стоятъ въ *вин.* пад., вслѣдствіе зависимости отъ формы *удивлеся*. Гдѣ же имен., т. е. подлежащее выписанной фразы? По смыслу ея, подлежащимъ должно быть *се* (= сь), и форму *удивлеся* слѣдуетъ, кажется намъ, признать опиской — быть можетъ вмѣсто — *удиви се* (= *сь*: рѣчь идетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на паству епископомъ Кирилломъ).

Древнѣйшій изъ списковъ 1-й новгородской лѣтописи синодальный. Въ немъ три почерка: первый оканчивается 1200; второй—1234; третій идетъ до конца, т. е. до 1333 г. „Принадлежатъ ли они одному времени и одной рукѣ, или они появились разновременно?" спрашиваетъ въ своемъ изслѣдованіи г. Лавровскій и рѣшаетъ, что послѣднее [1]). Принявъ и доказавъ это, и по нашему мнѣнію, вѣрное убѣжденіе, онъ задается другимъ вопросомъ—о степени древности каждаго изъ трехъ почерковъ синодальнаго списка. Таковъ окончательный выводъ, къ которому приходитъ онъ: „списокъ этотъ (синодальный) есть самый древній изъ всѣхъ обнародованныхъ списковъ лѣтописей отечественныхъ... древнѣйшія событія до 1200 г. писаны никакъ не позже первыхъ годовъ XII в.; продолженіе ихъ до 1234 г. не позже первой половины того же столѣтія; послѣдующія событія до 1333 г. описаны третьимъ лицемъ въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ XIV вѣка" [2]).

По поводу приведенныхъ строкъ замѣтимъ только, что какъ ни древни фонетическія черты перваго и даже втораго почерковъ синодальнаго списка,—нѣкоторыхъ изъ заключающихся въ нихъ особенностей формальныхъ мы въ другихъ памятникахъ, относящихся къ первой половинѣ XIII ст., не встрѣтили, именно:

1) Смѣшеніе окончаній твердаго и мягкаго склоненій: по чистѣи недѣлѣ 17. 2) *ы* вмѣсто *и* въ им. пад. множ. ч. именъ существ. муж. рода: данникы 19. 3) Достигат. накл. на ть: посадницать 5. 4) Смѣшеніе не только родовъ, но и падежей въ причастіяхъ: всаженъ быть въ бочк*у* имущ*и* 3 дна. 26.

Третій почеркъ, какъ по фонетикѣ, такъ и по формальнымъ особенностямъ принадлежитъ несомнѣнно XIV вѣку.

Академическій списокъ относиття уже къ XV.

---

[1]) О языкѣ сѣв. р. лѣтописей стр. 149.

[2]) Ibid. 156.

Къ XIV вѣку относятся два списка Житія св. Бориса и Глѣба, написаннаго Іаковомъ [1]).

Такъ какъ мы имѣемъ и отъ XII вѣка списокъ того же сочиненія [2]), то не безполезно будетъ сравнить здѣсь эти списки: сравненіе наглядно можетъ указать на нѣкоторыя довольно важныя измѣненія, совершившіяся въ фонетикѣ и формахъ русскаго языка съ XII—XIV ст. Сравненіе это приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Глухіе при плавныхъ постоянно выдерживаются въ спискѣ XII вѣка и постоянно замѣняются чистыми въ спискѣ XIV: стопълкъ—святополкъ 42 [3]), оутърпывати—утерпати 43, омьртвѣща—изъмертвѣша 56, стълпъ—столпъ 71, пьрьсть—персть 72, страстотрьпца=страстотерпца 84.

Въ корняхъ и суффиксахъ большею частію глухіе удерживаются въ спискѣ XII в. и почти никогда въ сп. XIV: непраздьну—непраздну 42, крѣпъкъ—крѣпокъ 43, страшьнѣ—страшнѣ 48, вѣньць—вѣнець 58, шатьру—шатру 50, отъни съмьрти—отни смерти 55, до коньца—до конця 59, потьщаться—потщатся 44, пришльци—пришельци 71, лядьску—ляскую 64, съшьлися—сошлися 87, зьдатели—здатели 86, тъпътъ—топотъ 49 [4]), горькы—горкы 52.

Въ этомъ послѣднемъ словѣ списокъ XIV в. постоянно опускаетъ *ь*, такъ что *р* является твердымъ. Тотъ же списокъ почти постоянно опускаетъ *ь* и при другомъ плавномъ—*л* [5]): сильныи—

---

[1]) Одинъ изданъ Срезневскимъ 1860 г., вмѣстѣ съ житіемъ тѣхъ же князей, написаннымъ Несторомъ; другой напечатанъ Бодянскимъ въ Чтеніяхъ 1870 № 1.

[2]) Чтенія 1870 № 1.

[3]) Страницы обозначены по изданію Срезневскаго.

[4]) „тъпътъ зълъ." Въ сп. XIV в. Чудова мон. (Чт. 1870 № 1): „*ше*потъ золъ,"—что кажется вѣрнѣе.

[5]) Твердый гласный вм. мягкаго при *р* и *л* встрѣчаемъ и въ сп.

силныи 59, недѣльный—недѣлныи 84, большая—болша 53, вельми—велми 54, Ольгови—Олгови 86.

Случаевъ, въ которыхъ списокъ XII в. ставилъ бы чистый гласный звукъ тамъ, гдѣ въ спискѣ XIV стоитъ глухой,—нѣтъ; но есть два случая опущенія глухаго въ спискѣ XII в. при сохраненіи его въ сп. XIV: раснъ—разънъ 42, скровищю—съкровищу 71.

2. *ии* въ спискѣ XIV вѣка измѣняется на *еи* тамъ, гдѣ въ спискѣ XII в. оно остается неизмѣннымъ: Григориıа — Григорѣя 87. Чаще такая смѣна въ спискѣ Чуд. мон: Василеи 2, Дмитреи 14, излѣй. 15, убѣица 5 [1]). Тамъ же и *и* въ срединѣ слова иногда обращается въ *е* (ѣ): къ нѣмъ 7. Вмѣсто конечнаго *и* списка XII в. въ спискѣ XIV иногда ѣ (=е): люти—лютѣ 16.

3. Вмѣсто *ѣ* является въ нѣкоторыхъ словахъ списка XIV в. *и:* отъ рогнѣди—отъ рогниды 42. Больше случаевъ такой смѣны въ спискѣ Чуд. мон.: сверипа 8, свѣрипии 10, свѣдительствуите ib., сѣдити 12.

4. Гортанные въ спискѣ XII в. сочетаются большею частію съ твердыми, въ спискѣ XIV съ мягкими: грекыни—грекини 42, отъ рукы—отъ руки 48.

Еще болѣе рѣзкое различіе представляется въ *формахъ* сравниваемыхъ списковъ.

Вмѣсто *я* = ѧ въ формахъ существительныхъ именъ сп. XIV в. ставитъ *и*, списокъ XII *ѣ* = *е;* тоже и въ прилагательныхъ: отъ българынѣ—отъ болгарыни 42, вышегородьскыѣ мужѣ—вышегородьскыи мужи (—ыя мужа Сп. Ч. м.), гордынга—гордыни 68, воѣ—вои 43, приведъ зьдателе—здатели 86, отъ инога—инои 42.

Разъ только въ спискѣ XII в., въ прилагательномъ имени *и* вм. древняго ѧ: „испълниса церкы вонѣ пречудныи," чему въ спискѣ XIV соотвѣтствуетъ: „исполнися церкви благоуханія и вонѣ пречуднѣ." Окончаніе последняго слова, кажется, искусственно: вѣроятно оно обязано своимъ появленіемъ только стремленію

Чуд. м.: горкы, понедѣлникъ 10. силныи 11. Въ спискѣ XIV в. твердыи вм. мягкаго въ формахъ слова *князь*: князю—князу 74, 85.

[1]) Въ изд. Срезневскаго: убница, въ спискѣ XII в.: убоица.

писца къ полному согласованію (на письмѣ) прилагательнаго съ существительнымъ.

Раза два вм. *ѣ (е)* списка XII в. стоитъ болѣе древнее *я* въ спискѣ XIV: отъ землѣ—отъ земл*я* 72, свѣщ*ѣ* горущ*ѣ*—свѣщ*а* горущ*а* 60 (въ спискѣ Ч. м.: свѣщ*и* горѧщ*а* 11). Конечно, для списка XIV вѣка такое окончаніе есть только письменный архаизмъ.

Въ окончаніи предложнаго падежа существительныхъ списокъ XIV вѣка употребляетъ уже безразлично *ѣ (е)* —какъ для твердаго такъ и для мягкаго склоненія: по оц*й*=по отц*ѣ* 45, на кон*и*—на конѣ 63, въ земл*и*—въ земл*ѣ* 71. Тоже и въ сп. Ч. м.: въ сердц*ѣ* 3, на столѣ отн*ѣ* 5.

Иногда вмѣсто конечнаго *ѣ* въ спискѣ XIV вѣка стоитъ *и*: въ печали крѣпъцѣ—въ печали крѣпц*и* 48. Тоже и въ сп. Ч. м.: о Борис*и* 12. Это—особенность не формальная, а фонетическая.

Формы согласнаго склоненія являются невыдержанными въ обоихъ спискахъ: обѣ чудеси—обѣ чюдѣ 73, но-телѣ—телесѣ 46.

Нѣкоторыя формы склоненій сп. XII в. могутъ показаться на первый взглядъ менѣе правильными, чѣмъ соотвѣтствующія имъ формы сп. XIV: руськ*ѣи* земл*и* — руск*ыя* земл*я* 42, чюдес*ы*—чюдес*а* 66. Но первое слово въ спискѣ XII вѣка стоитъ въ дательномъ падежѣ, а не въ родительномъ: „сущю самодрьжьцю вьсеи руськѣи земли" [1]); второе въ творительномъ, а пе винительномъ: „или могу вьсıа съповѣдати или сказати творимая чюдесы" (т. е. творимое—чѣмъ?). копии—копьи 50—не винительный, а творительный: „насунуша копьи Путяша и Тальць" сп. XIV в. 50 „насунуша копии оканьнии Путьша, Тальць" сп. XII в. г̃ „насунуша *и* копьи оканнии Путьша и Тальць." Сп. Ч. м. 6.

Въ глагольныхъ формахъ самое рѣзкое различіе списка XIV в.

---

[1]) Такъ вм. род. сп. XIV в. употребленъ въ сп. XII дат. въ слѣдующемъ выраженіи: начальникъı вьс*еи* неправьд*ѣ*—начальникъ вьсеи неправды 47. Вин. отъ чудо въ обоихъ спискахъ правильно: предивьная чюдеса—предивная чюдеса 66.

отъ списка XII—это опущеніе въ первомъ ъ передъ *ся* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ настоящаго времени: потъщитьсıа—потщится 44, противитьсıа—противится 16, хвалıатсıа—хвалятся 66 [1]).

XV вѣкъ.

I.

Съ каждымъ столѣтіемъ, какъ видно изъ предъидущаго, количество памятниковъ, дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ, увеличивается. Отъ XV вѣка имѣемъ очень много какъ памятниковъ церковной, такъ и гражданской письменности.

Изъ граматъ, актовъ и договоровъ приняты были нами въ соображеніе при нижеприводимыхъ выводахъ: триддать семь, напечатанныхъ въ I т. А. Э. [2]), четырнадцать въ I т. А. И. [3]), двадцать восемъ въ I т. Д. къ А. И; [4]), двадцать три въ А. Юр. [5]), восемьде-

[1]) Отмѣтимъ еще неорганическое *с* въ н. н. глагола припати – прі*яс*ти 49.

[2]) №№ 25 и 26 (ок. 1430); 30—36 (1435—62); 41, 47 и 48 (1448—1450); 54, 60, 62, 65—68; (1453—62); 71, 85, 96, 97, 101, 107, 108, 111, 114—16, 123—28, 132, 134 (1462—97); 376 (1462—91); 379 (1484).

[3]) №№: 13 (пр. 1402), 15 (1404), 17 (ок. 1411), 32 (1427), 36 (1430—56), 49 (1450), 54 (ок. 1453), 58 и 59 (1455—62), 74 (1462—67), 80 и 81 (1464—1501), 100 (1490), 106 (1498).

[4]) №№: 184 (1428—34), 185 (1435—47), 186 (1448—62), 187—198 (1448—68), 199 (1462—83), 200 (1467), 201 и 202 (1468—75), 203—205 (1471), 206 и 207 (1471—75), 208 (1476), 209 (1476—81), 210 (1477), 214 (1496).

[5]) №№: 1 (1479—81), 3 (1485—1505), 4 (пр. 1490), 6 (ок. 1490), 7 (пр. 1491), 73 (1448—68), 74 (1469), 75 (1494), 111 (1471—75), 120 (ок. полов. XV в.), 121 (1435—47), 122 (1484), 139 (1448—68), 140 (послѣ 1462), 142 (1483—1502), 143 (пр. 1485), 144 (тоже), 233 (1483), 234 (1499), 257 (XV в.), 267 (тоже), 411 (1473), 412 (1482).

сятъ девять въ I т. С. г. гр. и д. [1]), двѣ ibid. во II т. [2]); двадцать пять въ А. З. Р. т. I [3]); тридцать двѣ въ А. К. I—II [4]); всего—двѣсти пятьдесятъ граматъ (разумѣя подъ этимъ словомъ и собственно граматы, и акты, и договоры и проч.).

Такое количество граматъ даетъ возможность исключительно по нимъ характеризовать состояніе звуковъ и формъ въ XV вѣкѣ.

Представляемъ эту характеристику.

А. Звуки.

а) Г л а с н ы е.

Что глухихъ въ XV вѣкѣ уже не было, это ясно изъ предъидущаго. Слѣды ихъ встрѣчаются однако же и въ памятникахъ этого вѣка. Мы разумѣемъ здѣсь изрѣдка встрѣчающееся употребленіе чистаго гласнаго вмѣсто глухаго въ окончаніи словъ и въ срединѣ ихъ тамъ, гдѣ впослѣдствіи гласный звукъ совсѣмъ изчезаетъ: здес*е* Д. I. 99. Ѳедор*о* А. Юр. 71. Разуевъ остров*о* ib. коли то князь мертвъ Иванович*е* ib. Смен*е* (но и—Сменъ, Семянъ—дважды) ib. псал*о* ib. въ от*е*ча мѣсто ib. чюдотвор*е*цевъ С. I. 46. Боров*е*скъ ib. 74. Можа*е*скъ ib. 79. 98. *ку* вѣчной памяти А. З. Р. 31 гон*е*ци А. К. 31 XVIII. Водыш*е*ское А. Э. 47.

Встрѣчающееся въ приведенныхъ примѣрахъ мягкое окончаніе вмѣсто твердаго принадлежитъ новгородскому говору; *у* вмѣсто древняго ъ (ку = къ) имѣетъ мѣсто только въ А. З. Р.

---

[1]) №№: 38, 39, 41, 42, 46, 47, 49, 50, (первой четверти XV в.); 18, 19, 52—75 (второй четверти); 76—104 (третьей четверти); 105—130 (послѣдней четверти).

[2]) №№: 14 (1400), 16 (1414).

[3]) №№: 17—32 (первой четверти XV в.); 36, 37, 45, 46, 51 (второй четверти); 80, 94, 115, 151 (послѣдней четверти).

[4]) №№: 31: I—VIII, X и XI (второй четверти XV в.), IX (1447—56), XII—XV, XVII, XIX и XX (третьей четверти); XXI (1498); 30: I (1442—43), II (1479); 37 (1455—62); 38 (1462—78); 52: II (1462—1505), III (1490); 63: VII (1432—43), X (1448—68); XIV (1474—78); 82 (1391—1428); 84 (1459). Во II-мъ томѣ—одна грамата: III (годъ неизвѣстенъ).

Какъ на слѣдъ нѣкогда бывшаго глухаго можно смотрѣть и на вставное *е*, явившееся вслѣдствіе потери конечнаго ера: земель А. И. 15, А. Юр. 3. рубель А. З. Р. 21.

Сюда же относится и нерѣдко встрѣчающееся въ памятникахъ окончаніе *ьи* = *ій*: Юрьи (= Юрій) С. I 24, Григорьи (= Григорій) А. Юр. 71. Впрочемъ на мѣну *ій* съ *ьи* можно смотрѣть и какъ на явленіе простой перестановки звуковъ: Юрьи = Юрjи.

2. Измѣненіе начальнаго *а* на *о* встрѣчается во множествѣ случаевъ: Олеша А. Юр. 1. Офонасьевъ ib. Оксинфо ib. 71. Ортемья ib. Ортемей ib. Обросима ib. Оврама ib. Оленъ Д. I 191. Ондрея 207. Овдотья ib. Ондреика А. И. 15. Ографену ib. 32. Онтонья ib. 80. Олексѣю С. I, 12. Орхимандритъ ib. 122. Обросимъ А. К. 126 I. Ондрея А. З. 376. Лишь очень рѣдко удерживается начальное *а*. Встрѣчаясь въ тѣхъ же граматахъ, гдѣ преобладаетъ *о* изъ *а* (напр. Афанасеи А. Юр. 1. Андреевичамъ ib.), оно, конечно, не есть проявленіе живаго говора, а только подражаніе образцамъ, свидѣтельство о знакомствѣ писавшаго съ настоящею, этимологическою формою слова.— *о* вмѣсто *а* въ срединѣ словъ рѣдко. Кромѣ словъ, сложныхъ съ предлогомъ *роз*=*раз* (розбоя Д. I. 208 розбои А. Э. 35), оно встрѣтилось намъ лишь въ слѣдующихъ словахъ: знахори А. Юр. 4. довалъ Д. I. 191—92 довай ib. 192 судоковъ ib. боранъ А. Э. 123 заплотятъ А. И. 15.

3. Еще рѣже обратное явленіе: смѣна *о* на *а*: пожалавала А. И. 81. Рамановской ib. никакова С. I. 68.

Послѣдній примѣръ заимствованъ изъ можайской граматы; первые два встрѣтились въ граматахъ рязанскихъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ на *а* измѣнилось *о* неударяемое. При томъ же условіи измѣнилось и *а* на *о* въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, за исключеніемъ однако послѣдняго, въ которомъ, наоборотъ, *о* явилось на мѣстѣ *а* ударяемаго. Грамата, гдѣ имѣетъ мѣсто этотъ случай, тоже рязанская. Граматы, въ которыхъ *о* изъ *а* неударяемаго принадлежитъ сѣверному говору. Слѣдовательно, въ XV столѣтіи уже, а вѣроятно и раньше, южно-русскій говоръ обращалъ неударяемое

о въ *а* (и ударяемое *а* въ *о*?); сѣверный русскій—наоборотъ—обращалъ неударяемое *а* въ *о*.

4. Измѣненіе *и* въ *е* часто, какъ и въ предъидущемъ столѣтіи, имѣетъ мѣсто въ концѣ словъ и въ срединѣ передъ гласнымъ: Дмитр*е*евъ А. Юр. 3. у Климуш*ѣ* ib. 71 володѣт*ѣ* (и) ib. 110 С. I. 82 запродалѣ А. Юр. 138 дѣт*ѣ* ib. 71. жаловал*ѣ* А. Э. 62 купц*ѣ* ib. Кипр*е*янъ С. I. 88.

Въ срединѣ словъ—передъ согласнымъ—*е* изъ *и* встрѣтилось лишь въ одномъ словѣ: тро*е*цкаго А. Юр. 1. А. И. 59. А. Э. 107. Впрочемъ, быть можетъ, это *е* не изъ *и*, а изъ *й* (j) = ь = jъ: Тройца = Троj + ьц + а.

Въ одномъ лишь словѣ, и притомъ только однажды, встрѣтили мы *е* изъ *и* въ началѣ слова: *Е*(И)ванъ А. Юр. 1.—*ей* изъ *ий* встрѣчается также часто, какъ и въ предъидущемъ столѣтіи: Васил*ей* А. И. 54. 58 А. Э. 33. княжен*ей* Д. I 193. А. Э. 60 верхн*ей* А. Юр. 4. Ортем*ей* ib. 71 Улас*ей* ib. 234. дѣт*ей* ib. 71. Григор*ей* А. Э. 60. Өеодос*ей* ib. 54. Орсен*ей* ib. 126. Дмитр*ея* С. I. 49 молодш*ей* ib. 72 обч*ей* ib. 77, больш*ей* ib. 86. Дмитр*ею* А. З. Р. 151. Люд*ей* А. К. 31. I. Патрик*ѣй* ib. 82.

5. Также часто становится въ этомъ вѣкѣ и аналогичное звуковое явленіе: *ой* вм. *ый*: монастырск*ой* А. И. 15. котор*ой* ib. новгородск*ой* Д. I. 189. Өарофонтьевск*ой* А. Юр. 3 окован*ой* ib. 409. котор*ой* С. I. 49. А. Э. 48 посельск*ой* ib. 31. смѣсн*ой* ib. 41. бур*ой* А. К. 82 стар*ой* ib. 53.

Въ срединѣ словъ *о* вмѣсто *ы*, какъ и въ предъидущемъ столѣтіи, лишь въ словѣ-н*о*нѣ-вмѣсто н*ы*нѣ-и въ производныхъ отъ него: нонича А. И. 58 нонѣшное С. I. 121.

6. *о* вмѣсто *у* встрѣтилось только въ двухъ собственныхъ именахъ: Пафн*о*тій Д. I. 210. Пахн*о*хтій А. З. Р. 46. Пафн*о*тьевъ С. I. 121. Рад*о*нежъ ib. 78, но-Рад*у*нежъ ib. 74. (Что, впрочемъ, первоначальнѣе?).

Примѣромъ обратной звуковой смѣны можетъ служить развѣ слово—нов*у*городское С. I. 79. 106. Что до слова—торг*у*вати А. З. Р. 21, представляющаго примѣръ измѣненія глаголовъ на *овати*

въ *увати*, то это явленіе составляетъ исключительную принадлежность языка А. З. Р.—*у* съ *в* мѣняется рѣдко: *у*стрѣтенья А. Э. 35, *в*рядникъ А. З. Р. 21. *в*рочища ib. 30.

7. *и* вм. древняго *ѣ* встрѣчается только въ новгородскихъ памятникахъ и въ А. З. Р.: м*и*сто А. Юр. 71. на п*и*ску ib., возли ib. дивочку ib. 411. володилъ ib. 71, подли А. З. Р. 30 соби ib. 31.

8. Ударяемое *е* переходитъ въ *о*. Это явленіе имѣетъ мѣсто не только при шипящихъ, чему примѣры представляютъ и памятники предъидущаго столѣтія, но и въ другихъ случаяхъ. Такъ въ словѣ—*рублов*ъ А. Юр. 71—*л*, по всей вѣроятности, должно быть произнесено мягко, т. е. приведенная форма есть тоже, что—*рублёвъ*.—*о* изъ *е* при шипящихъ является не только тогда, когда послѣдній звукъ стоитъ подъ удареніемъ: ещ*о* А. И. 59. Д. I. 197, ни въ чомъ ib. 208, но и тогда, когда на *е* не падаетъ ударенія (примѣры—ниже), что должно объясняться усилившимся стремленіемъ сочетать шипящіе съ твердыми.

9. Смѣшеніе *ы* и *и* имѣетъ мѣсто только въ новгородскихъ памятникахъ и въ А. З. Р.: съ ив*и* А. Юр. 71. четыр*ы* ib., отмол*ы*лся 409. н*и*нѣ А. З. Р. 45.

Въ новгородскихъ же только памятникахъ встрѣчается вообще употребленіе твердыхъ вмѣсто мягкихъ (и наоборотъ [1]): съ нижного А. Юр. 71 (дважды), во вседневніи службы ib. 409, верхные и нижные ib.

Въ А. З. Р. нерѣдко ставиться твердый вмѣсто мягкаго при *р*. Въ памятникахъ другихъ мѣстностей можемъ указать лишь на одинъ

---

[1]) Встрѣчающіеся и въ другихъ граматахъ несмягченные гласные вмѣсто смягченныхъ стоятъ, безъ всякаго сомнѣнія, внѣ связи съ живымъ говоромъ: Васил*і*а А. Э. 108, жит*і*а ib. Это одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ примѣровъ того, что языкъ актовъ и т. п. памятниковъ нерѣдко отличается искусственностью и ни въ какомъ случаѣ, за немногими исключеніями, не можетъ считаться чисто народнымъ. Какъ на фактъ письменности, а не живаго языка можно смотрѣть и на формы: им*я*ни С. I. 53, верем*я*ни ib. 77, 88. Они объясняются ложной этимологіей.

такой случай: карую А. К. 82. Тамъ же находимъ и обратный случай: берютъ 31. XVIII.

10. Перегласованіе въ этомъ вѣкѣ охватываетъ огромную массу словъ, имѣя мѣсто послѣ j, шипящихъ, ц, м, н́, р, т, в: j: Іева А. Юр. 3, *е*нъ (онъ,=енъ?) ib. 7, въ *Е*рославци С. І. 114. *Е*рославичи ib. 116, *е*чменю А. З. Р. 115, *Е*кимъ А. Э. 48; *шип*: ни*ще*го А. И. 32, боль*ше*го ib. 54. А. Юр. 3, заслы*ше*въ А. Юр. 6, мен*ше*во ib. 412, слы*ше*въ С. І. 43. 98, молод*ше*го ib. 49. 53, слы*ше*въ А. Э. 33, коню*ше*го ib. 41, пис*че*го ib. 125, хотя*ще*го ib. 24; *ц*: три*дце*ть А. Юр. 7, два*дце*ть С. І. 122, двадцети А. Э. 107, за двадцет. А. К. 52. II. тритцет ib., ры*це*рского А. З. Р. 2; *м*: не вере*ме* А. Юр. 7; *н*: лѣт*не*го А. И. 54, верх*не*го (дважды) А. Юр. 41, зад*не*го С. І. 69, к*не*гиня А. З. Р. 115; *р*: на *ре*бенинку А. Юр. 7, *ре*занского С. І. 116; *т*: по*те*гло А. И. 15. С. І. 116 (дважды); *в*: де*ве*тдесятъ С. І. 116, с*ве*того А. З. Р. 42, с*ве*той ib. 72, светую ib.

11. Приставной гласный звукъ въ началѣ замѣтили мы только въ А. З. Р.: *И*львовского 21. Тамъ же слѣдующіе случаи опущенія гласнаго звука: чтыриста 18, котрая 30 маеть 37.

Въ великорусскихъ памятникахъ опущеніе встрѣтилось въ слѣдующихъ словахъ: (о)врагомъ А. Юр. 75. С. І. 117, (о)врагъ А. Юр. 143, при игумни ib. 110, лов(и)ща ib. 71, по половнамъ ib. 260, но ib. и по половинамъ. Послѣдніе два примѣра, быть можетъ, и описки.

12. Изрѣдка является стяженіе гласныхъ: сказывашъ С. І. 50, не примати А. К. 31. І. не примат ib. 31. XVIII. Сюда же можно отнести и слѣдующіе случаи, хотя и не вполнѣ тожественные съ предъидущими: съ брат*е*ю А. К. 31. II. V, стар*е*шего ib. 126. III. Здѣсь имѣемъ не стяженіе, въ собственномъ смыслѣ, а выпущеніе йотъ, въ первомъ примѣрѣ предшествующаго гласному (съ братьею = съ братјею), во второмъ—слѣдующаго за нимъ.

Тожественное съ первымъ случаемъ явленіе представляютъ слѣдующіе примѣры: суд*я* А. К. 52. III. (нѣсколько разъ), Зинов*я* ib. 31. V., полтрет*я*тцать ib., Васил*я* Васил*е*вича 31. XIV. Во всѣхъ этихъ случаяхъ изчезаетъ йотъ, оставляя свой слѣдъ въ смягченіи

предъидущаго согласнаго: судя = суд'а = suďa вм. судья = судја = sudja.

Въ А. З. Р. встрѣчаемъ обратное этому явленіе: *ja* вмѣсто *a* съ смягченіемъ предъидущаго согласнаго звука: жеребьяти = жеребјати вмѣсто жеребяти = жереб'ати = žereb'ati.

Явленіе это не составляетъ исключительной особенноси языка А. З. Р. Есть подобные случаи и въ новгородскихъ памятникахъ. Такъ въ 1-й новгородской лѣтописи по академическому списку находимъ формы: Уст*ьюг*ъ (= устјугъ) 99, уст*ьюж*скии князи ib. 74.

б) Согласные.

1. Смягченіе гортанныхъ встрѣчается нерѣдко и въ памятникахъ этого вѣка, но вѣроятно въ живомъ языкѣ оно было уже утеряно: на вѣ*ц*ѣ А. И. 17, *ц*ѣмъ ib. по дензѣ ib. 58, въ Бежицкомъ вер*с*ѣ 59, намѣстни*ци* Д. І. 205, на рѣ*ц*ѣ А. Ю. 3, на рѣч*кѣ* ib., послу*хи* ib. 71, по доро*зѣ* ib. 142, о нашемъ ли*хе* С. І. 76, о ли*сѣ* ib. 77 (и послѣдующія), на Бозѣ ib. 82, своей сно*с*ѣ ib. 83, на рѣ*ц*ѣ ib. 86, на рѣ*ц*ѣ на О*ц*ѣ ib. 116, недрузи ib. 115, без*хи*тростный А. Э. 25, *хи*трости ib. 33, по полудензѣ ib. 34, о ли*сѣ* ib. 33, мо*гя* А. К. 126 І.

Случаевъ смягченія, какъ видно изъ этого, не мало, но едва ли они не представляютъ собою только книжную установившуюся форму: въ граматѣ 1451-2 встрѣчаемъ, напр. форму—о ли*хе*; *въ послѣдующихъ* же-о ли*сѣ*; въ одной и тоже грамотѣ—на рѣ*цѣ* и на рѣч*кѣ*.

2. Шипящіе и *ц* хотя и соединяются съ мягкими, но чрезвычайно рѣдко; на оборотъ—сочетаніе ихъ съ твердыми сдѣлалось правиломъ; оно встрѣчается въ памятникахъ даже и тамъ, гдѣ, быть можетъ, въ живомъ говорѣ и неслышались: сели*що* А. И. 13. Богороди*цы* ib. 149, такъ*жо* ib. 59, *ещо* ib., отка*жо*тъ ib., ска*жю*тъ ib. 74, су*жю* ib., дер*жы* ib. 100, Васильеви*ча* ib., житни*цю* ib. 32, госпо*жю* ib., прика*жю*ть ib. 49, *чю*дотвор*ца* Д. І. 186, кня*жы* ib. 191, ле*що*въ ib. 192, е*що* ib. 197, *жы*ти ib. 200, *жы*вучи ib., прика*зщы*ки ib., ни въ *чо*мъ ib. 200. II. 208, приго*жо* ib. 210, стар*цю* ib. пи*що*тъ А. Ю. 1. *шо*дши ib. 6, *шо*стой ib. 7, перевѣси*що* ib. 71, дво-

ри*щ*о ib., ходя*ч*ои ib. 74, су*жу* се ib. 409, новотор*ж*цовъ С. I. 18, молод*ш*ому ib. 43, ду*ш*овной ib. 58, слы*ш*овъ ib., от*ца* ib. 47, так*жо* ib. 50, слу*жо*бныхъ ib., ли*шо*ны ib., опи*шо*мы ib. 100, ру*чя*и ib. 117, кашин*цо*въ ib. 76, врочи*ща* А. З. Р. 30, грани*цю* ib., стар*цы* ib., *чо*го ib. 80, прика*жо*тъ А. К. 31. XVIII, ли въ *чо*мъ ib. 31. IX, къ старожил*цо*мъ ib. 31 V, хлѣб*цо*въ А. Э. 32, дан*щи*ку ib. 128, ле*що*въ ib. 66, стар*цо*въ ib. 98, прика*жо*тъ ib. 111, су*жю* ib. 66, су*жу* ib. 111, въ на*шо*и ib. 116.

Изъ этихъ примѣровъ видно, въ какой степени ничтожно количество случаевъ употребленія шипящихъ съ мягкими сравнительно съ количествомъ случаевъ употребленія ихъ съ твердыми. Встрѣчая въ однихъ и тѣхъ же словахъ и притомъ въ однихъ и тѣхъ же граматахъ шипящіе (и *ц*) съ твердыми и мягкими, и замѣчая громадный перевѣсъ на сторонѣ сочетаній перваго рода, имѣемъ полное право заключить, что въ живомъ языкѣ шипящіе (и *ц*) сочетались въ XV ст. только съ твердыми.

Мѣна *ч* на *ц* встрѣчается и въ этомъ столѣтіи какъ мѣстная особенность: Стар*ч*евъ А. Э. 62, *ц*то А. К. 126 I., от*ц*ину ib., кон*ц*ать С. I. 18, от*ц*инѣ А. Юр. 71, отъ*ч*а ib., у пе*ц*ати ib., въ ри*ц*ки ib.

3. Твердое *л* встрѣчается нерѣдко. Представляемъ случаи его употребленія: столникомъ А. И. 13, селцо ib. 15, усолскіе ib. 49, но—усольскые Д. I. 191, старожилца А. И. 59, старожилцемъ Д. I. 193, старожилцомъ А. Э. 60, доброволно Д. I. 186, но—добровольно ib., волны А. З. Р. 36, доволно А. Э. 26, поселскій Д. I. 191, новоселская ib. 193, поселское А. З. Р. 17, но—новосельскій ib. 80, поселской А. Э. 31, поселникомъ ib. 108, мелника А. З. Р. 94, жаловалную А. Э. 62, велми ib. 108, мылни ib., силно ib. 379.

4. Самою важною особенностью въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ является въ памятникахъ этого вѣка употребленіе *в* вм. *г* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ и мѣстоименій.: велико*в*о Д. I 198, ставлено*в*о А. К. 31 XIX, въ *в*олостно*в*о ib., никако*в*а С. I. 68.

Случаи такой смѣны встрѣчаются однако очень рѣдко. Зна-

читъ ли это, что явленіе еще только зарождалось, или въ употребленіи, почти постоянномъ,—*ого*—слѣдуетъ видѣть только установившійся способъ писанія? Послѣднее, кажется намъ вѣроятнѣй: иначе какъ объяснить,—что въ одной и той же граматѣ встрѣчаемъ—велик*ово*, но ib.: свят*ого* и даже свят*аго*.

5. Явленіе это стоитъ, вѣроятно, въ связи, какъ то замѣчено нами и выше, съ развитіемъ случаевъ употребленія губнаго придыханія: у Выгната А. Юр. 71. въ вудѣлехъ С. I. 43. въ вудѣлъ ib. 49. на востромъ конце ib. 130. у въ озера А. З. Р. 17.

Придыханіе гортанное, напротивъ, въ этомъ столѣтіи отмѣтается: осподарю А. Э. 25. осподина С. I 103.

6. На усиленіе губнаго элемента въ языкѣ указываетъ, быть можетъ, и смѣна *н* на *м*: Микифоръ А. Юр. 71.

Обратное явленіе—смѣна губнаго на звукъ другаго органа встрѣтилась намъ лишь въ одномъ словѣ: ос*л*ободилъ А. Э. 36.

Смягченіе губныхъ звуковъ является иногда тамъ, гдѣ оно не имѣло мѣста въ болѣе древнюю пору: на усп*ле*нье Д. I. 191. усп*ле*нье А. Э. 66.

7. Опускаются въ срединѣ словъ слѣдующіе согласные звуки: в, н, д, т: *в* передъ *и* послѣ *б:* обинитъ А. Э. 25, 26, обинити С. I. 59, 76, 88.—*н* передъ группой *ст:* костянтинъ А. Э. 33.—*д* передъ *м, ц,* между *з*-н и *р-ц:* семдесятъ А. Э. 85; двацать С. I. 121, трицать А. К. 63 VII, двацать ib.; о празницехъ ib. 38, празникъ Д. I. 182. А. И. 80, празники ib. 100; на серцѣ С. I. 61.—*т* между *с-ц, с-н* и передъ *ч:* исцевъ А. Э. 47; намѣсницы ib. 65, намѣсникомъ А. К. 31 XIII, намѣсники С. I 84, намѣснику Д. 187, намѣсниковъ А. И. 59; очины С. I 60. 66.

Послѣдній случай можетъ быть понятъ и какъ явленіе ассимиляціи.

8. Изъ измѣненій согласныхъ, условленныхъ группами ихъ, отмѣтимъ изъ граматъ этого вѣка слѣдующіе: *кт* = *хт:* хто Д. I. 192. С. I. 66; *чт* = *шт:* што Д. I. 193.; *зс* (зъс...) = *с:* истарины С. I. 47; *бк* = *пк:* паропка А. К. 84; *бщ* = *пч:* вопче А. К. 53, въпщ(ч)е А. Юр. 260; *рх* = *нх:* анхимандричь А. И. 106; *тс* =

тц: случитца А. И. 15, убьетца Д. I. 190, достащшетца (3-ды) А. Юр. 260, не вступатци (3-ды) ib., не вступатца С. I. 60, перемѣнитца ib. иметца ib. 89, пошлетца ib., лучитца А. К. 31 XII; *тс = ц:* соцкии А. Юр. 140, десяцкои ib.; *зж = щ:* въѣщаютъ А. И. 81. А. К. 31 XVIII; *зж = жж:* отъѣжжими С. I. 67, взоѣжжого А. Э. 123; *дш = щ:* молощая С. I. 53; *дч = тш:* довотшиковъ А. Э. 41, праветшикъ ib.; *сч = щ:* опищикъ А. Э. 30; *дч = тщ:* праветщикъı А. И. 15.

Это—измѣненія органическія, но очень часто встрѣчаются въ памятникахъ этого вѣка (чего не встрѣчалось раньше) такія сочетанія согласныхъ, которыя никогда не могли и не могутъ существовать въ живомъ народномъ говорѣ, и которыя обязаны своимъ появленіемъ только этимологическимъ мудрованіямъ писца. (Нельзя не замѣтить при этомъ вообще, что языкъ актовъ и граматъ XV вѣка отличается большею искусственностью, чѣмъ въ предъидущіе вѣка). Сюда относятся группы: *дц, дцк, дцск, дщ; тцк, тцск, тщ, тцтв; цс, цск; зж, зщ; жщ, жжд: дцк:* звенигородцкомъ А. И. 15, городцкими ib., городч(ц)кіи А. Юр. 409, городцкой ib. новгородцкому ib. городцкихъ А. Э. 107. *дцск:* новгородцская С. I. 108, загородцскіе ib. 130, городцскіе А. К. 31 XIV (Вмѣсто этихъ сочетаній въ живомъ языкѣ существовало, конечно, только *цк.*) *дщ:* доводщикъ А. И. 15. А. К. 31 VI доводщика ib. 58. отводщикъ А. Юр. 149. 144. выводщика С. I. 88. Вмѣсто этого сочетанія встрѣчаются и *дч:* довотчики А. И. 59, и *тщ:* довотщики А. К. 30 I, и *тш:* довотшики А. Э. 41. (Живому языку, по всей вѣроятности должно было принадлежить только послѣднее.) *тцк:* сотцкимъ А. И. 74. *тцск:* бѣжитцскимъ С. I. 66. сотьцкому ib. 74. сотцскимъ А. К. 31 XIV, десятцскимъ ib. *тцтв:* въ братцтвѣ С. I. 66. *цск:* троицьскаго А. И. 58 бѣжицскаго С. I. 78. (Что въ живомъ языкѣ *цск* должно было слиться въ *цк*, само собою разумется). *зж:* не въѣзжаютъ А. Э. 47. *зщ:* приказщикъ А. И. 15 Д. I 200, 208 А. К. 31 VI заказщики А. Э. 116. *жщ:* въѣжщаютъ А. И. 15 отъѣжщими С. I. 90 *жжд:* въѣжждаютъ А. Э. 31, 379.

Къ невозможнымъ звуковымъ сочетаніямъ должна быть отнесе-

на группа *йтт* (йьт), являющаяся въ н. н.: пойтьти С. I. 55. Что до группы *вспр:* вспросилъ А. Юр. 7, то она въ томъ же словѣ существуетъ и до сихъ поръ въ народномъ языкѣ.

Б. Формы.

а) Склоненія.

По тѣмъ же памятникамъ, изъ которыхъ извлечены предъидущія данныя, представляемъ рядъ примѣровъ, характеризующихъ формы XV вѣка.

Имен. пад.: въ им. ед. ж. р. древнее окончаніе на *и* сохраняется (въ письменности?) въ словѣ: княгин*и* А. Э. 41. Древнее—църкъı —перешло изъ согласнаго склоненія даже по окончанію именительнаго падежа въ склоненіе темы на *и;* церковь А. Э. 71.

Прилагательныя муж. р. оканчиваются на *ой* вм. *ый* и *ей* вм. *ій* (и вмѣсто *ый* послѣ гортанныхъ), что не составляетъ, впрочемъ, особенности формы, а особенности фонетики: полонъ старой и нынѣшней С. I. 52, крайной наволокъ А. Юр. 71, которой ib. 260, А. И. 15, новгородской Д. I. 189, правой и виноватой человѣкъ А. К. 31. II, господинъ тысяцкѣй А. Э. 62.—Не рѣдко встрѣчается стяженное окончаніе—*ы* и *и:* монастырски Д. I. 208, велики А. Э. 60, А. И. 58, А. К. 31. I, С. I. 43, 53, ины А. И. 80, Ярославски и Бѣлозерски А. Э. 60, смѣсны ib. святы ib. 85.

Жило ля такое окончаніе въ языкѣ, или оно принадлежитъ только письменности—рѣшить трудно.

Окончаніе числительныхъ порядковыхъ, конечно, тоже, что прилагательныхъ: третей С. I. 54.—двойственное число употребляется неправильно: обои истци А. Юр. 3. При *полтора* ставится существительное въ род. ед., а прилагательное, къ нему относящееся, въ имен. мн.: $1\frac{1}{2}$ рубля новгороцкіе А. Юр. 73.—Множ. число представляетъ слѣдующее: сущ. м. р. или удерживаютъ правильное окончаніе *и*, или измѣняютъ это окончаніе на *е* (ѣ), — явленіе фонетическое, или употребляютъ вмѣсто него *ы*,—фактъ смѣшенія родовъ: намѣстници А. К. 31. V, намѣстницѣ Д. I. 205, старцѣ А. Э. 62, намѣстницы А. И. 15, посадникы А. Э. 62, попы С. I. 82, 4 годы ib. 87. Въ существ. ж. и ср. рода являются или правильныя

окончанія, или *е* (ѣ), объясняемое также какъ и въ муж. р.: пожнѣ А. Юр. 138, дѣтѣ ib. 110, С. I. 82, княженія А. З. Р. 80.

Числительныя три и четыре употребляются еще съ мн. ч.: 4 годы С. I. 84, тѣ три села А. Юр. 71. Существительныя съ суффиксомъ единичности—*инъ* имѣютъ въ мн. ч. окончанія: *е*, *и* и даже *я*: бояре С. I. 78, бояри ib. 60, бояря А. К. 30. II. горожаня А. Э. 123. Прилагательныя имена во мн. ч. имѣютъ слѣдующія окончанія: Въ муж. родѣ или правильное *іи*: угоръстіи кони А. З. Р. 21; или *ые*: намѣстници мои переяславскые А. К. 31 V; или *ыи*: старыи посадникы А. Э. 62. Это послѣднее окончаніе встрѣчается и въ другихъ двухъ родахъ: граматы жаловалныи С. I. 49, рыбныи ловища А. Юр. 71. Дать точное объясненіе этому окончанію—трудно. Кажется, что здѣсь дѣйствовало взаимное смѣшеніе родовъ: *ы* въ м. р. заимствовано изъ ж. р., наоборотъ *и* (ыи) въ женскомъ изъ мужескаго. Въ среднемъ родѣ встрѣчается еще окончаніе *я* (=ыя): тая великія княженія А. З. Р. 80. Быть можетъ, это окончаніе заимствовано отъ женскаго рода, а быть можетъ образовано по аналогіи съ окончаніемъ существительнаго, къ которому относится. Стяженіе окончаній (ы вм. ыи) встрѣчается и въ мн. ч.: которы люди С. I. 60.

Вин. пад. Вин. пад. въ м. р. иногда равенъ именительному въ именахъ предметовъ одушевленныхъ ед. ч. и сохраняетъ древнее окончаніе—*ы*, *и* во множ.: (всѣсти на) конь С. I. 33. на Татары ib. на Ляхи ib. холопы ib. 18. бѣглеци ib. Такая форма в. п. составляетъ, конечно, только архаизмъ языка, встрѣчаясь лишь въ извѣстныхъ, сложившихся выраженіяхъ. Это видно изъ того, что въ другихъ случаяхъ, встрѣчаемъ тотъ же винительный съ окончаніемъ родительнаго: на царевичевъ С. I. 67, конеи (пятнати) А. К. 31. Встрѣчающійся иногда вин. мѣстоименія 3-го лица въ древней формѣ *на—нь* А. З. Р. 31, безъ сомнѣнія, есть фактъ только письменности, а не языка: въ той же граматѣ встрѣчаемъ и—*его*. И во мн. ч. мѣст. 1-го л. уже *насъ* С. I. 46, 88 вм. *ны*.—Въ в. ед. прил. ж. р. встрѣчаемъ иногда *ою* вм. *ую*: великою княгиню С. I. 68, пречистою его Богоматерь ib. Это явленіе объясняется фонетически черезъ смѣ-

шеніе звуковъ *у* и *о*, смѣшеніе, обнаружившееся въ двойственномъ числѣ, какъ видно изъ предъидущаго, еще въ XII ст.

Въ женскомъ родѣ во мн. ч. встрѣчаемъ уже постоянное *и* на мѣстѣ древняго ѧ: нашы душы С. I. 82, граматы свои А. И 32, тѣ свои земли А. Юр. 1.

Встрѣчающееся иногда правильное окончаніе вин. мн. и дв. чиселъ ср. р.: во вся новгородская мѣста С. I. 108, на обѣ сторонѣ ib. 44—слѣдуетъ, въ виду неправильнаго окончанія въ этомъ родѣ им. падежа, отнести на счетъ письменности, а не живаго языка.

Род. пад. Встрѣчающееся иногда въ м. р. правильное окончаніе на *е* въ согласномъ склоненіи: камене А. З. Р. 21, безъ всякаго сомнѣнія, живому языку уже не принадлежало. Это можно утверждать, основываясь на формахъ мѣстоименій личныхъ 1 и 2 лица, смѣнившихъ уже окончаніе *е* на *я:* меня С. I. 59. А. К. 31 XIV (но ib. и.—мене) А. И. 106. Д. I. 194 (но ib. 192: мене), тобя С. I. 93.

Въ прилагательныхъ и числительныхъ именахъ и мѣстоименіяхъ ед. ч. встрѣчаемъ окончанія *аго, ого, его, ово, ево, ова:* единаго А. Э. 125, десятаго ib. 127, виноватого А. И. 136, святого А. Э. 108, великого А. К. 31, старѣшего ib. 126 III, лѣтнего ib. 54, конюшего А. Э. 111, съ верхнего А. Юр. 110, нижнего ib., ково С. I. 115, никакова ib. 68, суженово А. З. Р. 115, меншево А. Юр. 412, ставленово А. К. 31 XIX, великов А. К. 52 III, третьево С. I. 59, одново ib. 115.

Безъ сомнѣнія, въ этомъ столѣтіи въ живомъ языкѣ господствовала уже форма *ово* и—гдѣ *о* неударяемое измѣнялось въ *а*—*ова* Форма *ого* могла принадлежать и живому языку нѣкоторыхъ мѣстностей, но, конечно, не тѣхъ, въ которыхъ имѣло уже мѣсто окончаніе *ово*.

Такое же разнообразіе окончаній р. п. прилагательныхъ представляетъ намъ письменность XV вѣка и для женскаго рода. Здѣсь встрѣчаемъ (въ прилаг. и мѣстоименіяхъ прилагательныхъ): святыя дѣля Богородици А. Э. 30, которыя земли ib. 33, святыя троица А. И. 32, душа своея А. Э. 108, резаньские земли ib. 25, пронскые земли ib. 26, съ граматы съ откупные ib., съ обонежскіе ib., великіе

княгини ib. 41, изъ добрые воли ib. 108, святіи Богородици А. Юр. 1, пречистыи А. И. 15, земли сѣверскоѣ С. I. 36, святое Богородицѣ А. К. 31. XVIII, тое дани С. I. 52, съ своее вотчины ib. 50, до ее живота ib. 82, изъ нашее деревнѣ А. Юр. 3, нашее Д. I. 192, изъ нашой земли А. З. Р. 21, горней земли А. Юр. 71, моей граматы ib. 201, изъ нашей ib., до медвѣжьи рѣцкѣ А. Юр. 409.

Кромѣ того встрѣчаются случаи стяженія: *ы* является вмѣсто *ые*, *е* вмѣсто *ее:* изъ которы Д. I. 209, матере свое ib. 203, свое великіе княгини ib. 208, иные мое ib. 200.

Такія разнообразныя окончанія ж. р. конечно не могли жить въ языкѣ одновременно. Такъ какъ уже и для XIV столѣтія господствующимъ окончаніемъ является *ое*, *ее*, то для XV должно быть признано нормальнымъ окончаніе *ой*, *ей*.—*ъи* въ род. прил. отъ имен. на *ъя*—окончаніе для этого вѣка на столько же правильное, какъ и род. сущ. на *и* отъ именительнаго на *я*.—*ѣ* = *е*, а тѣмъ болѣе *я* (*а*) отъ тѣхъ же именъ, писаны, конечно, только по преданію.—Окончаніе дательнаго вмѣсто род. есть мѣстная особенность, встрѣчавшаяся и раньше.—Въ мѣстоименіяхъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, тѣ же измѣненія, что и въ прилагательныхъ, за исключеніемъ мѣстоименій перваго и втораго лица, род. падежъ которыхъ потерпѣлъ тоже измѣненіе, что и род. именъ существительныхъ на согласную тему.

Двойственное число и въ этомъ падежѣ, какъ и въ другихъ формахъ, неправильно: съ обѣ половинѣ С. I. 18, промежь дву острововъ ib. 106, безъ дву гривенъ А. З. Р. 122, межи дву овиновъ А. Юр. 7.

Во множеств. числѣ окончанія муж. рода: *овъ*, *евъ*, *еи:* закладщиковъ С. I. 18, бояриновъ ib. 52-59, рублевъ А. Юр. 233, коневъ ib. 409, товарищовъ А. К. 52 II, хлѣбцовъ А. Э. 32. Эти окончанія,—равно какъ окончанія женск. рода на ъ, ь, ей,—замѣчаній невызываютъ. Отмѣтимъ въ ж. родѣ одну только форму — молит*овъ* С. I. 63, со вставнымъ *о* для устраненія группы *тв*.

Дат. пад. Въ мягкомъ склоненіи женскаго рода употребляется окончаніе твердаго: своей госпожѣ С. I. 82, А. И. 32, къ землѣ

А. Юр. 4, своей душе А. К. 31. XVIII. Окончаніе на *и* встрѣчается очень рѣдко и, по всей вѣроятности, въ языкѣ уже не существовало. Даже въ именахъ согласнаго склоненія употребляется *ѣ* (= е): церквѣ С. I. 82, А. К. 31. XVIII, дочерѣ своей А. Юр. 110.

Въ муж. родѣ множ. числа встрѣчается: *омъ, емъ, амъ, ямъ:* бояромъ С. I. 18, но—боярамъ А. Э. 62, намѣстникомъ Д. I. 208, по годомъ С. I. 86, тіуномъ Д. I. 208, крестьяномъ А. Юр. 3, по рубежомъ ib. 142, сыновемъ ib. 409, людемъ А. К. 31. I, столникомъ А. И. 13, слободчаномъ А. Э. 35, Бѣлозерцемъ ib. 36, купцемъ ib., всемъ пяти концемъ ib., таможникомъ ib. 134, торговцомъ ib., посадникамъ ib. 62.

Хотя, такимъ образомъ, преобладающимъ окончаніемъ въ письменности XV вѣка, какъ и въ предъидущемъ столѣтіи, оказывается древнее окончаніе *омъ, емъ;* но въ живомъ языкѣ, конечно, преобладало, если не господствовало исключительно, окончаніе *амъ, ямъ*, появленіе котораго относится, какъ мы видѣли, еще къ XIV столѣтію. Тоже окончаніе встрѣчается и въ среднемъ родѣ: дѣтемъ Д. I. 409, но дѣтямъ ib., по озеркамъ А. Юр. 71.

Формы, прилагательныхъ и мѣстоименій не представляютъ особенностей сравнительно съ предъидущимъ столѣтіемъ.

Двойственное число и здѣсь неправильно: по обою сторонамъ Д. I. 188.

Творит. пад. Твор. мн. муж. и средн. родовъ оканчивается на *ы, и. ами, ями:* съ крестьяны А. Юр. 6, всѣми угодьи ib. 71, ловищи ib., но—ловищами ib. 76, съ лѣсами ib., съ пригородами С. I. 19, со всѣми мѣсты ib. 43, съ московскими жребіи ib. 59, съ своею господою архимандриты ib. 103, съ старцы А. З. Р. 46, съ дѣтками ib.

И здѣсь,—на томъ основаніи, что окончаніе *ами, ями* встрѣчается еще въ XIV ст.,—слѣдуетъ, думаемъ, признать его за преобладающее для XV-го.

Прилагательныя и мѣстоименія въ этомъ падежѣ особенностей не представляютъ.

Предл. пад. Въ предложномъ единств. муж. рода, встрѣчается иногда окончаніе *у:* въ уѣзду А. И. 15, въ стану С. I. 82.

Окончаніе мягкого склоненія во всѣхъ родахъ смѣшалось съ окончаніемъ твердаго: по отци... великомъ князи Васильѣ Дмитріевичѣ А. И. 53, въ томъ монастыри Д. I. 203, въ монастырѣ ib. 204, въ архіепископьѣ ib. 209, по государи ib. 210, по князи ib., о розбое А. К. 31. XIV, на тѣй земли ib. 38, на той землѣ ib. 52 III, на тей землѣ А. Юр. 71, по своемъ отцѣ ib. 120, на вѣчѣ А. Э. 32, по душѣ С. I. 39, въ великомъ княженье ib. 50, въ нашемъ розмирье ib., въ целованье ib., 53 въ любви и въ докончанье и въ крестномъ целованье ib. 119.

Въ словахъ на согласную тему *ен* — *е* еще не сдѣлалось бѣглымъ и предл. п. оканчивается еще на *и:* на новомъ корени А. З. Р. 36, на ремени С. I. 41

Во мн. ч. употребляются окончанія *ѣхъ, ехъ, ихъ, ахъ яхъ:* на возѣхъ Д. I. 202, о праздницѣхъ А. К. 38, въ спискѣхъ А. Юр. 3, въ лѣсѣхъ ib. 71, въ ловищахъ и въ хмѣльникехъ ib., въ трехъ сорокѣхъ ib. 204, въ тыхъ именьехъ А. З. Р. 36. Какъ ни рѣдко употребленіе *ахъ, яхъ* оно, вѣроятно, было уже господствующимъ. На это указываетъ какъ то, что *ахъ, яхъ* явилось еще въ предъидущемъ столѣтіи, такъ и то, что *ехъ* встрѣчаемъ иногда въ именахъ женскаго рода темы на *а:* въ повозкехъ Д. I. 184, чего никакъ не могло быть въ живой рѣчи, такъ какъ исторія языка показываетъ намъ постепенное возобладаніе окончаній женскаго рода, а не мужескаго и средняго.

Б. Спряженія:

1. Неопредѣленное наклоненіе оканчивается на *ть* и даже *тся*, хотя встрѣчаются и формы на *ти*: концать С. I. 18, торговать ib. 19, написать ib. 122, не наряжать А. Э. 35, не кончивати С. I. 49, не корыстиватись А. Э. 82, косити А. Юр. 3, пятнати А. К. 31. XVIII.

2. Повелительное наклоненіе не различается въ глаголахъ на согласную тему отъ глаголовъ на гласную: въ той и другой темѣ употребляется признакъ послѣдней: живите С. I. 86, цѣлуите (дв. ч.) ib. 59.

3. Во 2-мъ лицѣ настоящаго времени вмѣсто *ши* является *шь* и *шъ:* не отдашь Д. I. 199, зовешъ А. К. 52 II, пашешъ ib., зовешь А. Юр. 3, примыслишь С. I. 50, сказываешь ib., будешь ib., чинишъ А. З. Р. 22, не имешъ С. I. 44.

Въ архаическомъ глаголѣ *дати* встрѣчается еще форма: не даси С. I. 55.

3-е лице оканчивается на *т*, *тся* и *тца:* убьетца Д. I. 190, досташется А. Юр. 360, досташетца ib., случитця А. И. 15, проститъ ib. 32, скажютъ ib. 74, учинитьца ib. 81, случитца ib. 106, женится С. I. 39, не имется ib., перемѣнитца ib. 60, иметца ib. 77, почнутца ib.

1-о лицо вспомогательнаго глагола —быти имѣетъ и въ единственномъ и во множественномъ числѣ разнообразныя окончанія: есмь С. I. 86, есми ib. 117.; есмя А. Юр. 1, есмо С. II. 14, А. З. Р. 46, есме С. I. 44, есмы А. З. Р. 46.

4. Формы прошедшаго простаго встрѣчаются въ граматахъ этого вѣка очень рѣдко: изоиде А. Юр. 234, раздѣлиша ib. 360, списахъ ib. 409, смотрихъ А. И. 32, смутись (аор.) ib., приложиша А. Э. 62, поклонихомся А. З. Р. 46, помыслихъ ib.

5. Формы прошедшаго сложнаго существуютъ только для первыхъ двухъ лицъ; въ 3-мъ употребляется одно причастіе: коли есмь шолъ С. I. 86, положилъ есми ib. 117, пожаловалъ есми А. Э. 31. 35, чтобы есте жаловалѣ ib. 62, есми продалъ А. И. 15, пожаловалъ есми ib. 58, пожаловалъ есьмъ ib. 59, есмя писали А. Юр. 1. далъ ib., реклъ ib. 3, рекъ ib., дали есмо С. II. 14, были есми А. З. Р. 46, взялъ Д. I. 199, што быхомъ мы купили себѣ А. З. Р. 21.

Иногда для выраженія прошедшаго сложнаго употребляется двойное причастіе: велѣлъ былъ А. И. 58, былъ пожаловалъ А. Юр. 6.

6. Встрѣчаются еще формы прошедшаго и будущаго условныхъ: что, господине, буду взялъ С. I. 56, а кому буду давалъ ib. 86, а быхмо ихъ пожаловали А. З. Р. 80.

7. Причастія окончательно превратились уже въ дѣепричастія: перемѣшиваются не только окончанія родовъ, но даже и чиселъ: поверга А. Э. 32, аркуци (мн. ч.) ib., а прочетъ ib. 107, воло-

стели съѣхався судятъ сыгуменомъ А. К. 31. III се азъ.... идучи ib. 84, какъ могя ib. 126. I., подпи (ед. м. р.) А. Юр. 6, се азъ.. поговоря ib. 121.

8. Глаголы на *ывати* вѣроятно въ языкѣ получили уже широкое распространеніе, хотя въ письменности встрѣчаются не часто: не канчивати С. I. 49, кашивали А. Юр. 3, давывалъ ib.

Между различнаго рода памятниками, акты и граматы представляютъ наиболѣе надежныя основанія для вывода заключеній о языкѣ даннаго вѣка. Количество памятниковъ этого рода въ XV вѣкѣ дало намъ возможность охарактеризовать исключительно по нимъ фонетику и формы русскаго языка этого столѣтія. Другіе памятники того же вѣка, можно сказать, не прибавляютъ ни одной новой черты къ тому, что нами выведено уже выше изъ актовъ и граматъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ только Сборникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, представляющій нѣсколько замѣчательныхъ въ звуковомъ отношеніи особенностей. Къ сожалѣнію, этотъ важный по языку памятникъ не только не изданъ вполнѣ, но и не описанъ даже. Въ Исторической христоматіи Буслаева напечатано изъ него нѣсколько страницъ (151—163, 641—683), на основаніи которыхъ можно отмѣтить въ немъ слѣдующія наиболѣе характерныя звуковыя черты:

1. Чистый гласный заступаетъ мѣсто глухаго постоянно въ предлогѣ *съ* при его сложеніи съ именами и глаголами, часто въ другихъ предлогахъ и нерѣдко въ суффиксахъ: совѣдѣтель, сомрьтенъ, отодаждь, съ прикупомо(ъ). вышеши, клѣтеку, явито (ь).

Смотрѣть на такіе случаи, какъ на характерныя явленія фонетики XV в., думаемъ, нельзя: *ъ* и *ь* въ памятникахъ этого вѣка большею частію изчезаютъ безслѣдно.

Явито вм. явить (слѣдовало бы ожидать — явит*и* ср. въ Златой Матицѣ: морят*и* я = морять я. Ист. Хр. Б.), указываетъ на смѣну мягкаго глухаго звука на твердый. Случаевъ такой смѣны въ другихъ древне русскихъ памятникахъ, мы не встрѣчали,—хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и имѣютъ мѣсто случаи обратные.

2. При *л* встрѣчается въ Сборникѣ твердый гласный вмѣсто мягкаго и на оборотъ: люче, соблудаяи, послуть, заблюдить [1]).

Разъ встрѣтился мягкій вмѣсто твердаго при *с:* сюгуба.

3. *е* стоитъ вмѣсто *о* въ словахъ: пелынь, бебромъ. (Ср. бебрянъ рукавъ Сл. о. п. Иг.). Обратное этому явленіе въ Румянцовскомъ Сборникѣ въ словѣ: спероду. И. Хр.

4. *и* заступаетъ иногда мѣсто *ѣ:* дивическъ, восхотихъ, обитованую, нелзи, видити [2]).

5. *ы* иногда заступаетъ мѣсто *и:* узрыши, мынить. Эта особенность имѣетъ мѣсто и въ Злат. Мат.: прытычу.

6. Неударяемое *о* измѣняется въ *а:* всяк*а*и, прел*а*жившу.

7. *е* часто заступаетъ мѣсто *и:* лже(и)ва, терпѣ(и), болѣтѣ(и), морскѣя(ия), скотѣ(и).

Обратный случай представляетъ слово: изв*и*сть.

8. *у* стоитъ вмѣсто *о* въ: удусихъ, удолѣеши.

Въ Злат. Мат. наоборотъ есть случай употребленія *о* вм. *у:* ро(у)со И. Хр.

9. *о* заступаетъ мѣсто *ы* въ полной формѣ прилагательныхъ: премудр*о*ихъ, и въ тв. пад. краткой формы ихъ: охотномъ сердцемь, голубомъ.

10. Свистящіе заступаютъ мѣсто шипящихъ: не только *ц* вм. *ч* и обратно, но и *з* вмѣсто *ж:* золчи [3]).

Сборникъ, звуковыя особенности языка котораго нами теперь приведены, списанъ съ юго-славянскаго оригинала; текстъ этого па-

---

[1]) Въ Апостолѣ 1309-12 г. встрѣчается: *лу*бодѣяніе Г. и Н. Оп. р. с. б. I.

[2]) Пр. Буслаевъ сюда же относитъ и — мнозѣ вм. мнози, пакѣ вм. паки и под. (И Хр: прим. къ статьямъ изъ Сборника), видя въ такихъ словахъ обратное явленіе — мѣну *и* на *ѣ*. Мы смотримъ на эти случаи какъ на измѣненія *и* въ *е*.

[3]) Эта особенность встрѣчается и въ болѣе раннихъ памятникахъ. Кромѣ случаевъ, обозначенныхъ выше, отмѣтимъ еще нѣсколько: коздо Ап. 1307. (Оп. р. с. б) гор*с*ее Ап. 1309-12 (ib.) жде (сде) ib. бе*ж*него ib. *ж*ерно Ев. 1409. (ib).

мятника, по словамъ пр. Буслаева, отличается чертами глубокой древности. Языкъ его представляетъ, слѣдовательно, наслоенія, условленныя съ одной стороны древностью оригинала, съ другой—принадлежностью этого оригинала не къ русской письменности. Нельзя, поэтому, признать тѣхъ его чертъ, которыя не подтверждаются другими памятниками, за характерныя для русскаго языка XV вѣка. Наши заключительныя выводы о фонетикѣ и формахъ этого вѣка мы должны, слѣдовательно, основать все таки лишь на вышеприведенныхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ актовъ и граматъ.

Сравнивая эти данныя съ тѣми, что представляютъ намъ предъидущіе вѣка, находимъ въ языкѣ XV вѣка слѣдующія новыя звуковыя и формальныя черты:

Звуковыхъ очень мало; большею частью имѣемъ въ отдѣлѣ звуковъ лишь дальнѣйшее развитіе предъидущаго: 1) глухіе были окончательно потеряны; 2) *ой* вмѣсто *ый* сдѣлалось также обычнымъ, какъ и *ей* вмѣсто *ій*; 3) перегласованіе получило болѣе широкое развитіе чѣмъ въ предъидущіе вѣка; 4) является болѣе видоизмѣненій въ группахъ согласныхъ, что условлено окончательной потерею еровъ; 5) гортанные потеряли свое древнее свойство переходной смягчаемости.

Рѣшительно ново въ фонетикѣ этого вѣка лишь слѣдующее: 1) несомнѣнные случаи превращенія неударяемаго *о* въ *а*; 2) превращеніе такого же *е* въ *о* не только послѣ шипящихъ (чо́рный), но и послѣ другихъ согласныхъ (рублёвъ); 3) измѣненіе *а* въ *о* подъ вліяніемъ ударенія (пло́тятъ); 4) *ä* вм. *ja* и наоборотъ *ja* вм. *ä*; 5) *в* вмѣсто *г* въ окончаніи прилагательныхъ: *ово* — *ого*; 6) отвердѣніе *тся* въ *тца*.

Какъ на характерную черту *письменности* этого вѣка можно указать но накопленіе согласныхъ звуковъ.

Немного новаго сравнительно съ предъидущимъ можно отмѣтить и въ формахъ XV вѣка. Это немногое заключается въ слѣдующемъ: 1) отъ именъ съ суффиксомъ *инъ* им. мн. ч. на *я*; 2) *ыи* въ окончаніи имен. падежа мн. ч. прилагательныхъ всѣхъ трехъ родовъ и *ія* для средняго; 3) *ово* въ род. пад. прилагательныхъ именъ

(особенность фонетическая); 4) *ть* и *тся* въ неопредѣленномъ наклоненіи; 5) *шь* и *шъ* во 2-мъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени; 6) *тца* вм. *тся* въ 3 л. того же времени (особенночть фонетическая).

Слѣдовательно, собственно формальныхъ особенностей памятники XV вѣка представляютъ только четыре. Формы двойственнаго числа въ именахъ и глаголахъ и достигательное каклоненіе въ этомъ столѣтіи были окончатеиьно уже утеряны; причастіе окончательно превратилось въ дѣепричастіе.

II.

Дѣлая вышеприведенные выводы, мы не приняли во вниманіе языка относящихся къ XV вѣку лѣтописей, по причинамъ, о которыхъ уже сказано.

Привлечь ихъ къ сравненію выше мы не нашли возможнымъ, но считаемъ необходимымъ охарактеризовать языкь ихъ теперь, когда звуковыя и формальныя особенности языка XV вѣка опредѣлены уже нами по другимъ пвмятникамъ.

Въ послѣдующемъ мы представляемъ не изслѣдованіе о языкѣ относящихся къ XV вѣку лѣтописей, а только описаніе фонетической и формальной стороны ихъ, сопровождаемое лишь немногими замѣчаніями.

Оставляя въ сторонѣ лѣтописи псковскія и новгородскія, какъ бывшія уже въ наукѣ предметомъ спеціальнаго обслѣдованія, мы остановимся только на трехъ лѣтописяхъ: кіевской и волынской Ипатскаго списка и троицкой.

Кромѣ того считаемъ необходымымъ представить здѣсь сравненіе Временника Нестора по двумъ спискамъ—Лаврентьевскому и Ипатскому, и тѣ выводы, которые изъ этого сравненія, по нашему мнѣнію, вытекаютъ.

1.

Сравненіе Временника Нестора по двумъ названнымъ спискамъ приводитъ къ тому, по нашему мнѣнію, несомнѣнному заключенію, что Лаврентьевскій списокъ старѣе Ипатьевскаго. Ни въ какомъ

случаѣ они не могутъ относиться къ одному столѣтію, какъ то допускаютъ нѣкоторые ученые [1]).

Чѣмъ ближе переписчикъ ко времени написанія своего оригинала, тѣмъ легче ему сохранить его особенности.

Монахъ Лаврентій, не смотря на скромное сознаніе имъ своихъ ошибокъ, сохранилъ въ гораздо большей чистотѣ звуковой и формальный типъ „ветшаныхъ книгъ", чѣмъ писецъ Ипатскаго списка. Промежутокъ времени между работой того и другаго слѣдуетъ, кажется намъ, положить не менѣе столѣтія. Говоря такъ, мы основываемся на слѣдующихъ болѣе древнихъ звуковыхъ и формальныхъ чертахъ Лаврентьевскаго списка сравнительно съ Ипатскимъ.

1. Тамъ, гдѣ въ Ипатскомъ спискѣ глухой изчезаетъ безслѣдно, въ Лаврентьевской онъ сохраняется, или на мѣстѣ его является чистый: в—въ 3 [2]); наркоша—нарек.... ib.; ркоше—рек... 5; Олгъ—Олегъ 13.

Тамъ, гдѣ въ Ип. чистый на мѣстѣ глухаго, въ Лавр. сохраняется глухой: преставлешюся—преставльш... 110; вълъшествомъ—вълшьств.. 125; переяславлестіи—переяславльст... 143.

Въ Лавр. не смѣшиваются ъ и ь, что иногда бываетъ въ Ипатскомъ: Днѣпръск...—Днѣпрьск... 4; рекь—рекъ 113.

2. Въ связи съ окончательной потерей еровъ и съ полнымъ о нихъ забвеніемъ стоитъ нерѣдко встрѣчающееся въ Ипатскомъ спискѣ видоизмѣненіе согласныхъ въ группахъ: чресъ—чрезъ 75; ись (= ис) кіева—изъ кіева 128; хто—кто 6; где—кдѣ 23; тяшко—тяжько 40; varяскому—варяжьск... 2; варяское—варяжьск.. 4; варяжкимъ—варяжьск... 104; гречькіи—гречьск... 74; чернецкому—чернечьск... 110; черрорисци—черноризьци 106; бещисла—без числа ib.; раширяти—разширяти ib.; соцькимъ—соцьскимъ 86.

Самый поздній изъ всѣхъ вѣшеприведенныхъ примѣровъ отно-

---

[1]) Такъ, неизвѣстно почему, думаетъ, напримѣръ, пр. Сухомлиновъ См. его соч.: Древняя русская лѣтопись, какъ памятникъ литературный. стр. 6-я,

[2]) Страницы обозначаемъ по Ипатскому списку (2-е изд.)

сится къ началу третьей четкерти XI-го столѣтя. Въ подлинникѣ, т. е. въ рукописи самаго Нестора безъ сомнѣнія были тѣ формы, которыя сохранены монахомъ Лаврентіемъ. Это сохраненіе древнихъ чертъ подлинника можно бы объяснять большею старательностью писца; но, встрѣчая въ Ипатскомъ *почти постоянно* ассимиляцію тамъ, гдѣ въ Лаврентьевскомъ неизмѣненные группы согласныхъ съ *з* или *г*, естественнѣе признать, что въ видоизмѣненіяхъ перваго списка сказалось болѣе позднее время его написанія.

3. Что вмѣсто начальныхъ *е* и *а* въ Ипатскомъ является *о* тамъ, гдѣ Лаврентьевскій сохраняетъ *е*, *а* (одинъ—единъ, Олексѣй —Алексѣй 163), конечно, не можетъ служить доказательствомъ большей древности послѣдняго. Употребленіе же въ Ипатскомъ *е* вмѣсто *о* Лаврентьевскаго въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ есть, вѣроятно, проявленіе мѣстнаго говора: Мефедья—Мефодья 16. 163. (Разъ Мефедія—встрѣтилось и въ Лавр.); одобелѣша—одеб... 40; сокиру—сѣк... 164; зовемая—зовомая 15; по вторемъ—по втор... 79; предолженъ—продолж... 141; вечоръ—вечеръ 147. Послѣдній примѣръ, впрочемъ, не тожественъ съ остальными: *о* въ вечоръ—объясняется отвердѣніемъ шипящихъ.

4. Есть въ Ипатскомъ спискѣ случай обращенія неударяемаго *о* въ *а*—фонетическая черта XV ст: ласкавъ—ласковъ 146. Обратное явленіе—перемѣну *а* въ *о* представляетъ слово: изнемогати—изнемагати 103.

5. *и* очень часто въ Ипатскомъ является на мѣсто древняго *ѣ*, сохраняемаго Лаврент: Печенизѣ—Печенѣзи 7. 26; Свинѣлдъ—Свѣн... 34; Искоростиня—Искоростѣня 34; въ сквози—... зѣ ib.; Притичу—Прѣт... 43; всими—всѣми 54; всихъ—всѣхъ 189; видихомъ—видѣх... 74; вѣди—видѣ(лъ) 133; по заповиди—по заповѣди 148; увидивше—увѣдѣв... 76; въ Ситолми—въ Сѣтомлѣ 106; свидитель—свѣдѣт... 119; укрипився—укрѣп... 148; имити—имѣти 151; раздилишася—раздѣл... 154; оскудила—оскудѣла 159; стрилци (и стрѣлци)—стрѣлци 153; освитиша—освѣтиша 188; сѣдити—сѣдѣти 136; побидиша—побѣд... 140; пересѣдивъ—пересѣдѣвъ 144; сити—сѣти 145,

Въ такой смѣнѣ звуковъ нельзя, думаемъ, непризнать особенности южно-русскаго языва.

6. *е* въ Ипатскомъ нерѣдко заступаетъ мѣсто *и* въ корняхъ и окончаніяхъ: истеннаго—истин... 81; Казимеру—Казимиру 109; не створѣ—не створи 142; пригвоздѣ—пригвозди 143; кадѣло—кадило 149; исконѣ—искони 126; иноплеменнѣкы—иноплеменникы 154; грабите—грабити [1]).

Наоборотъ—вмѣсто *е* Лаврентьевскаго списка въ Ипатскомъ *и* пр*и*великый—прев... 150; кол*и*банье—колеб... 156; Мак*и*доньскимъ—Македоньскымъ 163 (но однакожъ и—Мак*и*доньскому 190).

7. Встрѣчаются въ Ип. *ои* вм. *ыи* и *ей* вмѣсто *ій*: избейте—избійте 67; Василѣи—Василій 76; новой—новый 166.

Случаевъ измѣненія *ы* на *о* въ корнѣ въ Ипатскомъ не встрѣтилось, въ Лаврентьевскомъ же такое измѣненіе представляетъ лишь одно слово, встрѣчающееся въ такой формѣ и въ другихъ памятникахъ: нонѣ.

8. *у* въ Ип. часто мѣняется съ *в:* Усеволодъ—Всеволодъ 139; на вбогія—на уб... 140; успрія—вспрія 145; вхо—ухо ib.; у се—въ се ib.; у грозѣ—въ грозѣ [2]); вомре—умре 181.

Смѣна этихъ звуковъ есть также южно-русская черта.

9. *у* мѣняется въ Ип. съ *а*, чего не представляетъ Лаврентьевскій: отробъ—отрубъ 88; добравы—дубр... 118; дубру—добру 129 (Быть можетъ—описка?).

у вм. *о* въ предлогахъ сюда, по всей вѣроятности не относится: ву сердци—въ сердци 172. Ср. подобные случаи въ А. З. Р.

10. *и* въ началѣ словъ въ Ип. спискѣ иногда опускается, иногда вставляется: Раклии—Ираклии 6; мѣаху—имѣху 7; искрываите—скрыв... 86.

---

[1]) Издатель Ип. списка отмѣчаетъ это слово въ выноскѣ, но оно, безъ сомнѣнія, не описка, а характерное звуковое явленіе, повторяющееся и въ другихъ памятникахъ.

[2]) Во 2-мъ изд. Ип. сп. напечатано вмѣстѣ—угрозѣ; форма понята по видимому какъ дат. пад., что, конечно, не вѣрно.

Послѣднюю особенность, т. е. приставное *и* въ началѣ слова тоже слѣдуетъ отнести на счетъ южно-русскаго діалекта [1]).

11. Есть въ Ип. случай позднѣйшаго сокращенія гласныхъ: смѣятись—смѣятися 41.

12. Нерѣдко въ Ип. гласный является перегласованымъ тамъ, гдѣ въ Лавр. сохраняется первоначальный видъ его: Иеславъ—Изясл... 53; Ерѣи—Орѣи 66; Иевомъ—Іов... 156; посажеше—посажаше 137; днешнего—...яго 45; приходящего—...аго 113 [2]).

13. Гортанные звуки въ Ип. большею частію съ мягкими, въ Лаврентьевскомъ—съ твердыми: ркя—рька 14; другии—другыи 88.

Смягченнымъ формамъ Лаврентьевскаго въ Ипатскомъ соотвѣтствуютъ нерѣдко несмягченныя: въ Ляхѣхъ—въ Лясѣхъ 127.

14. Шипящіе и *ц* въ Ипат. большею частію съ твердыми: сановницы—...ци 27; наричуще—...чюще 52; шолудиви—шелуд... 162; старѣйшому—...шему 83; всемогущому—...щему 139.

15. *ч* въ Ип. иногда мѣняется съ *ц*: человѣцьскыя—...чьск... 40; ученичи—...ци 71; грецискую—...чьск.. 122; Бѣлозерчемъ—...цемъ 124. Въ соотвѣтствіи съ этимъ является изрѣдка въ Ипат. мѣна *з* и *ж*: възлозъше—...жьше 148; зазгоша—...жг... 160.

Сюда же слѣдуетъ отнести и смѣну *ш* на *с* въ словѣ: можесь(и)—можеши 84.

Первая изъ этихъ особенностей указываетъ на говоръ сѣвернаго писца, но—какой мѣстности должны принадлежать остальныя двѣ?

16. *р* сочетается въ Ип. иногда съ твердыми гласными тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать мягкаго: Илмера—Илмеря 4; къ Разаню—къ Ряз... 161.

---

[1]) Выше отмѣчена уже была нами эта особенность въ А. З. Р. Замѣтимъ еще, что она встрѣчается въ одномъ памятникѣ, писанномъ на Волыни, именно—въ Еванг. XIV в. часто прибавляется *и* въ началѣ словъ: *и*створихъ, *и*сбудеться и пр. См. Востокова Оп. р. Р. М. N CXII. стр. 177.

[2]) Слово—Чехъ—является во мн ч. въ формѣ Ч*а*хы, то въ томъ, то въ другомъ спискѣ: Чахы Ип. Чехы Л. 102; Чехы Ип., Чахы Л. 15.

Разъ твердый вм. мягкаго встрѣтился въ Ип. при *с:* су—сю 105.

17. Въ группахъ согласныхъ въ Ипат. нерѣдко опускается одинъ изъ нихъ: серце—сердце 44; звѣзное—звѣздное 64; празникъ—праздникъ 86; аньила—ангела 189.

Вставное *д* является въ словѣ: раздно—разно 52.

18. Придыханіе *в* имѣетъ мѣсто въ Ипат. иногда тамъ, гдѣ въ Лаврентьевскомъ его нѣтъ: за вужа—за ужа 128.

19. При губныхъ въ Ип. часто ставится *ъ* вм. *ъ*: начнемь—начнемъ 1; умьчати—вымч... 62; вьставати—вставати 88; крѣпько—...пко 53; землю—...млю 1; обьрящеть—обр... 31; добьръ—...бръ 36; новьгородъ—новгор... 98; Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ *ъ* неорганическое.

Особенность эта не принадлежитъ исключительно Ип. л.; она встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ; такъ выше отмѣтили мы подобные случаи въ Сильв. Сборн. Для насъ не ясно, какъ слѣдуетъ смотрить на эту особенность, если это есть особенность живаго языка; если же это есть особенность письма то—не понятно—чѣмъ могъ быть вызванъ обычай ставить *ъ* именно при губныхъ только?

20. Зубные смягчаются не одинаково: русское смягченіе встрѣчается какъ въ томъ, такъ и въ другомъ спискѣ; тотъ и другой употребляютъ и славянское: полуночье—...щье 4, но—ркуще—...че 11.

Слово—Суздаль въ Л. сп. неизмѣнно, въ Ип. уже Суждаль 103. Слово—дождь—въ Ипат. имѣетъ форму *дожчь* (= дощъ? малоруссизмъ?).

21. Разъ встрѣтился въ Ип. сп. йотированный гласный звукъ вмѣсто чистаго: рыб*ьи* (= рыбјии)—рыбии 116.

22. Въ косвенныхъ падежахъ словъ ср. рода на согласную тему въ Лавр. иногда *ян* вмѣсто правильнаго *ен*, сохраняемаго Ипатскомъ: знаменія—знамянія 38.

Это одинъ изъ очень рѣдкихъ случаевъ сохраненія Ипатскимъ спискомъ большей вѣрности первоначальному тексту Нестора.

Большая древность Лаврентьевскаго списка сравнительно съ Ипат. выступаетъ и при сравненіи *формъ* того и другаго.

Имен. пад. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоимений въ Ипат. часто оканчивается на *ѣ* = *е* вмѣсто *и*, вслѣдстіе стремленія измѣнять конечное *и* на *е*: языцѣ—...ци 2; чесѣ—..си 16; нѣмцѣ—...ци 16; старцѣ—...ци 9; мудрѣ—...ри 5; Лютичѣ—..чи 2; Печенизѣ—...ѣзи 43; Переяславцѣ—...ци 161; вои Володимерѣ—вои Володимери 108; добрѣи человѣцѣ—добрии человѣци 110; городѣ наши—городи наши 155; радѣ—ради 167; мнозѣ—мнози 160; уязвенѣ—...ни 16; младѣи—...іи 80; самѣ—сами 150; тѣи (изъ-тии)—ти 86. Форма—усобицѣ и под., стоящая въ обоихъ спискахъ, сюда, конечно, не относится: въ ней *ѣ* (= *е*) является черезъ перегласованіе изъ *я*, соотвѣтствующаго ст.-слав. ѧ.

Всѣ приведенные примѣры объясняются фонетически, но въ формахъ им. пад. въ Ип. спискѣ есть уже случаи смѣшенія окончаній муж. рода съ женскимъ: Симовы, Хамовы (сынове)—Симови, Хамови 3. утѣшаемы—утишаеми 107. Что до—пророцы—пророци 66, то здѣсь *ы* не вслѣдствіе смѣшенія родовыхъ окончаній, а вслѣдствіе отвердѣнія *ц*.

Двойственное число въ Ипат. спискѣ уже неправильно: 3 брата—...ья 5, недреманьная ока вм. недреманьнѣи очи 97 (Въ Л. сп. эти слова стоятъ въ единств. числѣ).

Имен. прилаг. муж. рода ед. ч. въ Ип. не встрѣчается на *ой* вм. *ый*, о чемъ уже сказано выше,—сьи = сій (въ Лавр. *се*) 93, 102 явленіе того же рода, что часто встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ и актахъ формы—Юрьи и т. п.

Вмѣсто собирательныхъ на *ь* въ Ипат. *ье*: звѣрье—звѣрь 6.

Въ *род. пад.* ед. ч. именъ жен. рода мягкаго склоненія Ип. списокъ ставитъ *и;* не смотря на стремленіе замѣнять конечное *и* на *е*, встрѣчаемъ формы: до земли—до землѣ 2; вѣры Бохмичи—вѣры Бохмичѣ 56.

Встрѣчается однако въ Ип. иногда и древнѣйшее окончаніе на *а* (я): святыя Богородица—.... ое—....цѣ 106.

Род. прилагательныхъ муж. р. въ Ип. на *ого* вм. *аго* и *его* вм. *яго:* Берестового—...аго 109; Полотьского—...аго 50; днешнего —...няго 45.

Встрѣтаются, впрочемъ, и въ Лавр. формы на *ого*: новгородского 115.

Въ женскомъ родѣ Ип. сп. *ее* и *ей* вм. *ея*, *ой* вм. *ыя*: чюжей—чюжея 43, меншее—меншея 63, гречькои—гречьскы 123. Но и наоборотъ: до сея—до сее 5.

Форма Ип. сп.—двою сту кораблии 112—болѣе правильная, чѣмъ соотвѣтствующая Лавр.: двою сотъ корабль. Болѣе правильно и—о нею 123,—въ Лавр.: у нее.

Мѣстоименіе *тъ* въ Ип. въ род. мн. *тыхъ* 164, въ Лавр.: *тѣхъ*.

Въ *дат.* пад. въ Ип. сп. есть уже случаи употребленія для муж. рода въ множ. числѣ окончанія женскаго: къ сердоболямъ—....емъ 157. Форма—старѣйшины 138—въ Лавр. старѣйшинъ,—представляетъ случай смѣшенія род. съ дат.

Мягкое склоненіе въ Ип. сп. не различается отъ твердаго и въ этомъ падежѣ: Богородицѣ—Богородици 85.

Въ дат. ж. р. прилаг. въ Ип. сп. *ой* вм. *ѣи* Лаврентьевскаго: въ угорьской—....стѣи 97; руськои—....сьскѣи 123.

Въ—велик*о*ма Ип. 103—Л. велик*ы*ма—или краткая форма вмѣсто полной, или случай смѣны *ы* на *о*.

Отмѣтимъ еще формы: обѣима 103, двѣима 93—обѣма, двѣма Л.

Неправильная форма—грецемъ въ обоихъ спискахъ (23 Ип.), неорганически произведенная отъ им. мн.—гре*ци*, указываетъ на потерю смягченія гортанныхъ.

Въ *вин.* пад. встрѣчаются слѣдующія важнѣйшія отличія: на словены на дунайскые—на словени на дунайския 3, въ словены—въ словени 5, за душа христьяньск*ѣ*—....кы 140; двер*ѣ*—двери 162; въ сѣ лѣта—въ си—125; вси—вся 39.

Вмѣсто мѣст. 3-го лица ср. рода, правильно стоящаго въ Л. сп., въ Ип. употребленъ муж. родъ: вонь—въ не 110. Замѣчательно, что и въ им. пад. относительнаго мѣстоименія: *иже* и пр., въ Ип. сп. встрѣчаемъ неправильное употребленіе одного рода вмѣсто другаго: такъ (с. 5) *иже* стоитъ вмѣсто *яже* и вмѣсто *еже*. Ясно, что какъ это мѣстоименіе, такъ и вин. пад. мѣстоименія 3-го лица въ живомъ говорѣ писца Ип. списка уже не существовали. Онъ

употребляетъ эти формы какъ книжныя и, естественно, въ употребленіи ихъ ошибается, какъ ошибались напр., писцы позднѣйшаго времени въ употребленіи глагольныхъ формъ прошедшаго простаго.

Встрѣчаются иногда въ вин. пад. Ип. списка и формы болѣе правильныя и болѣе древнія, чѣмъ соотвѣтствующія имъ Лаврентьевскаго списка. Таковы: обычая своя - обычая свои 7; лучьшая мужи — лучьшіе — 36.

Въ *твор.* пад. м. р. множ. ч. сущ. им. сохраняются въ Ип., какъ и въ Лавр., древнія формы, но въ первомъ вмѣсто *и* встрѣчаемъ уже *ѣ*, какъ въ имен. и винит.: съ новгорородцѣ —....ци 167, половцѣ—...ци 143.—Въ прилагательныхъ очень часто *омъ* вмѣсто *ымъ* (Ср. сказанное выше о дат. п. и туже особенность Сб. М. Общ. Ист. и др.): голубиномъ—....ымъ 70, лютомь —....ымь 137, Федосьевомъ—...ымъ 188.

Вѣроятно это краткія формы прилагательныхъ: иначе пришлось бы допустить измѣненіе *ы* на *о* еще до потери способности гортанныхъ сочетаться только съ широкими гласными: форма—вели*ко*мъ, если она не равняется—вели*къ*мъ, предполагаетъ—велик*и*мъ, которая должна бы дать—велик*ѣ*мъ, или, что все равно—велик*е*мъ.

Числительное четырма 84—Л. сп.: четырми—указываетъ опятъ на то, что для писца Ип. списка смыслъ двойственнаго числа былъ уже потерянъ. Кост*ью* 45—Л. сп. кост*ьми*—явленіе противоположное отмѣченному выше—звѣрье—звѣрь.

Въ *предл.* пад. въ обоихъ спискахъ смѣшались уже окончанія твердаго и мягкаго склоненій: въ полѣ 16, на конѣхъ и въ корабляхъ ib.; на конехъ—на коних 28, 108, на полѣ—на поли 93, при князѣ — при князи 87, но—по земли—по землѣ 3. Вятичихъ — Вятичѣхъ 11. — Употребленіе въ этомъ падежѣ *и* вм. *ѣ* въ Ип. спискѣ объясняется фонетически: въ Афетови—...вѣ 2, на встоци—....цѣ 70, глубинѣ морьстии—......—....ѣи 28. Есть въ Ип. спискѣ случаи предл. на *охъ*:—въ Жидохъ—....ѣхъ 63. Прилаг. им. ж. р. ед. ч. въ Ип. сп. оканчиваются на *ой* въ Лавр. на *ѣй*: въ лядьской—....ьскѣ 105,—рускои—....сьскѣи 110.—Есть,

наконецъ, въ Ип. сп. и въ этомъ падежѣ случаи смѣшенія муж. рода съ женскимъ: Кривичахъ—....ѣхъ 11.

Ясно изъ всѣхъ представленныхъ примѣровъ, что въ именныхъ и мѣстоименныхъ формахъ черты большей древности почти постоянно на сторонѣ Лаврентьевскаго списка.

Наиболѣе рѣзкая изъ позднѣйшихъ особенностей Ипатск. списка въ формахъ—это смѣшеніе родовъ муж. съ женскимъ въ падежахъ—имен., дательномъ и предложномъ множ. числа. Хотя эта особенность и встрѣчается изрѣдка въ актахъ и граматахъ въ XIV вѣкѣ, но не встрѣчается ни разу въ памятникахъ, болѣе консервативнаго характера письменности, каковы памятники церковные и лѣтописные.

Встрѣчая эту особенность во Временникѣ Нестора по Ипатск. списку, необходимо допустить, что она въ говорѣ писца получила уже широкое распространеніе, что могло случиться неранѣе половины XV вѣка. Слѣдовательно и формы Ип. списка противорѣчатъ не только мнѣнію Сухомлинова, отнесшаго его къ XIV вѣку, но и мнѣнію редактора послѣдняго изданія Ип. л., которой относитъ ее по списку къ *XIV или началу XV в.* [1]).

Глагольныя и причастныя формы Ип. списка также нерѣдко представляютъ позднѣйшія черты сравнительно съ соотвѣтсвующими имъ Лаврентьевскаго, хотя есть случаи сохраненія большей древности Ип. спискомъ.

1. Опущеніе *ѣ* передъ *ся* въ 3-мъ лицѣ настоящаго времени имѣетъ мѣсто въ обоихъ спискахъ: подвиж*и*тся—....*же*тся 44 [2]).

1-е лицо множ. тисла въ Ип. сп. иногда на *ы*: зарѣжемы—....мъ 54, но есть и обратные случаи: въздамъ [3])—вздамы 86. Въ 1-мъ

---

[1]) См. предисловіе ко 2-мъ изд. Ипат. сп. стр. III.

[2]) *и* вмѣсто *е* употреблено еще въ формѣ мужа*и*мъсе — мужа*е*мся 118.

[3]) Въ послѣднемъ изданіи Ип. списка въ текстѣ вмѣсто въздамъ напечатано въздамы, и первая форма въ примѣчаніи названа ошибочной (!).

лицѣ вспомогательнаго глагола въ Ип. встрѣчаемъ иногда форму есме—Л. есмы 93.

Во 2-мъ лицѣ ед. ч. въ Ип. встрѣчается уже *шь:* можесь (шь) —....ши 84, одолѣешь—....ши 103.

2. Двойственное число въ глагольныхъ формахъ въ Ипат. употребляется неправильно: вѣ свѣмы—....вѣ 123 есть—еста ib. При правильной формѣ двойственнаго числа разъ употреблено числительное *два*, плеоназмъ, указывающій на тоже, на что указываютъ и случаи неправильнаго употребленія этой формы: вѣ два вѣдаевѣ—вѣ вѣвѣ 124.

3. Формы прошедшаго простаго въ Лавр. употребляются правильно, въ Ип. же есть случай употребленія въ этомъ времени множ. числа вмѣсто единственнаго: осѣдяху—осѣде 51.

Слѣдовательно, смыслъ формъ прошедшаго простаго писцемъ Ипатскаго списка уже не сознавался. На это указываетъ и—разъ встрѣтившаяся—невозможная форма прошедшаго сложнаго, составленная изъ глагола вспомогательнаго и прошедшаго простаго спрягаемаго глагола: бѣ бо взложи—бѣ бо взложилъ 93.

4. Достигательное наклоненіе оканчивается въ Ип. на *ь* и *ъ:* воеватъ 115, сниде....видѣть (въ Л. видѣти) 3, бится (въ Л. биться) 50, [1]).

5. Въ повелительномъ наклоненіи Ип. списокъ иногда сокращаетъ *и:* лязьте—лязите 35. Обоимъ спискамъ свойственно пов. ноклоненіе изъ *буду* и прич. дѣйствит. настоящаго времени: вѣдуще будете 132.

6. Неопредѣленное наклоненіе на *те* вмѣсто *ти* (примѣры приведены выше) есть явленіе фонетическое.

7. Причастныя формы употребляются неправильно въ обоихъ спискахъ: минувши великому дни 152, не могы 86 (вмѣсто множ. числа). Чаще, однако, встрѣчаются случаи неправильнаго употреб-

---

[1]) Во 2-мъ изд. вм. бится напечатано бит(и)ся. Слѣд. издатель считаетъ опущеніе *и*—опискою? Но *и* въ этой формѣ никогда не было; бится = биться.

ленія причастій въ Ипат. спискѣ: рекы—рекъ 113, бывшю нощи—бывши нощи 121, реки 168 (неправильно, если не славянизмъ—вмѣсто рекы)—въ Лавр. река, съ обычнымъ русскимъ памятникамъ окончаніемъ причастій дѣйств. м. р. ед. ч. на *а* вмѣсто старо-слав. *ы;* бяху ловяще 5—правильные, чѣмъ въ Лавр. бяху ловяща.

8. Болѣе древнюю форму представляетъ въ Ипатскомъ и глаголъ: наподкоповаютъ 86,—въ Лавр. подкопываютъ.

Нашею цѣлью въ предъидущемъ было не изслѣдованіе языка лѣтописи, Нестора, а лишь сравненіе двухъ списковъ ея. Но, говоря о Несторѣ, хотя и съ такою отганиченною цѣлью, нельзя пройти молчаніемъ попытку къ возстановленію его текста, сдѣланную Миклошичемъ.

Этотъ ученый въ изданной имъ, въ 1853 году, брошюрѣ Über die Sprache der ältesten Russischen Chronisten, vorzüglich Nestors—задался цѣлью возстановить правописаніе Временника Нестора. Основываясь на выраженіи лѣтописца: „словѣньскъ ıазыкъ и русьскый одинъ есть," Миклошичъ думалъ, что при работѣ надъ текстомъ Нестора слѣдуетъ положить въ основу старо-славянскій языкъ, оставивъ неизмѣнными тѣ изъ уклоненій отъ особенностей его, которыя обычны и въ лѣтописи Нестора и въ другихъ—современныхъ ей русскихъ памятникахъ. Въ брошюрѣ этой, заключающей въ себѣ только фонетику русскихъ лѣтописей, онъ даетъ правила,—какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ вести этого рода работу.

Принципы свои онъ приложилъ къ дѣлу, напечатавъ въ 1860 году самый Временникъ Нестора [1]). Въ предисловіи къ этому изданію онъ повторилъ высказанную имъ уже раньше, и нами выше приведенную, мысль о языкѣ Нестора и о способѣ возстановленія его первоначальнаго текста: Lingua, qua Nestor scripsit, ei a paleoslovenica non videtur diferre: словѣньскъ ıазыкъ и русьскый одинъ

[1]) Chronica Nestoris. Textum russico-slovenicum edidit Fr. Miclosich. Vindobona 1860.

есть, unde colligimus, Nestorem in animo habuisse scribere, lingua sibi e libris liturgicis nota.... supervacaneum est demonstrare, Nestorem necessario a proposito suo aberrasse. Lingua, qua haec chronica scripta sunt, russica slovenica nominari potest. In Nestoris Chronicis eae discrepantiae a vera lingua paleo slovenica servandae sunt, quae non solum in his chronicis, verum etiam in aliis ejusdem loci et ejusdem aetatis monumentis reperiuntur [1]).

Считая это дѣло важнымъ и возможнымъ, онъ однакоже оговаривается: minime reticebimus quaedam in his rebus pendere ab arbitrio editoris [2]).

По этому поводу другой извѣстный ученый славистъ, пр. Гаттала замѣчаетъ: „da bi ja ondje m. „quaedam“ naprosto reka ͻ „fere omnia“ to se već sama sobom rozumije [3]).

О самой работѣ надъ возстановленіемъ правописанія Нестора онъ отзывается какъ о работѣ крайне неблагодарной требующей много труда и ничего почти не дающей для науки. Дѣйствительно, возстановленіе *правописанія* Нестора—трудъ безплодный, не дающій не только почти ничего, но и ровно ничего для науки. Положимъ доказано, и несомнѣнно при томъ, что Несторъ писалъ *га*, а не ѧ, *аго*, *а* не *ааго*, *бяху*, а не *бѣаху*—наука отъ того, понятно, ничего не выиграетъ. Такъ писалъ Несторъ, другой могъ писать иначе. Если же будетъ доказано, что такой способъ писанія былъ общимъ въ началѣ XII вѣка, то и отъ этого свѣдѣнія можетъ выиграть только исторія русской орфографіи, а не исторія русскаго языка. Иное дѣло – задача возстановленія не правописанія, а *языка* Нестора. Эта задача важна. Ее ли имѣлъ въ виду Миклошичъ? Онъ желаетъ удержать въ текстѣ Нестора тѣ особенности, которыя встрѣчаются въ другихъ русскихъ памятникахъ того же вѣка,—слѣдовательно имѣетъ въ виду языкъ рускій времени Нестора; но—съ другой стороны—онъ ставитъ въ текстѣ Нестора глухіе вмѣсто чистыхъ, считая въ тоже время вѣроятнымъ, что первыхъ не было

---

1) Prolegomena VII.

2) Ibid. VIII.

3) O nosnih samoglasih стр. 7, прим. 25.

въ русскомъ языкѣ уже въ древнѣйшую пору,—слѣдовательно имѣетъ въ виду не языкъ, а только способъ писанія. Чрезвычайно странно, кромѣ того, то, что онъ, изъ всѣхъ особенностей русскаго языка, обнаружившихся въ немъ къ началу XII вѣка, удерживаетъ лишь слѣдующія: евфоническое *н* (обиступити, обиходъ); сокращеніе *ии* въ *и; оу* вмѣсто *ѹ* (епискоупъ, Гоургіи); замѣну юсовъ чистыми; *о* вмѣсто начальнаго *е*,—только въ собственныхъ русскихъ именахъ однако [1]).

Такимъ образомъ текстъ Нестора въ изданіи Миклошича является лишеннымъ самыхъ характерныхъ чертъ русскаго языка, обнаружившихся въ немъ уже въ XI столѣтіи и даже раньше.

Даже формы съ ра, ла и пр. вм. русскихъ оро, оло и пр. Миклошичъ считаетъ болѣе правильными для текста Временника Нестора, допуская полногласныя формы только для собственныхъ именъ, изъ числа которыхъ исключаетъ имя—Володимірь, которое пишетъ Владимѣръ (§ 5). Извѣстно, между тѣмъ, что форма—Володимірь—встрѣчается уже въ послѣдствіи въ О. Ев.—Удачная поправка нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи Нестора, относительно смысла ихъ, дѣлаетъ изданіе Миклошича небезполезнымъ для историка, но въ филологическомъ отношеніи оно не имѣетъ цѣны.

2.

Кіевская лѣтопись Ипатскаго списка представляетъ не менѣе Временника Нестора такихъ звуковыхъ и формальныхъ чертъ, на основаніи которыхъ и ее слѣдуетъ отнести не ранѣе какъ къ половинѣ XV столѣтія. Представляемъ ея описаніе со стороны звуковъ и формъ.

Слѣды глухихъ являются рѣдко: за Трубеже 266, Луческъ 407, Моровоескъ 406, Пинескъ 324, Сѣвьско 238, чюдотворена 377, пожегоша 406, Мстиславъ 289. Чаще они исчезаютъ безъ слѣда.

---

[1]) Ueber die Sprache etc. §§: 12, 16, 22, 46—48, 56.

Вслѣдствіе конечной потери ихъ являются слѣдующія случаи ассимиляціи согласныхъ въ группахъ: жс = ж: ладожкыи 200, чс = ч: тысячкой 210; зч = щ: ищернигова 284; зс = с: исѣкоша 282; шс = с: ческому 268; дс = ц: новгороцкіи 222.

Чистыя гласныя въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ представляютъ слѣдующее:

1. Въ началѣ словъ *о* кмѣсто *а:* Олексѣя 204, Офимьи 457.

2. Вмѣсто *е* въ срединѣ словъ стоитъ *о* въ словахъ: гроблю 376, Полагья 415. Обратное явленіе—*е* вм. *о* лишь въ одномъ собственномъ имени: Ѳедеру 445.

3. Тотъ же звукъ вмѣсто *у* является въ слѣдующихъ словахъ, *о*страшився 210, рек*о*че 231, кл*о*боци 276, х*о*дожникъ 416.

4. *и* вм. *ѣ* встрѣчается, хотя и не такъ часто какъ во Вр. Нестора: со всими 224, свищи 396, о грисѣхъ ib., съ писньми 403, въ Смоленьски 412.

5. *е* вмѣсто *и* перѣдко: преступѣ 193, просилѣ 455, клобуцѣ ib., целовалѣ 447, Ефросѣнья 474, истѣньными 478, очивѣсто 385, росполѣвъвься 390, коньдѣлы 395.—*ей* вм. *ій:* не бѣйтеся 237 (но б*и*йся 287), не пролейта 297, Василѣй 427, Дмитрѣи 454.

6. *о* вмѣсто *ы* встрѣчается лишь въ формахъ слова *строи* и въ производныхъ отъ него: строеви 216, стройчича 455.

7. *у* мѣняется съ *в:* завътра 198, у въгоръ (у Угоръ) 447.— *у* вмѣсто *во* (черезъ опущеніе *о?*) стоитъ въ словѣ — *у*зможно. (Въ словахъ: обуемся 371, обуястася 330, обуявила —*у* на мѣстѣ *о* или древняго *ъ?* или это *у* имѣетъ здѣсь тоже значеніе, что *и* въ словахъ: об*и*ступлены 272, обиступиша 206?

8. *ю* на мѣстѣ *е* является лишь въ одномъ только словѣ: Семьюнъ. Мѣна *и* и *ю* въ словахъ: меж*и* и меж*ю* 215.

9. Гласный йотированный стоитъ вмѣсто чистаго въ словахъ: приятельи (=—лjи) 222, до полудньа (=—нjа) 441.

10. *ы*, очень впрочемъ рѣдко, смѣшивается съ *и*. Можемъ указать лишь два случая: *и* вм. *ы:* недосити 217, *ы* вм. *и:* шлы 391. *ы* въ словахъ: вынялы (= вынялъ и) 398, вызбахъ (въ избахъ) 448, можетъ быть понято какъ сочетаніе съ *и* твердыхъ согласныхъ *л* и *в*.

11. Гласные *о*, *и* и согласный йотъ иногда опускаются: Ми-

клая 448, съяюче (=сјаюче вмѣсто—*си*аюче) 221, изома 228 (Ср: изойма 412).

12. Сокращеніе гласнаго звука имѣетъ мѣсто (кромѣ случаевъ сокращенія гласныхъ передъ гласнымъ) въ мѣст. *ся* при глаголахъ, переходящемъ въ *сь*, конечно, черезъ посредствующую ступень *се*: молитись 226, воротишась 204. Само собою разумѣется, что *ь* въ *сь* есть только знакъ мягкости предъидущаго с.

13. Случай неорганическаго полногласія представляетъ слово: полокъ (=пълкъ) 232.

14. Есть случаи употребленія твердаго гласнаго вмѣсто мягкаго и наоборотъ. Это явленіе имѣетъ мѣсто при согласныхъ: к, м, н, с, т, р: Кюрилъ 414, Кюряне 251, но и—Куряне ib., Мюромьцѣ 405, Муромьцемъ ib., исполну 461, отсуда 361, съ зятомъ 283, тряпезници 193, спратавше 208, Днепрю 449.

15. *р* въ суффиксахъ большею частію мягко: морьскии и т. п., но горко. Разъ встрѣтилось смягченное *р* въ корнѣ слова: верьтливъ; разъ же является смягченнымъ и коренное *л*: мольвлю 227. Твердое *л* встрѣчается и въ этомъ памятникѣ: велможи 410, волни 454, недѣлный 254, но недѣльный 417.

16. Губные въ суффиксахъ часто смягчаются, напр: кіевьской 222, и под., но смягченія этихъ звуковъ черезъ *л* нѣтъ иногда тамъ, гдѣ оно должно бы быть: благословяти 332 умерщвяя 377.

17. *ь* суффикса *ьск* оставляетъ нерѣдко свой слѣдъ и на смягченіи другихъ звуковъ: Пиньска 337, Смоленьска.

18. Шипящіе иногда мѣняются съ свистящими (ч—ц) и обратно: владыцнихъ 426, нѣмецкыи 448, идуци 465.

19. Сочетаются шипящіе и *ы* большею частію съ твердыми: шоломя 301, конюшого [1]) 438, иноплеменницы 193, но Донця 438.

20. Опускаются согласные *д* и *в* въ словахъ: празникъ 457, въ семы 198, об(в)ини 377, уз(в)ратися 264. *л* въ окончаніи при-

[1]) Въ слышывъ 466—*ы* стоитъ на мѣстѣ *а*: черезъ *е*—*и*?

частія прошедшаго то сохраняется, то опускается: реклъ 256, 411, побѣглъ 432, но унесъ 272. Вставляется—*д*: раздно 461.

21. *м* вмѣсто *н* стоитъ въ словахъ, Микифоръ 459, Миклая 448.

22. Изъ измѣненій въ группахъ согласныхъ, сверхъ отмѣченныхъ выше, приведемъ еще слѣдующія: *з* вмѣсто *с*: зразишася 193, з голода 382, здѣ 383; *жд* вмѣсто *зж*: приѣждивахутъ 420; *х* вмѣсто *к*: хрестъ 257. Стоятъ вниманія еще группа *жг*: въ дожгьцю 200, бездожгье 207, вжгегъ 201.

Изъ этого описанія и приведенныхъ примѣровъ видно, что Кіевская лѣтопись въ звуковомъ отношеніи не представляетъ такихъ чертъ, которыя не встрѣчались бы въ томъ или другомъ изъ вышеупомянутыхъ памятниковъ. Но приведенныя особенности языка ея ни въ какомъ случаѣ не могли принадлежить одной мѣстности: въ ней встрѣчаются и южно- и сѣверно-русскія черты. Такъ къ первымъ слѣдуетъ отнести—смѣшеніе *ы* и *и*, употребленіе *и* вм. *е* изъ *ѣ*, быть можетъ *ъи* и *ъя* вм. *и*, *я* (ä), мѣну *у* и *в*; наиболѣе рѣзкое явленіе между вторыми—мѣна *ч* и *ц*.

Какой говоръ характеризуется употребленіемъ твердыхъ гласныхъ вмѣсто мягкихъ и на оборотъ, употребляніемъ *о* вм. *е* и того же звука вмѣсто *у*—въ срединѣ словъ—рѣшить не можемъ. Безъ всякаго сомнѣнія, въ Кіевской лѣтописи отразились и особенности подлинника и говора различныхъ писцевъ. И слогъ ея и звуковыя особенности въ разныхъ мѣстахъ неодинаковы.

Обращаемся къ *формамъ*.

Имен. пад. множ. ч. существительныхъ муж. рода имѣетъ слѣдующія окончанія: 1) *и*: польци 193, столпи 221. 2) *ы*: а) послѣ *ц*, что объясняется употребленіемъ послѣ *ц* и шипящихъ твердыхъ звуковъ: иноплеменницы 193; б) послѣ другихъ согласныхъ, что объясняется уже совершившимся смѣшеніемъ родовъ: городы 251, полкы 310. Сюда же относится и мѣстоименіе *ты* вм. *ти*. 3) *ѣ* = *е*: польцѣ 193, Вышегородьцѣ 229, городѣ 423, ворозѣ 388, люде 300. Причина этого явленія, какъ выше уже сказано,—фонетическая. Вмѣсто древней формы црькы встрѣчаемъ церкви 212—17 и церквы 227. Двойственное число употребляется правильно: святая 201, двѣ лици 353, коня борза у ковану сѣ-

длу 346 [1]).—*ѣ* = *е* въ—2 кубарѣ—явленіе фонетическое.—*три* съ множ. числомъ: столпи три 221.—Прилагательныя имена оканчиваются въ имен. муж. р. ед. ч. на *ои*, *еи* вм. *ыи*, *ии*: тысячкой 231, черниговьской 467, старишей 222.—Въ женскомъ родѣ ед. ч. дважды встрѣтилось невозможное окончаніе: различн*ая* смерт*и* 247, церкв*и* велик*ия*. Первый примѣръ, быть можетъ, представляетъ и описку: второй мы объясняемъ, какъ искусственное согласованіе прилагательнаго съ сдѣлавшимся уже не обычнымъ окончаніемъ существительнаго на *и*. Ясно, что форма *церкви* уже не существовала въ живомъ языкѣ.

Во мн. ч. прил. муж. рода имѣютъ различныя окончанія: 1) *ии*: Половецьстии 193, Пиини 251, угорстии 310 2) *ѣи* (= еи): русьстѣи 193, которѣи 435, безбожнѣи 424, молодѣи 423, убозѣи 413, новгородьстѣи ib. 3) *ыи*: Рязанскыи князи 254, поганыи 435. Вторая форма явилась непосредственно изъ древнѣйшей *ии* и слѣдовательно старѣе формы третей, представляющей уже случай смѣшенія родовыхъ окончаній. Встрѣчающееся въ ж. р. мн. числа окончаніе *ie* вм. *я*: большиѣ 375, можетъ объясняться какъ явленіе перегласованія. Сюда же относится и—твоѣ (граматы) 318.

Винит. пад. ед. числа существ. м. р. иногда = именительному въ именахъ предметовъ одушевленныхъ: на конь 236, на Богъ 262; иногда родительному: сына 219, на стрѣя 245. Первая форма, какъ кажется, имѣетъ мѣсто только въ извѣстныхъ выраженіяхъ, составляя архаизмъ языка. Во множ. числѣ того же рода троякое окончаніе: *ы*—въ твердомъ, *а* (я) и *ѣ* (*е*) въ мягкомъ склоненіи: сыны 198 211, глазкы 199, 4 городы 222, кыяны 308, полкы 252, посадникы 251, зажитникы 309, бояры 266; луча 208; стрѣлцѣ 302, князѣ 211, половцѣ 228, конѣ 317 (огнѣ 286 сюда,

---

[1]) *у ковану еѣдлу*,—конечно должно быть написано такъ, т. е. раздѣльно: *у* здѣсь = *въ*, ковану сѣдлу—предл. двойств. Въ 2-мъ изданіи Ип. л. напечатано однако *уковану* сѣдлу. Какъ же понята издателемъ эта форма?

понятно, не относится: въ этомъ словѣ *ѣ* (е) изъ *и*, въ другихъ выше приведенныхъ изъ *я*) [1]). Во множ. числѣ прилаг. имена представляютъ слѣдующія окончанія: 1) *ыи:* стекляныи (глазкы) 199; 2) *ии:* полотьскии (князѣ) 211, галичьскии (огни) 286, (кыяны) лутьшіи 308; 3) *ѣи:* (Половцѣ) дикѣи 228, на поганѣи 384 (но ibid. на поганыя), сотьскѣи 412. Сюда же относится и *ѣ* въ окончаніи прилагательныхъ притяжательныхъ: (зажитникы) королевѣ 309, волости Святославли и Игоревѣ 245. Это *ѣ* (= е), стоящее на мѣстѣ *ы*, указываетъ на смѣшеніе этого послѣдняго звука съ *и*.—И въ мѣстоименіяхъ вин. падежъ смѣшался съ родительнымъ: его 331, мене 349.

Родит. пад. мн. ч. муж. р. оканчивается на: 1) *овъ, евъ:* колодниковъ 193, городовъ 312, 9 дневъ (днѣвъ?) 369, 440, пять дновъ 375. Послѣднюю форму, вѣроятно, слѣдуетъ понять, какъ *днѣвъ* (Ср. выше приведенное—рублов*ъ*), а если такъ, то и дневъ есть днѣвъ; 2) *ии, еи:* мужии 214, отъ приятелии 244, мужеи 411, звѣрѣи 449. Это окончаніе встрѣчается иногда и въ именахъ темы на *а:* мѣсяции 384. Изъ формъ единственнаго числа этого падежа м. рода обращаютъ на себя вниманіе: 1) разъ встрѣтившееся окончаніе на *у:* полку (не да ему—) 360 и 2) дважды—на *е* въ склоненіи темы на *и:* у зяте 221, отъ зяте 331. Послѣдніе два примѣра не представляютъ, впрочемъ, особенности формы, такъ какъ они объясняются фонетически. Окончанія род. ед. ж. рода: 1) *ѣ* (е) недѣлѣ 197. 216, у Печерѣ 332, безъ волѣ 331, отъ дружинѣ 420 изъ Москве 407 отъ... старинѣ 426. Окончаніе послѣднихъ двухъ примѣровъ объясняется или черезъ смѣшеніе род. съ дательнымъ, или черезъ смѣшеніе *ы* съ *и* и мѣну послѣдняго на *ѣ* (*е*). Тоже слѣдуетъ сказать и о формѣ: полтор*ѣ* тысяц*ѣ* 380 (но—полтор*ы* тысяц*ѣ* 381). 2) *и:* надежи 207, земли 227, недѣли 369. 3) *а* (*я*),—конечно, какъ письменный архаизмъ: отъ земля 221, до земля 378, отъ суша ib.; 4) въ согласномъ склоненіи *е* и *и:* крове 217, но крови 247, любве 233. Прилагательныя м. р. ед. ч. имѣютъ *ого, его:* великого

---

[1]) Курьскои княженьи вм. курьское княженье—описка?

203, молодого 357, меньшего 227, въ (у) чернего (лѣса) 369. Въ женскомъ родѣ: *оѣ, ое:* масленоѣ 197, порозноѣ 216, кіевьское 222, лядьское 227, средохрестьное 369; 2) *ои:* празной 212, переяславьской 213, русскои 327, черниговьской 426; 3) *ыи*—разъ: которыи 459; 4) *ія* (= ыя): отъ великія льсти 251; 5) *ая:* отъ всея земл*я* ростовьск*ая* 377. Этотъ послѣдній примѣръ долженъ быть объясняемъ, по нашему мнѣнію, также, какъ и выше отмѣченная форма: церкв*и* велик*ия*. Въ род. ед. прилагательныхъ притяжательныхъ: *ѣ:* отнѣ 331, дружины Всеволожѣ 233. Двойств. число правильно какъ въ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ. Послѣдніе имѣютъ род. на *ою* вм. *ую:* святою 201. Изъ мѣстоименныхъ формъ замѣчательна форма *ии* (ея) 353.

Дательн. пад. мн. числа муж. рода на *омъ, емъ* и *амъ:* монастыремъ и попомъ 198, Кіяномъ 248, мужемъ 311, дѣтемъ 329, по городомъ и селомъ 336, Бѣлгородцемъ 300, Галичан*амъ* 445. Послѣдній примѣръ встрѣтился подъ 1188 годомъ, что конечно никакъ не указываетъ на существованіе уже въ то время такой формы для муж. рода; здѣсь безъ всякаго сомнѣнія сказался не говоръ лѣтописца, а говоръ писца XV вѣка. Въ ед. числѣ отмѣтимъ форму на *еви* въ имени темы на *и:* затеви 333, но и правильно—зяти 380.—Прилаг. м. р. во мн. числѣ иногда имѣютъ *омъ* вм. *ымъ:* причтеномъ 368, которомъ 379. Женскаго рода существительныя оканчиваются въ ед. ч. на *и* = древнему *и* и *и* изъ *ѣ*; прилагательныя на *ѣи, ои:* дружини 191, святой Богородици 192, къ святѣй Орини 232; въ отни гробници 457, суждальскои 356. Разъ употреблено для дательнаго окончаніе родительнаго: къ Донцю рѣкы 431.—Двойственное число невсегда правильно: къ ракама 201, но—къ вамъ(а) 275.

Творит. пад. муж. рода во множ. числѣ оканчивается: 1) на *ы, и:* скоты 369, полки 336, съ вои 214, съ Половци 218, съ Галичаны 226, съ мужи 252; 2) *ъми, ми:* съ сынъми 203, соболми 346, конми 369, даръми 259. Въ женскомъ родѣ темы на *и* встрѣчается окончаніе *ими:* рѣчими 219. Въ среднемъ родѣ встрѣтилась разъ неправильная форма: съ дѣтятама 367. (Быть можетъ, вмѣсто—дѣтят*ами?*). Двойств. число правильно: сынома 219, оцима

249. 302. Прилагательныя и въ этомъ падежѣ имѣютъ *о* вм. *ъ*, оканчиваясь на *омъ* вмѣсто *ымъ:* съ многомъ полономъ 204 (но и — съ многымъ полономъ 210), съ царевомъ посломъ 357, тихомъ гласомъ 364. По аналогіи съ такимъ окончаніемъ твердаго склоненія является въ мягкомъ—*емъ:* Божьемъ 424.

Въ *предложн.* падежѣ смѣшиваются твердое и мягкое склоненіе. Окончанія для муж. и ср. родовъ въ единств. числѣ—*ѣ, и:* въ солнци 208, въ сердци 215, но —въ Галичѣ 449, при князѣ 199. Во множественномъ: *ѣхъ, ехъ, ихъ, охъ:* на конихъ 197. 238. 318. 423., но—на конехъ 382, на конѣхъ 422; въ домѣхъ 370, въ путехъ 258; въ полкохъ 382; въ Ляхохъ 445. Въ существ. женскаго рода окончанія—*и* и *ѣ;* въ прилагательныхъ—*ой:* въ которой 197, по неволи 253, въ угорьской земли 311, въ чюже земле 447.

Причастныя формы въ Кіевской лѣтописи употребляются неправильно: въ нихъ перемѣшиваются и роды и числа и падежи: вседше (ед.) 344, а того же лѣта исходячи 381, послушлива сы (дв.) 384, князю же Андреви рекуще 394, идуще же ему 406. Ясно, что причастіе вполнѣ уже превратилось въ дѣепричастіе [1]).

Достигательное наклоненіе большею частію на *ть, неопредѣл.* —на *ти;* помогати 93, грабить 230, блюсть 285, княжить 406, биться 465—д. н., іb. н. н.: битися; воевать 467—д. н., іb. н. н.: лищити. Встрѣчается иногда дост. н. и безъ *ь:* рядится 219 [2]). Лишь очень рѣдко имѣетъ оно форму неопредѣленнаго наклоненія: поклонитися 225.

Въ *повелительномъ* наклоненіи темы глаголовъ—согласная и гласная—смѣшались; гласный звукъ этой формы сокращается: созовите 245, бѣймыся 286, поѣдьта 288, пойдите 302, пождете 378, не ѣздь 380.

Во 2-мъ лицѣ ед. числа *наст. вр.*—*и* сокращается на *ь*, кото-

---

[1]) Слѣдующія двѣ причастныхъ формы интересны со стороны словообразованія: сѣдющю 400, зовемыи 201.

[2]) Это несомнѣнно форма дост. н., почему и нельзя признать сдѣланное во 2 изд. измѣненіе ея въ — рядитися.

рое иногда опускается: не встанешь 210, воротишь 216, пойде*ш* 305. Въ 3-мъ лицѣ опускается *ъ* передъ *ся*: казится 254, молится 311. 1-ое лицо множ. числа встрѣчается съ окончаніемъ *мы*: Гластоимы 229, будемы 239, промыслимы 246, не можемы 383. Глаголъ *быти* въ наст. времени представляетъ слѣдующія различныя формы: 1-е лицо ед. ч. есми 254, 310, есмь 255, 1-е множ. ч. мы есмь 255, есми 265, есме 287, 370, есмы ib., есмъ 451.

Для образованія *будущаго* вр. служатъ глаголы: хотѣти и начати: хочю молвити 191, нача пустити 336, хочемъ губити 256. Замѣчательна форма: дождо*чю* ти 457, (въ Х. П. дожду), въ которой глаголъ *хочу*(*чю*) является слитымъ въ спрягаемымъ.

Прошедшее и будущее *сложное* и *условное* представляютъ слѣдующія формы: ради есме тобѣ 339, бѣ не имѣя любви 371, бѣ велми не мога 373, пошелъ бяше 374, а быхомъ поѣхали вси 440, что будетъ была 460, камо быхъмъ промыслили 191, готови есмь 230, вы мнѣ есте река 246, взимали суть ib. и т. п.

Прошедшее *простое* употребляется совершенно искаженнымъ, хотя, конечно, встрѣчаются и вполнѣ правильныя формы: имахуть 297, рекоша (дв. ч.) 304, объятъ 322, укоривахуть 339, Святославъ съ Рюрикомъ поидо*ша* 424, Святославъ же и Рюрикъ послушавша его возврати*шася* ib., Святославъ и Рюрикъ не стряпя поиде 429, приѣхаша (ед. ч.) 456, послужива*шь*(*е*) 454, бяшь(е) 448.

3.

Принадлежность Ипатскаго списка второй половинѣ XV вѣка, еще въ большей степени подтверждается звуками и формами *Волынской лѣтописи*.

Въ звуковомъ отношеніи она представляетъ съѣдующее:

1. Въ концѣ словъ въ корняхъ и въ суффиксахъ *глухіе* замѣняются чистыми нерѣдко тамъ, гдѣ въ позднѣйшее время не остается слѣда отъ нѣкогда бывшаго глухаго звука: а) Шварн*о* 483, Олександр*о* 503; б) М*и*стиславъ 482, *л*естиваго 499, по *л*еду 588; в) Путивл*и*ци 496, Болхов*е*ци 516, Черв*е*н*е*скихъ 483, Заднѣпрес-

кій 575, Козлескъ 520, Пинескъ 530 (по до Пиньска ib.), Луческъ 501 (но-Лучска 487), Волковыескъ 614, Краковоскомъ 598, утал-вошеся 579.—Юрьи 519, 578 вмѣсто Юрій,—вслѣдствіе перестановки звуковъ.—Нерѣдко и въ предлогахъ встрѣчаемъ чистый гласный звукъ вмѣсто глухаго тамъ, гдѣ въ языкѣ позднѣйшаго времени его уже нѣтъ: возбѣгоша 512, вободе ib., соѣхати ib., изо Угоръ 516.—Въ обуимая 493—имѣемъ *у* на мѣстѣ древняго *ъ*.—Безслѣдно изчезаетъ глухой постоянно въ словѣ—свѣтъ (= съвѣтъ = совѣтъ) и часто (на письмѣ, конечно, только) въ словѣ—всь 519, 520 и пр. (= вьсь). Указаніемъ на глухіе могутъ служить формы: спаслъ 537, угаслъ 506, земль 543, послеши 542. Конечно, въ этихъ случаяхъ, какъ и въ другихъ вышеприведенныхъ, сказался не говоръ писца Ип. списка, а говоръ первоначальнаго составителя лѣтописи.

2. *о* смѣняетъ начальное *а*: Олександръ 480. 487, Олександровичь 533, Олена 570, Ондрѣя 529. Въ срединѣ словъ такая смѣна встрѣчается очень рѣдко: Тотарщиною 595, скорлата ib. Вмѣсто слитнаго предлога *раз* обыкновенно *роз*: розумъ 563, росмотрѣвъ ib., розгнѣвався 528.—*а* вмѣсто *о* встрѣтилось лишь разъ: ва свой земли 480.

3. *е* всмѣсто *о* лишь въ двухъ словахъ: Тотареве 496 (но и—Тотарове ib.) и добела 605.

4. *е* (*ѣ*) вмѣсто *и* часто въ окончаніяхъ, иногда и въ срединѣ словъ: Ятвязѣ 483. 517, мнозѣ 487, приѣхалѣ 485, лютѣ 509, полонилѣ 505, велицѣ (снѣзи) 544, конѣ 553; Володимеръ 511, кадѣлы 565, вѣ(и)дѣ 512, Хрѣстоса 544, щѣтъ скѣпеніе 522.

5. Иногда *и* вмѣсто *ѣ*: всимъ 479, видивъ 488. 521, крѣпци(ѣ) 533, къ Ризи 590, въ Луцки 597.

6. *ѣй* = *ей* вм. *ій* часто: Ираклѣй 489, Григорѣй 564, Лаврентѣя 572, Дмитрѣя 491, сей 586, копѣйного 533, бѣйте 572.

7. Коренное *ы* почти постоянно сохраняется: мыющуся 489, покрыетъ 602. Отъ слова—стрый—встрѣчаются формы съ *о*: строю мой 583, но чаще съ *ы*: стрый 600, стрыеви 13.

8. *у* часто мѣняется съ *в*: в Гродно 554, узбѣгшимъ 522, вчиняюща 606, завтра 562, завтро 583, въ (у)него 574, вгоденъ 602.—*у* съ *о* мѣняется рѣдко. Можемъ отмѣтить только два случая: ко-

руну 548, тоземцѣ 536, съ тоземьци 578. Въ одномъ словѣ встрѣтилось вмѣсто *у—ы*: скрышенымъ 777.

9. Полногласныя формы встрѣчаются часто даже въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ впослѣдствіи утвердилось *ра*, *ла*: оболоку 532, коромолующю 527, ворогомъ 555, хороборъ 596, 613, соромоту 582, норовъ 554, веремя 569, 615, заборолѣ 583, забороломъ 615.

10. Перегласованіе является послѣ йотъ, шипящихъ, в. р. Иевъ 602, сѣделничего 509, на Ятвезѣ 517, изъ Резаня 565 [1]).

11. Въ словахъ *ти* и *ми* гласные часто *сокращаются:* то бы мь 599, то *ть* ib., а земля *ть* опасна 573, безъ лѣпа *ть* ся припть 580, всегда *мь* 578.

12. Въ — вѣдать (Богъ —) 510—имѣемъ случай *стяженія* гласныхъ.

13. *Опущеніе* гласныхъ въ началѣ словъ очень рѣдко: Пискупу 578, въ Пискупьи 574. (И)Некентія 548.

14. Есть случаи употребленія твердаго гласнаго вмѣсто мягкаго, послѣ д, т, н, р: дожду силну 506, къ тьсту 514, братну грамату 596, Рурику 480, (но и—Рюрику ib.). Что касается до употребленія гласныхъ нейотированныхъ вмѣсто йотированныхъ, то это есть особенность письма, не имѣющая никакого отношенія къ живой рѣчи [2]).

15. Въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ окончаніе *ій* отбрасывается, оставляя и не оставляя за собою смягченіе: Василь Василевичь 491, Григоря Василевича 515, Дмитръ 490, Дмитра ib., Дмитрови ib. Обратное явленіе представляетъ форма слова—Данилью 573.

16. Придыханіемъ при гласныхъ является *г* и *в:* Юрьгии 495, въ воотчину 544.

17. *ч* часто мѣняется съ *ц:* Концаку 480, отцину 483, мецю 492, Половцинъ 493, 528, далеце 496, крѣпцѣиши 497, сѣцахуть

[1]) Заѣячему 542,—быть можетъ описка—вмѣсто заѣчему?

[2]) Сюда относятся: стоаше 506, акого 498, бьашеть 508, уности 519, добродѣанье 524, Андрѣа 523 и пр.

553, моцно (подновлено—мочно) 575, бѣглечь (исправлено: бѣглець) 579, Черниговьчи 575 и пр.

18. Шипящіе и *ц* съ мягкими и съ твердыми; къ концу лѣтописи чаще послѣднее: отъ лиця 483, лицю 495, шюринъ 487, чюдо 516, но—воехавшу 508, увѣщова 537, Лвовичу 585.

19. Зубные большею частію смягчаются по русски. Наиболѣе характерные случаи такого смягченія слѣдующіе: убѣженъ 487, жажею 493, побѣжени 514, нужею 543, вижь 551, бѣжъ 552, сжижаи (Х. П. зиждаи) 560; обѣчаста 526, дочи 538, ночь ib., помочь 551, кочь 543, не мочно 572, обѣчаемъ 597.

20. Мѣну согласныхъ представляетъ употребленіе *м* вмѣсто *н* въ словахъ: Микифоръ 481, 494, по Микулинѣ дни 588.

21. Твердое *л* и въ этомъ памятникѣ является часто: Василко 510 (но Василько 526, 537), стрѣлцемъ 512, 537, (но ib. стрѣльцѣ), похвално 516, силныи 522, столника 525, болма 535, болшую 527, Лва 534, Олгомъ 575, велможи 535 (но—вельможи 601), силними 544, околния 547—76, крестилницю 560, на столцѣ 603, потолку 613, посолство 600.

22. Случаи ассимиляціи согласныхъ звуковъ Вол. лѣтопись представляетъ слѣдующіе: *зч* = *сч:* бесчисленный 501, = *щ:* бещисла 522; *зз* = *з:* и(зъ)земли 491, 500—27; *зс* = *с:* и(з)ступи 514, и(з)сѣчену 512, ра(з)строя 571, и(зъ)griffbrett становъ 530; *ст* = *щ:* Щепановичь 484; *тс* = *ц:* соцкый 509; *шс* = *с:* мнискии 490; *жс* = *с:* ятвяская 638; *зж* = *жж:* ижжгоша 584, = *жд:* приѣждивахуть; *дс* = *тц:* тритьцать 585.—*ч* передъ *т* въ мѣстоименіи *ч*то переходитъ въ *ш:* *ш*то 576—81; *с* передъ *б* и *д* измѣняется въ *з:* *з*бывшияся 567, *з д*ары 588; *в* передъ *с* въ группѣ *ств* выпало въ словѣ: сватоствѣ.

Въ *формальномъ* отношеніи Вол. лѣтопись представляетъ слѣдующія черты.

Имен. пад. муж. рода множ. числа существительныхъ оканчивается на *ѣ* (= е) вм. *и*, на *е* въ именахъ на *инъ:* бояре 484, морозѣ 575, мастерѣ 558. Прилагательныя въ ед. ч. встрѣчаются съ окончаніемъ *ы:* окольны 508, угорьскы 540; во множественномъ оканчиваются на *ѣи* (= *еи* изъ *ии* и послѣ гортанныхъ изъ *ыи*), *ыи*, *іи*: велицiи 558, володимерьскiи 484, угорьстѣи ib.; лядьсцѣи 581,

русцѣи 575—6, галичкыи 484. Формы женскаго и средняго рода въ этомъ падежѣ не представляютъ характерныхъ особенностей. Согласное склоненіе, по видимому, изчезло уже: дочи 538, дъчи 567, церкви 565—97, но—любовь 523.

Род. ед. ч. м. р. иногда оканчивается на *у*: отъ полку его 584, леду (жда—) 514; безъ ряду 579. Окончаніе темы на *а* встрѣчается уже въ именахъ темы на *и*: тестя 529, Иваня дня 565. Род. мн. или равенъ имен. единственнаго, или встрѣчается съ окончаніями: *овъ*, *евъ*, *ии*, *ей*. Окончаніе *овъ* употребляется даже для именъ темы на *и*: отъ огневь 564. Иногда род. смѣшивается съ дат.: отъ папѣ 548. Въ прилаг. ед. ч. рѣдко встрѣчаемъ *аго*: мечеваго 512; большею частію: *ого*: великого 484, ратьного 512, суждальского 495 и пр. Въ женск. родѣ сущ. оканчиваются на *а*, *я*, *ѣ* (=*е*), *и*: земля 511, Богородица 523, до землѣ 525, Богородици 524, любови 523. Иногда и здѣсь встрѣчаемъ употребленіе дательнаго падежа вмѣсто родительнато: горѣ 568, рѣкѣ 523, [1]). Прилагательныя ед. ж. р. встрѣчаются съ окончаніями: *ыя*, *оя*, *ея*, *ое*, *ее*, *ой*, *ей*: святыя 523, нѣмецкоя 554, нашея 491, святое 494, великое ib., руское 524, своее 485, 599, рускои 511, святои 524, святѣи 568. (Въ послѣднемъ примѣрѣ быть можетъ имѣемъ окончаніе дательнаго вмѣсто род. Ср. однако разъ встрѣтившееся окончаніе ѣя вм. ыя святѣя 484.)

Въ *дат.* ед. м. р. часто встрѣчается окончаніе *ови*, *еви*, даже въ именахъ темы на *и*: тестеви 531, медведеве(и) 596, по ледови 581. Другихъ особенностей окончаніе этого падежа, какъ въ муж. такъ и въ прочихъ родахъ, не представляетъ.

Вин. пад. нерѣдко встрѣчается равнымъ именительному въ именахъ предметовъ одушевленныхъ: на конь 503, оставивъ сынъ свой 519, надѣючись на Богъ 578. Во множ. числѣ оканчивается на *ы*, *и*, *ѣ*=*е*: въ Ляхы 583, полкы 504, вои 502, вое 518

---

[1]) А быть можетъ здѣсь, какъ и въ примѣрѣ—отъ папѣ—и нѣтъ смѣшенія падежей: быть можетъ рѣкѣ (*е*) изъ рѣкы черезъ форму рѣк*и* вслѣдствіе смѣшенія *ы* и *и*. Тоже и *горѣ*: горы—гори—горе.?

—33—49, конѣ 512. Прилаг. им. во мн. ч. имѣютъ окончанія: *ии*, *ѣѣ*, *ѣи*, *ыя*, *ые*, *ыи:* многии 519, поганѣѣ 540, любовѣи 588, рускыя 497, поганые 515, иныи 524. Приведенныя формы на *ѣѣ* = *ее* изъ *ія* вм. *ыя*, если только имѣютъ они отношеніе къ живой рѣчи, должны объясняться черезъ смѣшеніе *ы* и *и* и черезъ измѣненіе послѣдняго въ *е* (*ѣ*).

Въ прилагательныхъ дважды встрѣтилось окончаніе средняго рода вмѣсто мужескаго во мн. числѣ: вся вои рижьская 547, добрая вои 496. Замѣтимъ, что и во мн. ч. женскаго рода имѣемъ случай употребленія окончанія средняго: пустыня вѣчная 578. Окончанія ср. рода употребляются правильно: въ иная времена 531. Въ вин. пад. мѣстоименій встрѣчаются древніе формы, но что онѣ въ живомъ языкѣ уже не существовали доказывается ихъ неправильнымъ употребленіемъ и подстановкой вмѣсто нихъ позднѣйшихъ формъ: на *ны* вмѣсто на *нь* 507, *ихъ* = *я* (ѧ) 508.

Твор. пад. муж. р. мн. числа оканчивается на *ы*, *и*, *ьми*, *ми*: полкы 581—2 ляхи 488 мечи 512, со князи 518, дарми 498, деньми 587. Случаевъ смѣшенія родовъ не встрѣчается.

Въ *предл.* пад. твердое и мягкое склоненіе смѣшались: въ свои землѣ 480, на гребле 504, въ сердце 510. Въ муж. р. ед. ч. встрѣчается окончаніе *у*: о сыну 546, на томъ стану 577. Во мн. числѣ м. р. окончанія: *ѣхъ*, *ихъ*, *охъ*: въ Калкохъ 518, въ Ляхохъ 580, въ полкохъ 513, при царихъ 591, о воихъ 516. Эти окончанія принадлежатъ языку лѣтописца; говоръ же писца характеризуется встрѣчающимся уже смѣшеніемъ родовъ мужескаго съ женскимъ: въ челн*ахъ* 576, при рядьц*ахъ* 591.

Окончанія причастій употребляются неправильно: никому же утекши отъ нихъ 493, княгини Романовая вземше 481, Данилови же крѣпко барющися 497, будущю има 535. Ясно изъ этихъ примѣровъ, что въ языкѣ писца причастіе краткой формы уже не существовало.

Достиг. наклоненіе глаголовъ оканчивается на *тъ* и *ть*: пріеха видитъ 482, пустиша воеватъ и плѣнитъ 502, пришли суть видѣтъ 496, (но—приехавшимъ видѣ*ти* рати 493), поидоша воеватъ 571, ѣду.... жениться 583.

Въ повелит. наклоненіи встрѣчаемъ иногда сокращенныя формы: поѣдь 563, бѣжъ 552.

Двойственное число въ глагольныхъ формахъ употребляется неправильно: Даніилъ бо и вои его *бѣ* иструди*лася* 515.

Прошедшее простое встрѣчается часто, но, какъ видно изъ только что приведеннаго примѣра, иногда употребляется неправильно.

Въ 3-мъ лицѣ ед. и мн. ч. прошедшаго простаго (преходящаго) часто прибавляется *ть:* бяшеть 517, твердяшеть 554, обещеваешеть ib., нарѣчахуться 572 [1]).

Формы прошедшаго сложнаго и условнаго встрѣчаются часто: реклъ ми *есь* былъ 594, коли есмь былъ ib., нѣси бо вмерлъ 607, проснулъ бяшеть [2]), вокняжился бѣ 525, потопи*лися* бя*шеть* 516, а быста шла 503, аще быхомъ вѣдалѣ 504, а быша не далѣ 583, а бымь 613, бѣ боля 547, бѣ бо имѣя рать 540, бящеть печалуя о братѣ 566, городъ *есть* передо мнои затвори*лъ* 599.

Въ настоящемъ времени встрѣчаемъ уже сокращеніе *и* на *ь* во 2-мъ лицѣ ед. ч.: ѣздишь 599, поѣдешь 611, (2-ды) и даже—*есь* 563.

И не только языкъ Вол. лѣтописи со стороны фонетики и формъ, но и самый слогъ ея заставляетъ отнести ее къ XV вѣку. Говорятъ обыкновенно, что языкъ ея отличается поэтическою изобразительностью. Это вѣрно, но вѣрно, съ другой стороны, и то, что въ ней много реторики, витіеватости и той искусственной постройки фразъ, которая является въ нашемъ литературномъ языкѣ съ XV вѣка. Какъ на примѣръ такой искусственности укажемъ на частое и нерѣдко неумѣстное и неправильное употребленіе дательнаго самостоятельнаго. Замѣчая, что искусственныя, книжныя выраженія чередуются нерѣдко съ выраженіями простыми, народны-

---

[1]) Какъ понимать форму—избье 519 вм. изби XII? Быть можетъ здѣсь фонетическое явленіе: избье изъ избьи = избји вм. изби?

[2]) Во 2-мъ изданіи Ип. сп. почему то форма поро*слулъ* исправлена на прос*лылъ*.

ми и поэтически изобразительными [1]), можно думать, что мѣстами слогъ лѣтописи намѣренно измѣненъ позднѣйшимъ писцемъ или составителемъ свода, котораго, по литературному вкусу его времени, уже не удовлетворяла первичная простота разсказа. Впрочемъ различіе слога лѣтописи объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что не однимъ лицомъ и не въ одно время она написана. Разчлененіе ея, сдѣланное учеными историками извѣстно [2]). Было бы важно въ научномъ отношеніи изслѣдовать ея языкъ въ связи съ содержаніемъ и—со стороны филологической—подкрѣпить тѣ положенія, которыя сдѣланы относительно ея историческою критикою. Такую задачу мы, естественно, не могли поставить для себя въ настоящемъ трудѣ: выполненіе ея можетъ быть предметомъ отдѣльнаго спеціальнаго изслѣдованія. Нашею цѣлью было только описаніе этой лѣтописи, какъ и другихъ, со стороны фонетической и формальной. Выводъ, который, по нашему мнѣнію, изъ этого описанія вытекаетъ, формулируемъ коротко такъ: лѣтопись,—не только галицко-волынская, но весь Ипатскій списокъ,—по происхожденію принадлежитъ южной руси, но переписана въ послѣдній разъ, и быть можетъ мѣстами передѣлана, на сѣверѣ; особенности южно-русскаго языка, являются въ ней, поэтому перемѣшанными съ особенностями сѣвернаго.

[1]) Ср. напр. слѣдующія выраженія: „бѣ бо дерзъ и храборъ, отъ головы и до ногу его не бѣ на немъ порока 497, „Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ“ 508, „О злѣе зла зло есть“ 513, „а бы не изгасилъ свѣчи надъ гробомъ стръя своего“ 597, „оже не поѣдешь добромъ, а зломъ пакъ поѣдешь же“ 611; и—съ другой стороны: „скорбяше о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ею“ 525; „иному же ужасти въ сердце имущю“ 510; „нареклъ бо бнщеть Василка отца себѣ и господина“ 570 и т. п.

[2]) См. Бестужева Рюмина: О составѣ рускихъ лѣтописей 151—57 и Костомарова: Лекціи по русской исторіи.

4.

Троицкая лѣтопись относится по списку къ XV вѣку и безъ сомнѣнія принадлежитъ ему.

Она распадается на двѣ части: въ первой лѣтопись представляетъ полные и подробные разсказы, во второй (съ 6747) лишь краткіе замѣтки. Согласно съ этимъ, замѣчается различіе и въ языкѣ обоихъ частей: языкъ второй половины представляетъ черты, сравнительно съ первою, гораздо болѣе позднія. Такъ измѣненіе начальнаго *а* на *о* рѣдко въ первой части, часто во второй. Въ окончаніи род. пад. прилагательныхъ въ первой преобладаетъ *аго* во второй—*ого;* въ им. мн. ч. м. р. той же части рѣчи—въ первой находимъ *ии*, во второй уже *ыи*.

Безъ сомнѣнія лѣтопись переписана не однимъ лицемъ Переписчикъ первой части видимо былъ искусный и старательный копировщикъ: онъ сохраняетъ правильно древнія формы, даже протяженныя формы прилагательныхъ, и—что очень рѣдко въ нашихъ старинныхъ памятникахъ—довольно правильно выдерживаетъ употребленіе буквы *ѣ*.

Обозначаемъ важнѣйшія звуковыя и формальныя черты этой лѣтописи:

1. Слѣды глухихъ въ ней встрѣчаются подобные вышеприведеннымъ изъ другихъ лѣтописей и актовъ: богат*е*ства 210, Смол*е*н*е*скъ 213, Козел*е*скъ 225, но Козельску ib., по леду ib.

2. *о – а:* уже въ первой половинѣ встрѣчаемъ: *О*лексу 210, но постоянно—Андрей, во второй уже—*О*ндреевичь.

3. *и* мѣняется постоянно на *е* въ словѣ: Володимеръ 211—12 и пр. Полногласная форма этого слова преобладаетъ, но встрѣчается и Вълодимеръ 212, Влодимера 211.

ей вмѣсто *ий* часто во второй половинѣ лѣтописи: людеи 223, князей 226, Аѳанасей 225, Василей ib. Во второй половинѣ встрѣчаются и случаи измѣненія конечнаго *и* на *е*: *свѣсть* 225, убіенъ ib. [1]).

---

[1]) Какъ понимать постоянно употребляемую форму Чернѣговъ

4. *о* заступаетъ мѣсто *у* въ словѣ: Серпоховъ 234.

5. Тотъ же гласный звукъ опускается въ словѣ: (о)врагъ 231.

6. Перегласованіе имѣетъ мѣсто послѣ *j*, *р* и *в:* Іевъ 223. Варежьскому 217, Резаньстии 210, но Ряз... ib., Велынское 220. Обратное явленіе представляютъ слова: Чахове 216, и ручаи 213.

7. Ложной этимологіей слѣдуетъ объяснять форму: племяни 212, но—племеници ib.

8. Гортанные соединяются и съ мягкими и съ твердыми, какъ и въ другихъ памятникахъ того же вѣка. Тоже слѣдуетъ сказать и о шипящихъ и *ц:* чюдо 210, отця 227, но—отцу 233.

9. *в* мѣняется съ *ф* въ словахъ: Тферь 211, Тферцу ib., Витофтъ 233.

10. Опущеніе согласныхъ встрѣтилось въ словахъ: Костянтинъ 210, аньильской 223.

11. Твердое *л* встрѣчается часто; можно сказать даже, что употребленіе его составляетъ правило, мягкое является очень рѣдко —въ двухъ-трехъ словахъ: толко 211—18, Смолняны 212, силно ib., велми ib., стрѣлци 217, умилное 222 и пр., но—Козельску 225, Суздальской 212.

12. Встрѣчаются иногда невозможныя для живаго языка группы согласныхъ; новгородикая 220.

Изъ формальныхъ особенностей отмѣтимъ слѣдующія:

1. Им. пад. мн. ч. м. р. употребляется уже иногда съ окончаніемъ женскаго: здоровы 210.

2. Род. пад. прил. въ м. р. ед. ч. по преимуществу оканчивается на *ого*, въ женскомъ на *ой*: сотьского 212, великого 223 и пр.; суздальской земли 212.

3. Вин. во множ. числѣ именъ м. рода встрѣчается иногда съ окончаніемъ именительнаго: на кони 212. Попадается иногда и правильное окончаніе, но, повидимому, только какъ письменный ар-

---

вмѣсто Черниговъ? Обратное явленіе представляетъ слово—Смолиньскъ, постоянно въ такой формѣ являющееся во второй половинѣ лѣтописи.

хаизмъ: на ряду съ такимъ правильнымъ окончаніемъ встрѣчаемъ и испорченныя формы: порты и сапозѣ сметавше 241, на конюси свои 217.

4. Твор. пад. м. р. мн. ч. на *ы* и *ми*: ножы 225, князьми 217, сынми 225.

5. Мягкое склоненіе уже смѣшалось съ твердымъ; такъ въ предл. падежѣ находимъ формы: при отцѣ 213, на конехъ 214, въ Галичѣ 216.

6. Двойственное число употребляется неправильно: къ обѣима княземъ 212. Но числительное *три* сочетается еще съ множ.: три мужи 213, три жребіи 220.

7. Въ 3-мъ лицѣ глаголовъ наст. времени встрѣчаемъ уже опущеніе *ъ* передъ *ся*: кланяется 212. Отъ—*быти*—1-е лицо мн. ч. наст. вр.: есмя 212.

8. Причастія употребляются неправильно: вся сущ*ая* ту люди (им. мн.) 223.

5.

Что до семьи *новгородскихъ* лѣтописей, то, въ виду посвященнаго обслѣдованію языка ихъ вышеупомянутаго труда г. Лавровскаго, мы ограничиваемся приведеніемъ немногихъ данныхъ, для сравненія съ предъидущимъ, лишь изъ *академическаго* списка новгородской 1-й лѣтописи.

Отмѣчаемъ слѣдующія особенности, какъ наиболѣе характерныя, ея звуковъ и формъ.

Иногда въ ак. сп. встрѣчаемъ йотированный гласный вмѣсто нейотированнаго: устьюжскіи 74, устьюгъ 99, но и устюгъ ib.

и на *е* измѣняется въ срединѣ слова—троецьской 79.

ѣ вм. *и* стоитъ въ словѣ Чернѣговъ 76.

е вм. *и* въ Володимеръ 90.

о вм. *у* въ словахъ: Серпоховъ 92, литорію 114.

ы вм. *о* встрѣтилось разъ—въ словѣ полтыры 102.

Твердый вмѣсто мягкаго встрѣчается иногда при *р:* вихромъ 100 [1]).

Въ формахъ наиболѣе рѣзко отъ древняго типа языка отступаютъ слѣдующія черты: а) Им. мн. м. р. на *ыи:* люди молодыи 88; б) дат. мн. м. р. съ окончаніемъ женскаго: новгородцамъ 96; в) род. пад. вм. вин. въ мн. ч. мѣстоименій личныхъ 3-го лица: ихъ 107; г) сокращеніе *ши* на *шь* во 2-мъ лицѣ ед. ч. наст. времени и опущеніе *ъ* передъ *ся* въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ того же времени [2]).

III.

Въ заключеніе представленнаго обзора памятниковъ, считаемъ не лишнимъ, хоть въ немногихъ словахъ, коснуться языка *Слова о полку Игоревѣ.*

Что выше мы не упоминали о немъ и не привлекли заключающихся въ немъ данныхъ къ сравненію съ данными, извлеченными изъ другихъ памятниковъ,—это естественно: не только подлинникъ этого памятника не дошелъ до насъ, но мы не знаемъ навѣрное даже и того, къ какому столѣтію слѣдуетъ отнести погибшій въ 1812 году списокъ.

Пр. Буслаевъ думаетъ, что онъ относится къ XIV—XV вѣкамъ [3]), пр. же Тихонравовъ утверждаетъ что „развѣ ко 2-й половинѣ XVI" [4]).

Думая такъ, онъ основывается на употребленіе *ь* вм. *ъ* и *ѣ* вм. *ы* въ 1-мъ изданіи. Онъ допускаетъ, основываясь на спискѣ, найденномъ въ бумагахъ Екатерины II, что первый издатель въ этихъ

[1]) Такая форма этого слова встрѣчается и во 2-мъ почеркѣ Син. сп. стр. 66.

[2]) Эту особенность находимъ и во 2-мъ почеркѣ Синод. списка: выводишь 61, лишится 54, вспомянутся 52.

[3]) Ист. Хр. 596.

[4]) Сл. о. п. Иг. Тихонравова 1-е изд. Предисл. VI.

случаяхъ не различилъ буквъ рукописи. Смѣщать же *ъ* съ *ь*, а *ѣ* съ *ы* можно было, разумѣется, лишь въ томъ случаѣ, если начертанія этихъ буквъ были сходны. Сближаются же начертанія ихъ только въ почеркѣ писцевъ XVI вѣка [1]). Допустить,—основываясь только на Арх. сп., какъ то дѣлаетъ пр. Тихонравовъ,—что Мусинъ Пушкинъ невѣрно передалъ особенности рукописи,—мы съ своей стороны, находимъ не возможнымъ: 1) и въ немъ есть случаи употребленія *ь* вм. *ъ*: шеломомь, имь [2]); 2) каковы бы ни были недостатки изданія Мусина-Пушкина, оно вѣрнѣе тексту подлинной рукописи, чѣмъ Арх. сп. Для доказательства этого достаточно указать на почти постоянное употребленіе въ первомъ глухихъ при плавныхъ, которые въ Арх. спискѣ замѣнены уже чистыми. Пр. Буслаевъ въ употребленіи *ь* вм. *ъ*, видитъ вліяніе сербскаго правописанія [3]). Но такое вліяніе должно бы проявиться въ постоянной смѣнѣ *ъ* на *ь*, между тѣмъ мы находимъ въ памятникѣ: 1) и смѣну обратную, 2) *ь* вм. *ъ* почти *исключительно* стоитъ при *губныхъ только.*

Эта исключительность явленія даетъ новое основаніе не согласиться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ г. Тихонравова. Припомнимъ, что такую особенность письма мы уже встрѣчали въ южнорусскихъ по происхожденію памятникахъ.

Что касается до употребленія *ѣ* вм. *ы* и *ы* вм. *ѣ* (одинъ случай), то въ этомъ видимъ мы не смѣшеніе буквъ, какъ г. Тихонравовъ, а смѣшеніе падежныхъ окончаній (падежей родительнаго и дательнаго). Эта особенность рукописи, безъ сомнѣнія, имѣетъ отношеніе къ живому говору: она встрѣчается и въ другихъ памятникахъ.

Остальныя особенности языка рукописи, на сколько можно судить о нихъ по первому изданію, не даютъ никакого основанія от-

---

[1]) Ibid. V. VII.

[2]) Изд. Сл. о. п. Иг. Пекарскаго (въ Приложеніи къ V т. Зап. Ак. Н.) стр. 10.

[3]) И. Хр. 595.

носить ее ко времени позже XV вѣка; въ ней не только нѣтъ ни одной черты, которая бы противорѣчила отчисленію ея къ этому вѣку, но даже напротивъ: многія особенности, свойственныя языку этого столѣтія, въ ней не являются.

Представляемъ, въ доказательство сказаннаго, обзоръ ея звуковыхъ и формальныхъ особенностей.

Въ звукахъ находимъ слѣдующее:

1. При плавныхъ вмѣсто чистыхъ, употребляются глухіе, которые въ этомъ памятникѣ не предшествуютъ, а сопровождаютъ плавные: пълку, наплънився, чрънигова, Святоплъкъ, чръна, хлъми, влъкъ, влънахъ, млъвити, слънце. Въ Арх. сп. вмѣсто глухихъ употреблены въ этихъ случаяхъ чистые: полку, наполнився и пр. Иногда глухой употребленъ вмѣсто чистаго: тъи, понизить, вонзить, незнаемь [1]). *ъ* при плавномъ употребляется не только тамъ, гдѣ въ современномъ языкѣ *о*, но и тамъ, гдѣ теперь *е*: чръна, пръвое.

2. Полногласныя формы встрѣчаются не рѣдко, но чередуются съ неполногласными иногда въ однихъ и тѣхъ же словахъ: бологомъ, вережени, полонену, хороброе, но—храбрыя, прегородиша, но—преградиша, пороси, но—злато, сребро, врани.

3. Встрѣчается и *о*динъ и *е*динъ.

4. *е* вм. *о* въ одномъ словѣ: бебрянъ.

5. *о* вм. *и* рѣдко, но встрѣчается: Владимеръ (но и Влодиміръ) внуце (и), Немизѣ кровави брез*и* (= *е* — вм. *ѣ*).—*ей* вм. *ій*: лебедѣй вѣщей, Софеи, князей, но—повѣст*ій*.—*ый* на *ой* не смѣняется.

6. *о* вм. *е*: пап*о*рзи, см*о*рци.

7. *о* вм. *а* въ одномъ словѣ: н*о*сады. Обратнаго явленія невстрѣчается [2]).

---

[1]) Касательно трехъ послѣднихъ словъ вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Потебни, высказанное имъ въ Зам. о малор. нар. стр. 59. Форма—мужаимѣся представляетъ обратное явленіе: въ ней *ѣ* = *е* стоитъ вм. *ь*.

[2]) Если не считать формы: поск*а*чи Арх. сп. (въ I изд. поск*о*чи) и—вѣроятно испорченной—формы: сам*а*ю (въ Арх. самого).

8. *и* вм. *ѣ* въ трехъ словахъ: помолод*и*ти, д*и*вицею, т*и*совѣ.

9. *ы* иногда мѣняется съ *и*: кр*ы*чать, на кроват*ы* (въ Арх.: на кроват*и*), хлъм*и* (тв. п.), град*и* (подѣлиша), тул*и* (затче), салтан*и* (стрѣляеши), ч(ц)е(ѣ)п*и* (тв.).

10. Твердый гласный вмѣсто мягкаго употребленъ дважды: при *р:* вихръ, и *с:* връже*са*. Обратное явленіе: мягкій вмѣсто твердаго встрѣчается при *н:* чрълень (въ Арх. чрьленъ), жирн*я* времена (но—печаль жирн*а*). Есть случаи употребленія гласнаго нейотированнаго вмѣсто йотированнаго: сіа, копіа, трупіа, веселіа, заранія. Что это явленіе не имѣетъ никакого отношенія къ живому языку, само собою разумѣется. Вѣроятно ложной этимологіей писца слѣдуетъ объяснять и употребленіе *ян* вм. *ен:* въ пламянѣ розѣ, шеломянемъ.

11. Случай стяженія гласныхъ представляетъ форма: сво(е)я [1].

12. Перегласованіе встрѣчаемъ послѣ *j* и *н:* буего, синего.

13. Гортанные смягчаются правильно; стязи, Олзѣ, розѣ, луци, влъци, на рѣцѣ, на тоцѣ, пороси, златовръсѣмъ. Вмѣсто *ы* встрѣчаемъ однако иногда при гортанныхъ *и:* другыи, похытимъ, но—рѣки, кикахуть.

14. Зубные часто смягчаются по старо-славянск: хощу, нощь порождено, не вижду,—но—вережени, дѣляче, аркучи.

15. Губные постоянно смягчаются въ именахъ отчества: Святъславличя, Гориславличи и пр. Вмѣсто *ъ* при губныхъ большею частію *ь:* былинамь, соколовь, умь, имь, шеломомь. Сюда же относимъ и—мужаимѣся, въ которомъ *ѣ* (= е) стоитъ вмѣсто *ъ*.

16. Шипящіе и *ц* сочетаются и съ мягкими и съ твердыми: начяти, сердца, полунощы, чолка, иноходьцы.

17. При *ц*, *с*, *р* и *н* удерживается *ь* суфиксовъ: половецькую, руськую, у Курьска, Тмутораканьскыи.

---

[1] Приставныхъ гласныхъ въ началѣ словъ нѣтъ. Что въ *а*ркучи—*а* не приставка, это несомнѣнно доказано г. Потебней. См. Замѣтки и пр. 21—22.

18. *ч* и *ц* мѣняются: луце, вѣчи, птичь, лучи, чепи; *е* измѣнилось на *и* въ словѣ: шизымъ.

И такъ, со стороны звуковъ, языкъ Слова о полку Игоревѣ не представляетъ такихъ чертъ, которыя не встрѣчались бы уже въ памятникахъ *XIII ст.* Болѣе позднія черты находимъ въ его формахъ.

1. Им. пад. именъ сущ. на *инъ* встрѣчается во мн. съ окончаніемъ *и*: Куряни. Въ другихъ случаяхъ окончанія муж. рода или выдерживаются правильно: кмети, влъци, тури; или вм. *и* является *ы*: шеломы, щиты; въ ж. р. вмѣсто древняго ѧ встрѣчаемъ уже *и*: сабли, вежи, млъніи; въ ср. р. сохраняется *а*: копіа, сердца. Въ прилагательныхъ для им. мн. ч. м. р. встрѣчаемъ: *и*, *ии*, *ы*, *ыи*: осѣдлани, Рюриковы (стязи), златыи (шеломы), изострени, взлѣлѣяны, поганіи, храбріи, сѣрыи, ранены; въ ж. р.: *и*, *іи*, *ыи*: изострени (сабли), знаеми (яругы имь—), синіи (млъніи), половецькіи (вежи—); въ ср. р. большею частію выдерживается правильное окончаніе *а*, *я*, *ая*: минула лѣта Ярославля, ваю храбрая сердца; но встрѣчается и *ыя*: копіа харалужныя. Въ ед. ч. м. р. разъ встрѣтилось прилагательное на *ы* вм. *ыи*: Галичкы.

2. Зват. пад. встрѣчается правильно: братіе и дружино. О Бояне, соловію... внуче. Игорю. брате. О русская земле. Донче. Яръ туре Всеволоде. Осмомысле Ярославе. О вѣтре вѣтрило. Рюриче и Давиде.

3. Род. ед. ч. ж. р. въ мягкомъ склоненіи оканчивается на *е*: дѣвице, и *и*: земли. Есть случаи смѣшенія родительнаго съ дательнымъ: на ладѣ вои, славѣ(ы), головы(ѣ) [1]). Въ прилаг. м. р. въ ед. ч. оканчивается на *аго*: великаго, храбраго и *ого*: поганого; въ женскомъ на *ыи*, *ои*, *еи*: рускыи (земли), половѣцкой, дѣдней.

4. Дат. пад. не рѣдко въ ед. ч. м. р. на *еви*, *ови*: королеви. Хръсови. Игореви. Во мн. ч. м. и ср. р. сохраняютъ свойственное имъ окончаніе, не смѣшиваясь съ женскимъ: по болотомъ и грязи-

[1]) Дат. въ выраженіи: „На брезѣ синему морю" сюда не относится. Ср. „подъ сѣнію зелену древу.

вымъ мѣстомъ, копіемъ, градомъ [1]). Въ прил. ед. ч. ж. р. *ѣи:* сребренѣи, и *ой:* русской.

5. Вин. мн. м. р. сущ. мягкаго склоненія на *я* и *и:* свычая и обычая, вои, комони; въ твердомъ на *ы:* сваты, плъцы; въ прилагательныхъ: *іа:* вещіа (пръсты); *ыя:* храбрыя; *ыи:* свои бръзыи (комони), подъ тыи мечи харалужныи. Послѣднее окончаніе встрѣчается и въ женскомъ: горы угорьскыи. Разъ употреблено *ая:* на живая струны (ср. превеликая тягота. М. Зл.) Въ мягк. скл. ж. р. сущ.: *ѣ* (= е): усобицѣ [2]). Въ ср. р. или выдерживаются — въ сущ. и прил. — правильныя окончанія или — въ сущ. — являются окончанія муж. р.: поля широкая, великая поля, по вся утра, но — озер*ы*, времен*ы* [3]).

6. Тв. п. въ м. и ср. р. на *ы, и:* щиты, стады, подъ копыты, жребіи, узорочьи и пр. Разъ только въ муж. *ями* вм. *и:* былями.

7. Предл. ед. въ м. р. встрѣчается на *у:* полку; мягкое склоненіе, какъ въ этомъ родѣ, такъ и въ другихъ, не различается отъ твердаго: въ Путивлѣ, въ полѣ, въ гридницѣ.

8. Двойственное число въ именахъ и мѣстоименіяхъ употребляется большею частію правильно, но встрѣчаются и ошибки: два солнц*а*, т*ѣи* бо два храбрая Святславлича.

9. Нерѣдко встрѣчаются краткія формы прилагательныхъ: храбра и млада князя, мила брата, съ отня стола злата, неготовами дорогами.

10. Неопр. наклон. глаголовъ постоянно на *ти:* искусити, наводити, выльяти, раскропити. Вм. *ити* — уже *итти*.

11. *ь* въ пов. накл.: понизить, вонзить — особенность фонетическая, а не формальная.

---

[1]) Въ Арх. сп. разъ амъ вм. омъ: Полочян*а*мъ.

[2]) Г. Тихонравовъ пишетъ: усобиц*ы*, — поправка, по нашему мнѣнію, неудачная.

[3]) Вин. мѣст. 3 л. сходенъ съ род.: *е* (стрежаше *е*) стоитъ не вмѣсто *и*, а вм. *его*, — по опискѣ, вызванной трижды повторяющимся слогомъ *го:* „стрежаше е(*го*) *гого*лемъ". Вин. 1 л. мн. ч. *ны* употребляется въ смыслѣ дательнаго.

12. Во 2-мъ лицѣ наст. вр. постоянно *ши:* можеши, сѣдиши, стоиши; въ 3-мъ *ъ* и *ь*: звенить, гнуть, ржуть, но ждеть.

13. Формы прошедшихъ простыхъ—и аориста и преходящаго—часты: успе, убуди, одолѣсте, одѣвахъте, граяхуть, помолкоша.—*ъ* въ 3-мъ лицѣ *тъ* передъ *ся* выпадаетъ: сѣяшется.

14. Встрѣчаются и формы прошедшаго сложнаго и условнаго: абы... ущекоталъ, а быхъ неслала, оже бы ты былъ, пробилъ еси.

Состояніе формъ этого памятника указываетъ, слѣдовательно. на XIV—XV вѣка.

Изъ представленнаго обзора звуковыхъ и формальныхъ особенностей Слова о полку Игоревѣ вытекаетъ, думаемъ, несомнѣнно то заключеніе, что языкъ этого памятника представляетъ наслоеніе, условленное разностью мѣста и времени переписки его. Явился этотъ памятникъ на югѣ; переписанъ,—по крайней мѣрѣ въ последній разъ, а можетъ быть и нѣсколько разъ,—на сѣверѣ. Отсюда—особенности южно-русскаго языка являются въ немъ смѣшанными съ особенностями сѣвернаго. Относимъ къ первымъ *и* вмѣсто *ѣ*, смѣшеніе *ы* и *и*, *ш* вм. *с* въ словѣ *шизый*. Быть можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести употребленіе *ъ* при губныхъ и удержаніе того же звука при *ц*, *с*, *р*, *н* въ суффиксахъ. Самою рѣзкою чертою сѣвернаго говора переписчика является мѣна звуковъ *ч* и *ц* [1]). Кромѣ особенностей, условленныхъ живымъ языкомъ, въ Словѣ являются и такія, которыя къ нему никакого отношенія не имѣютъ. Выше такія черты нами уже обозначены. Изъ формальныхъ особенностей на счетъ южно-русскаго языка слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести частое употребленіе прошедшихъ простыхъ и являющееся въ нихъ, въ 3-мъ лицѣ, окончаніе *тъ*. Характерно не только это послѣднее по отношенію къ южно-русскому, но и самое употребленіе формъ аориста и преходящаго. Мы выше видѣли, что въ памятникахъ сѣверной письменности эти формы рано вышли,

---

[1]) Не понимаемъ, почему пр. Буслаевъ въ мѣнѣ этихъ звуковъ видитъ черту *южно*-русскаго языка. (И. Хр. 596).

или, по крайней мѣрѣ, стали выходить изъ употребленія, сохраняясь только въ памятникахъ церковной и лѣтописной письменности. Встрѣчая ихъ такъ часто и такъ правильно употребленными въ Сл. о п. Иг.,—памятникѣ конца XII в., слѣдуетъ, думаемъ, признать, что формы эти долѣе сохранялись на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ.

ОБЪЯСНЕНІЕ СОКРАЩЕНІЙ.

Кромѣ сокращеній, обозначенныхъ выше (стр. X—XII), употреблены въ текстѣ книги еще слѣдующія:

Ап.—Апостолъ.
В. В.—Вкладная Варлаама.
Воздв. кр. п. 1211.—Воздвизальный крестъ послѣ 1211.
Гр. (и *Г.*)—Грамата.
Гр. Вл.—Грамата Владислава.
Гр. Ал К.—Грамата Александра Коріатовича.
Гр. Б.—Грамата Бенка.
Гр. М.—Грамата Мстислава.
Гр. Ол.—Грамата Олега.
Г. Ев.—Галицкое Евангеліе.
Дв. Р.—Двинская Рядная.
Д. К.—Духовная Климента.
Евг. Пс.—Евгеніевская Псалтирь.
Ев. М.—Евангеліе Мстиславово.
Ж. Ф.—Житіе Феодосія.
Ж. Ф.—Житіе Феклы.
Ж. К.—Житіе Кондрата.
Ж. Б. и Г.—Житіе Бориса и Глѣба.
Ж. Н.—Житіе Нифонта.
Зл. ц.—Златая цѣпь.
Зап. 1395.—Запись 1395.
Кр. Е.—Крестъ Евфросиніи.
К. Т.—Кирилла Туровскаго Слова.
К. 1282 и 1284—Кормчая 1282 и 1284.
Купч.—Купчая.
Мин.—Минея.
Мил. Ев.—Милятино Евангеліе.
Н.—Надпись.
Надп. на стѣнѣ лад. ц.—Надпись на стѣнѣ ладожской церкви.
П. Сб.—Паисіевскій Сборникъ.
Пс. б. т.—Псалтирь безъ толкованій.
Пс. 1296.—Псалтирь 1296.
Пр.—Прологъ.
Пар. (и *П.*) *1271.*—Парамейникъ 1271.
П. Е. С.—Поученія Евфрема Сирина.
П. (и *Пат.*) *Ск. 1296.*—Патерикъ Скитскій 1296.
Прол. (и *Пр.*)—Прологъ.
Пр. К. II.—Правило Кирилла II.

Посл. въ Л. л.—Послѣсловіе въ Лаврентьевской лѣтописи.
Р. Пр.—Русская Правда.
Сав. кн.—Савина книга.
Сб.—Сборникъ.
Сб. ж. до 1250.—Сборникъ житій до 1250.
С. Сб.—Сильверстовскій Сборникъ.
С. сб. ж.—Сильверстовскій сборникъ житій.
Ск. о ч. ч.—Сказаніе о черноризчемъ чинѣ.
Сказ. Іак.—Сказанія Іакова.
Сл. В. Х.—Служебникъ Варлаама Хутынскаго.
Сл. 1250.—Служебникъ 1250.
Сл. Гр. Б.—Слова Григорія Богослова.
Сл. Пс.—Слуцкая Псалтирь.
Ст.—Стихирарь.
С. Ев.—Симеоново Евангеліе.
Т. Ев.—Туровское Евангеліе.
Тр.—Тріодь.
Тип. Ев.—Типографское Евангеліе.
Х. Б.—Хожденіе Богородицы.
Чуд. Пс.—Чудовская Псалтирь.
Ш. Н.—Шапочка Нифонта.
Ю. Ев.—Юрьевское Евангеліе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	строка:	Напечатано:	Должно быть:
III.	2.	ограниченнюю	ограниченную
VI.	3 снизу:	Гаттаны	Гатталы.
X.	4.	Остримирово	Остромирово
XI.	7 снизу:	46	64
13.	5. — :	ia	ıa
15.	15:	ie	ıe [1])
17.	5:	Slavenischen	Slovenischen
18.	10 снизу:	XIII XV	XIII—XV
19.	14 — :	надобныя	подобныя
—	3 — :	обозначилась	обозначалась
26.	9:	*з* и *ь*	*з* и *в*
30.	5 снизу:	*гн*	*зм*
32.	14:	люб'я	люб'а
33.	3:	исконно"	исконно?
34.	3:	для объясненія. *а*	для объясненія *а*
—	7 снизу:	jaz,	jaz.
36.	8—9 снизу:	древо; требую,	древо, требую;
—	9 — :	время,	время;
42.	1 снизу:	*vor*	vor
45.	7 — :	*тш*+*mj*	*тш* = *mj*
46.	13 снизу:	*тч*	*шч*
—	2 — :	вѣ.	въ
48.	16:	*жд* *шт*	*жд* и *шт*
60.	1:	верь у	верьхоу
—	2:	мълъншa	мълъниıа
61.	19:	но	не
64.	12. 13:	чуждним	чуждиимъ
66.	7:	согласныхъ	согласныхъ:
69.	18.	21 *а* въ торникъ	21*а* вѣторникъ
75.	2 снизу:	отличаетъ	отмѣчаетъ
79.	17:	небсвьскимъ	небесьскимъ
80.	16:	*л*, [3])	*л* [3]);
83.	3 снизу:	выключавшаго	заключавшаго
—	9 — :	*ы*	*и*
110.	19:	А. З. 2	А. Э. 2
138.	1:	достащщеца	досташетца
140.	15:	*л*	*гл*
152.	21:	съ *а*	съ *о*

[1]) Эта ошибка и предъидущая повторяется не разъ и на послѣдующихъ страницахъ.

